DE INCARNATIONE VERBI,

или

О вочеловечении Иисуса Христа

Якоб Бёме

DE INCARNATIONE VERBI,
или
О вочеловечении Иисуса Христа

Перевод с немецкого — К. В. Коваленко, С. М. Шаулов

ARC
2014

УДК 1.14
ББК 873
Г45

Г45 Якоб Бёме. De incarnatione verbi, или О вочеловечении Иисуса Христа / Пер. с нем. и прим. — К. В. Коваленко, С. М. Шаулов, вступит. ст. — С. М. Шаулов. — Уфа: ARC, 2014. — 392 с.

ISBN 978-5-988461-11-1

ISBN 978-5-988461-11-1

9 785988 461111

УДК 1.14
ББК 873

© Издательство «ARC», 2014
© Перевод К. В. Коваленко, С. М. Шаулов, 2014
© Вступительная статья С. М. Шаулов, 2014

Якоб Бёме

DE INCARNATIONE VERBI,

или

О вочеловечении Иисуса Христа

В трех частях, как то:

I. Как вечное Слово стало человеком
и
о Деве Марии: кто она была изначально
до своего рождения,
и какой она стала матерью по зачатии её сына
Иисуса Христа?

II. Как нам нужно войти в страдания,
кончину и смерть Христа,
и
из смерти Его с Ним и через Него воскреснуть
и уподобиться Его образу, и жить в Нём вечно?

III. Дерево христианской веры;
Истинное наставление, как человек может быть один
дух с Богом и как ему поступать, чтобы творить дела
Божии и т. д.

Написано по божественному озарению в 1620 году.

ВОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

1.

Якоба Бёме — мистика и визионера — читать надо. Хотя чтение его сочинений никогда не считалось легким занятием. А с момента создания первого из них — «Утренней зари в восхождении» — прошло уже больше четырехсот лет. С тех пор читают. Жалуются, что трудно, местами непонятно, ругают его «дикий» язык (Гегель), и — читают. Словно что-то (кто-то?!) принуждает. Текст непрерывно вступает в диалог с внутренним самоощущением читателя, радует откровением, им же терзает, мучает, повергает в отчаяние, дает надежду и... оставляет в сознании непомерной ответственности, которая возложена на человека уже самим фактом рождения. И всё потому, что читатель на самом деле и есть главный персонаж, создаваемый автором и вписываемый в мистериальную — то есть творящуюся в Божественном Мистериуме — историю мироздания. История *во времени* и конкретные обстоятельства жизни читателя *со временем* ничего не меняют в этой оппозиции «автор — читатель». Разве что ставшие привычными за это время рационализм и жизненный практицизм всё более оказывают себя

как препятствие к пониманию текста, да неожиданная активность этого барочного *двоемирия* в XX веке поломала утвердившиеся было прогрессистские концепции истории культуры.

В тексте Бёме всё взаимопроникнуто и взаимообусловлено: автор, который не считает себя автором; откровение, данное ему как «великое чудесное знание», в принципе не воспроизводимое вербально, то есть не дискурсивное, но — буквально принуждающее его нести это знание читателю единственно возможным для них обоих способом: с помощью «частичного» языка, который *это знание* «не подъемлет»: «...я сам не знаю, как это происходит со мной, без моей движущей воли; и не знаю, что мне придется писать, — признается он в 1619 году в одном из «теософских посланий» (2:10). — Ибо, что я пишу, то диктует мне Дух в великом чудесном познании, так что я часто не знаю, в своем ли духе я пребываю в этом мире,..»[1]. И еще раньше, в самом начале, в «Утренней заре»: «<...> откровение мое <...> подобно ангельскому знанию, однако не в силу моего разума, или понимания, или совершенства, как у ангела, но лишь частично, лишь *пока дух пребывает во мне*, <...> когда он отступает от меня, я ничего больше не знаю, кроме как о стихийных и земных вещах мира сего: но *дух видит до глубины Божества*»[2].

---

[1] *Jakob Böhmes* sämmtliche Werke. — Hrsg. von K. W. Schiebler. — Bd. 7. — Leipzig, 1847. S. 371.

[2] *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении. — Репринтное изд. 1914 г. — М.: Политиздат, 1990. С. 77.

И там же он объясняет нам, почему его трудно читать: «<...> когда *отъемлется у меня дух*, то я сам не знаю и не понимаю своего собственного труда»[3].

Но, главное, — там, в «глубине Божества» «дух видит» человека — таким, как он был сотворен «во образ и подобие Бога», таким, ради восстановления которого вочеловечился и принес Себя в искупительную жертву Сын Божий. И человек должен знать об этом *сущностно*, не по книжкам и проповедям с церковной кафедры, а — изнутри себя, ибо он, человек, сам и есть главный инструмент и свидетельство сокрытого бытия Божьего. Среди всех существ мира *только* человек «с его душой и понятливым духом стоит посреди (inne — внутри! — С.Ш.) вечного дыхания Божественной силы и раздельности вечного Слова Божьего»[4]. В этом пассаже из «Теософских посланий» (47:2) положение человека определяется в дихотомическом противопоставлении единства изначальной божественной воли (Сл*о*ва) и множественности её (Его) природного воплощения ([члено]*раздельности* — Schiedlichkeit). Человек предстает, таким образом, как аксиологическая и смысловая ось мира, связующая его уровни, равная ему по значению и целиком заключающая в себе его смысл.

Речь идет, разумеется, о человеке как таковом, — не о святом, преодолевшем в себе мирское и плотское начало, не о пророке, свыше призванном видеть и про-

---

[3] Там же. С. 50.

[4] *Jakob Böhmes* sämmtliche Werke. Bd. 7. S. 513.

возглашать истину, каким ощущает себя Бёме, — речь идет о *существенном* человеке, которому автор как «ищущему духу» (dem suchenden Gemüthe[5]), указывает путь к спасительной истине, — о читателе, в конечном счете. Противоречие, заключенное в человеке, состоит в том, что *изначально* присущий ему смысл он принужден открывать для себя *опосредованно* — через иные и низшие создания, с которыми уравнялся в результате падения Адама. Объяснение этому противоречию находится в общей логике антропософского мифа Бёме, в котором, так же как и в его онтологии, большое значение придано началу — моменту сотворения человека. Важнейшим источником этого мифа, без преувеличения — авторского, является, естественно, библейская история, однако развитие и преображение, которому у Бёме подвергается ее толкование, восходит к гностическим учениям времен зарождения христианства и к апокрифическим евангелиям и носит отчетливо герметический характер. Настойчивость, с которой Бёме неоднократно и повторяясь в разных книгах «упорствует» в своей «ереси», сравнима лишь с настойчивостью церкви в её многовековой борьбе с аналогичными «искажениями» Учения.

Прежде всего, это относится к модели *андрогинного* (двуполого) человека, жившего в Раю. Первоначально, по Бёме, Адам не был человеком в нашем теперешнем обиходном представлении, потому что его

[5] De Electione Gratiae, 5:11 // *Jakob Böhmes* sämmtliche Werke. Bd. 4. — Leipzig, 1842. S. 505.

сотворение продолжало и венчало *весь процесс*, воплощая в нем целостную суть исходной Божественной Воли и все элементы и качества, рожденные Вечной Природой в их высшем эссенциальном выражении. Таков был смысл *вдохновения дыхания жизни*, то есть *Духа* Божьего в *прах земной* (Быт 2:7), из которого был создан человек для того, чтобы царствовать, управлять и творить в природе *по-своему* (Бёме часть говорит, — *играть*!). Толкуя слово Моисея (а, значит, и Слово Божие), Бёме как будто расшифровывает его, движется вглубь его смысла, раскрывая в этом смысле уровни, на поверхности не всегда очевидные («откровение внутри Откровения» — Жозеф де Местр[6]). Как всякое творение (тварь), Адам, воплощая собой Волю Божества, обладал и *собственной* волей, и потому *должен* был подвергнуться *пробе*, которой он и не выдержал, соблазнившись дьявольскими побуждениями, что означает приятие его душою низшей *тинктуры*, устремление его *вожделения* к животной природе и — силой *воображения* — превращение его в *одно из* существ *этого* мира[7]. Следствия этой поистине космической катастрофы ужасны, прежде всего, для самого рода людского, в котором разделение тинктур по половому признаку означало утрату полноты и целост-

---

[6] См.: *Беренс Б.* Энциклопедия мудрецов, мистиков и магов: От Адама до Юнга. — М.: Издательский дом «София», «Миф», 2003. С. 274.

[7] Дополним сегодня: не имеющее в нем своей экологической ниши, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

ности Образа Божьего. Адам же, — по схеме «отец — сын», — является тварным выражением Сына Божьего, и, разбив в себе целостный Божественный Образ, тем самым заглушил действие тинктуры Сына, положил тень смерти и на Христа и, значит, ввел и Самого Бога в высшую степень драматизма. Именно в человеке драматизм всего Творения достигает наивысшей, трагедийной, остроты. Сам Бог страдает и мучается в нем и, через Сына Своего воплощаясь в образе Сына Человеческого, умирает на кресте, искупая грехи человека. Но человек без остатка «схвачен» миром, его делами и борьбой, собственной телесной жизнью и удовлетворением ее потребностей, — это *внешний человек*, которого изнутри постоянно взвешивает на своих весах и оценивает по свой шкале ценностей человек *внутренний*. Такова в эпоху Бёме антропологическая аксиоматика, которую он крайне заостряет и актуализирует.

Какой же грустью и отчаянием должен быть наполнен этот взгляд изнутри! Поистине, легче, а может быть, и правильнее (?) не обращать внимания на него (поэты этого времени говорят: *собственно* себя), не отвечать ему взглядом, иначе — как жить?! Главный грех и главная беда *человека времени* (и Бёме, в частности) в том, что в реальности его телесной и исторической жизни *образ и подобие* Божие, коим он изначально является, утратили действенную энергию (а Бёме прямо говорит: образ Божий *разбит* в этом человеке) и подменены в сфере актуальной жизни животной сущностью. И в этом, пожалуй, барочное самоопределение

человека ярче всего отличается от ренессансного: человек Возрождения окрылен своей *аналогией* с Творцом, человек Барокко знает о ней и потому так потрясен *действительностью* и глубиной своего падения. Живя во внешнем мире как единичная смертная форма, ограниченная в пространственно-временном и качественном отношениях, среди столь же кратковременных частичных вещей мира, он пребывает в *ситуации выбора* между истинным предназначением в Воле Божьей и влечениями земной жизни. Он переживает свое положение как гибельное, сознавая, а если — нет, — душой чувствуя *возможность* спасения.

Бёме не просто объясняет и доказывает читателю эту возможность, прибегая к алхимическим представлениям о тончайших *эссенциях* и *тинктурах* в подоснове магической связи между вожделением, воображением и зарождением новых (вожделенных, воображённых) сущностей в человеческом существе, — он не скрывает от читателя, насколько нелегко воспользоваться этой возможностью, какого радикального пересмотра и изменения жизни это потребует. А всё это ему знакомо из опыта собственной жизни, в которой были не только экстатические мгновения мистических прозрений и творческого транса, но «жгучая борьба» с собой, с дьяволом, с Богом. О своем богоборчестве и нежелании следовать указанному ему предназначению он пишет уже в «Утренней заре». Так что его читатель заинтригован еще и этими, рассыпанными в его сочинениях аллюзиями на собственную духов-

ную практику, и, конечно, жизнь его также на протяжение этих четырех веков изучалась, анализировалась, мифологизировалась, становилась легендой. И, разумеется, разговор о ней не будет лишним во вступительной статье к любому его сочинению. Не станем и мы уклоняться от этой традиции, но постараемся обратить внимание прежде всего на те точки его биографии, в которых встречаются и пересекаются горизонталь времени и вертикально направленное притяжение вечности, перманентно подпитываемое *откровением*.

2.

Жизнь Якоба Бёме (1575–1624) стала предметом пристального интереса его читателей и адептов еще до ее окончания. Его первое жизнеописание дал его друг и ученик Абрахам фон Франкенберг[8], имевший воз-

[8] Оно было присовокуплено к изданию собрания сочинений Бёме 1730 года, которое считается наиболее достоверным: THEOSOPHIA REVELATA / Das ist: / Alle Göttliche Schriften / des Gottseligen und Hocherleuchteten Deutschen THEOSOPHI / Jacob Böhmens... Anbey mit des Hocherleuchteten nunmehro seligen Mannes Gottes JOHANN GEORG GICHTELS / Eines Gottseligen und erfahrenen Kenners dieser Schriften / Geistreiche Summarien und Inhalt jeden capitels, dem Gottbegierigen Leser zu einem / ausgebornen Lichte im Verstande des Gemüths / ausgezieret. In Beyfügung des auctoris J.B. ausführlich-erleuterten Lebens-Laufes und dienlichen Registern // Gedruckt im Jahre des ausgebornen grossen Heils 1730. Издание факсимильно воспроизведено в: *Böhme, J.* Sämtliche Schriften. Faksimile-Neudruck der Ausgabe von 1730 in

можность получать сведения об этой жизни, что называется, из первых уст. И, конечно, его внимание было приковано в первую очередь ко всему, что связано с божественным откровением, нисходящим на учителя, к его переживаниям и мыслям по этому поводу, к его *образу* жизни в связи с этим. Сетования современных биографов на предпочтение, которое А. фон Франкенберг явно отдает таким эпизодам перед сведениями о *реальных* жизненных подробностях, позволяющих судить о том, «каким влияниям подвергался этот чувствительный юноша»[9], разумеется, справедливы. Но нам, пожалуй, так же, как и А. фон Франкенбергу, не менее важно приблизиться к пониманию внутренней, духовной истории Бёме, которая для него и его первого биографа как раз и есть самая *истинная реальность*.

В наше время освобождения от мифов, развенчания легенд, наконец, ограничения понятия «реальности» естественно-физическими и социально-экономическими рамками, — *устанавливая биографическую истину*, очень легко потерять те смыс-

11 Bänden begonnen von August Faust, neu herausgegeben von Will-Erich Peuckert. — Stuttgart, 1955–1961; в десятом томе этого издания помещено жизнеописание Бёме, принадлежащее перу А. фон Франкенберга, и обстоятельное биографическое исследование В.-Э.Пойкерта; см. библиографию в: *Вер, Герхард*. Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. — Урал LTD, 1998. С. 218–220. Первая подробная биография Бёме на русском языке — там же, с. 19–65.

[9] См.: *Вер, Герхард*. Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 26.

лы и мотивы, которыми обладала и двигалась интересующая нас жизнь и которые в нашем понимании лежат вне этих рамок. Мы легко можем не заметить как раз той внутренней мифологичности, театрализованности жизни в XVII веке, в которой события и люди воспринимались не в их самодостаточности, а как *знаки*, и *значили*, и ставили человека перед необходимостью понять собственное *значение*, свыше ему предна*значенное*, по отношению к которому человек *вынужден* был самоопределяться, соизмеряя свои душевные силы с масштабом предложенной ему роли и с границами сцены, на которой должен был играть. *Внешне*, особенно поначалу, жизнь Бёме видится *заурядно непритязательной*, совсем не героической, даже бюргерски-мещанской в своих основаниях. Сцена же — это тот контекст эпохи, в который жизнь объективно вписана и который обладает собственной семиотикой (общим комплексом смыслов и значений), откуда и исходят импульсы, которые улавливались, *виделись* «чувствительному юноше» в определенных *образах*, переживались им и понимались, становясь двигателем жизни. Но *границы* этой сцены (а, значит, — *роль)* он, как любой человек, должен был выбрать сам.

Романтический миф о бедном и малообразованном сапожнике-самоучке, который в домашней изоляции и наперекор гонениям церкви вынашивает и на свой страх формулирует свои идеи, основательно поправлен за последние полвека исследованиями и ар-

хивными разысканиями. Бёме не всегда был беден, и практически никогда не был одинок в своих духовных и интеллектуальных интересах. Он был сыном свободного и достаточно состоятельного крестьянина, имел дом и по-бюргерски основательную семью, в которой родилось четверо сыновей и о которой ему в любых обстоятельствах удавалось заботиться, его уважали коллеги по цеху сапожников города Гёрлица.

Эта упорядоченная жизнь стала меняться в 1613 году: в марте он продает свою сапожную лавку, чтобы заняться коммерцией и, как полагают биографы, приобрести «бо́льшую подвижность — для исполнения своей мессианской задачи»[10], а в конце июля в воскресной проповеди старшего пастора церкви Святых Петра и Павла в Гёрлице, Грегора Рихтера, он уже заклеймен как «опасный фанатик» и подвергается допросам, церковному и административному, — о своей вере. Поводом послужило распространение (не без молчаливого, скорее всего, согласия автора) списков с рукописи «Утренней зари в восхождении». Из тюрьмы ратуши его отпустили, строго пожурив, изъяв из его дома книгу и удовольствовавшись, как можно понять запись в дневнике бургомистра Бартоломеуса Скультетуса, его «смятением»: «ему было строго наказано забыть об этих делах»[11]. Хуже обошлось «по церковной линии». Ревностный блюститель чистоты

[10] *Вер, Герхард.* Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 35.

[11] См.: Там же. С. 33.

лютеранской веры Грегор Рихтер запретил ему впредь писать и распространять его сочинения. Послушный прихожанин кротко соблюдал этот запрет практически до самого начала Тридцатилетней войны (1618), пастор же все это время, вопреки данному обещанию[12], продолжал клеймить его с церковной кафедры, явно стремясь превратить его случай в показательный пример, «<...> так что я, — пишет Бёме в одном из писем, жалуясь на многолетнюю травлю, — вместе с женой и детьми все время оказываюсь *шутом и дураком в разыгранном спектакле*»[13].

Какой шекспировский мотив звучит в этом письме, не правда ли! Совершенно естественно приходит мысль о Великом Барде, о котором Бёме, скорее всего, слыхом не слыхивал, но который, несомненно, более тесно и органично связан с интеллектуальной атмосферой рубежа веков и барочной антропологией, чем это традиционно представлялось в нашей ренессансологии, обязательно включавшей его творчество в *предыдущую* «эпоху Возрождения». Особенно естественна эта мысль о Шекспире, если *вдруг* вспомнить, что его творчество загадочно обрывается в том же 1612 году, когда сочинена «Утренняя заря» и... скончался маг и император магов Рудольф II, освободив историческую сцену для завязки следующего акта — Тридца-

[12] «Со своей стороны и господин примас вместе с другими проповедниками обещал молчать обо мне на кафедре», — рассказывает Бёме в одном из писем (цит. там же, с. 35).

[13] Там же. С. 35.

тилетней войны. В пьесах Шекспира то и дело встречаются общеупотребительные в это время формулы осмысления человека и мира, связанные с мистической и герметической мыслью[14], а к его последней «магической» пьесе («Буря»), возможно, имеет отношение и Рудольф II — как прототип Просперо[15].

[14] Для примера напомним слова Клавдия о перемене в Гамлете во второй сцене второго акта, где король просит следить за принцем: «Sith nor the *exterior* nor the *inward* man / Resembles that it was». Примечательны примеры из истории перевода этого места, позволяющие судить о степени важности этой формулы для переводчиков. Так, А.В.Шлегель наверняка понимал ее исходный смысл и, пожалуй, видел в ней деталь, культурно-исторически значимую, важную и близкую романтическому сознанию: «<...> noch der *äußre*, noch der *innre* Mensch / Dem gleichet, was er war». А. И. Кронеберг переводит понятия мистической антропологии в плоскость близкой по смыслу, но более привычной дихотомии: «<...> он ни *телом*, ни *душою* / Не тот, что был». Б. Пастернак, довершая сведение «внешнего человека» к его *внешности*, а «внутреннего» — к *психическому состоянию*, переводит шекспировскую мысль не только с языка на язык, но и из эпохи в эпоху: «<...> так неузнаваем / Он *внутренне* и *внешне*». А его современник М.Лозинский все же предпочитает сохранить в неприкосновенности формулировку XVII века, в которой подбор слов, странный для рядового читателя и зрителя XX века, по сути дела, нуждается в пояснительном комментарии: «<...> в нем точно / И *внутренний* и *внешний* человек / Не сходен с прежним», — практически повторяя тем самым слово в слово опыт немецкого романтика.

[15] См. об этом аргументированном предположении некоторых ученых в: *Тананаева Л.И.* Рудольфинцы: Пражский художествен-

Сополагать разделенные географически, но совпадающие во времени и в чем-то созвучные явления, разумеется, интересно исключительно, чтобы увидеть эпоху, так сказать, стереоскопически. И ведущий затворническую жизнь алхимик в роли императора, и «игра о Шекспире»[16], оставившая жгучую тайну, не раскрытую, кажется, и сегодня, и даже «розенкрейцерский фурор», непосредственно перед войной подливший масла в ее занимающиеся пламя и вызванный появлением манифестов ордена розенкрейцеров[17], о которых их автор Иоганн Валентин Андреэ неизменно отзывался потом как о ludibrium'е («комедии» или «шутке»), и даже династический брак Фридриха V Пфальцского и английской принцессы Елизаветы — важнейшее политическое событие эпохи, породившее надежды, сыгравшие свою роль в развязывании Тридцатилетней войны, и превратившееся в грандиозный праздник с ноября 1612 по февраль 1613 года, — а это событие примечательно еще и тем, что на грандиозной сцене, в которую на это время превратился Лондон и на которой вовсю трудятся друзья и коллеги Шекспира, самого его уже не видно, хотя Билл Шакспер из Стратфорда,

---

ный центр на рубеже XVI–XVII веков. — М.: Наука, 1995. С. 24.

[16] Ср.: *Гилилов И.М.* Игра об Уильяме Шекспире, или Тайна Великого Феникса. — М., 1997.

[17] См.: *Andreae, J.V.* Fama Fraternitatis (1614); Confessio Fraternitatis (1615); Chymische Hochzeit Christiani Rosencreutz. Anno 1459 (1616). — Stuttgart, 1981.

сыгравший его роль, еще не уехал в родной город, — все эти штрихи к портрету эпохи имеют одну общую черту, имя которой — Игра.

Игра как выражение особого состояния духа, облеченного высшей миссией в мире, в сознании своего достоинства превосходящего запросы и вызовы бренной жизни, — не имела ничего общего с праздным весельем, была серьезна сама и сквозила в начинаниях вполне серьезных, и тем не менее оставалась игрой, приоткрывающей миру идеал, — зачастую без надежды на его скорое воплощение, — акцентирующей жизнь на *роли* человека в «театре мира» (и в «театре войны»!), на драме между его высшим предназначением и его, говоря современным языком, социокультурной маской, — вот сквозная и центральная коллизия в жизни эпохи. Эта эпоха, пережитая многими как «игровая», как время глобального столкновения *видимости* и *реальности*, быть может, готова была в гигантском спектакле оставить для Бёме, — и, судя по употребленным в его письме выражениям, он мог это понимать, — роль «шута и дурака» в эпизоде третьего плана. Потому что эпоха изобиловала такими эпизодами[18].

Он никогда не был тщеславен, но ко времени разразившегося скандала его «внутренний человек» (истинный) уже не сомневался в миссии, возложенной на

[18] См., напр.: *Горфункель А.Х.* Неизбежность пантеизма (крестьянин-философ Доменико Сканделла) // Культура эпохи Возрождения. — Л.: Наука, 1986. С. 139–149.

него Богом, и чувствовал непомерный груз ответственности перед людьми, которых успел увлечь своими откровениями. Его личная драма в этот период молчания заключалась в том, что его «внешний человек» (видимый) оставался послушным прихожанином церкви, напуганным скандалом, и, по воспоминанию из 1620 года, «не хотел отныне писать»[19]. Возникает прямо-таки гамлетовская ситуация, в которой Бёме все же выбирает роль героя-протагониста, причем продолжительность «спектакля» и его «сцена», по ощущению, не уступают шекспировскому масштабу — всемирно-историческому: «Мои видимые упражнения — это ремесло, которым я в течение длительного времени честно кормился. Но внутреннее упражнение — настоятельная потребность проникнуть в побуждение моего природного человека <...> Поэтому я оставляю <...> мое ремесло и *служу Богу* и ближним в этом призвании, но *принимаю плату свою на небе*, хотя Вавилон и Антихрист не простят мне этого»[20].

«Антихрист» и «Вавилон», конечно, не просто аллегории неуемного пастора и города Герлица, на улицах которого толпа теперь не дает прохода еретику-сапожнику и его домочадцам и забрасывает камнями его дом, — оба слова распространены в духовно-публицистической практике эпохи и часто употребляются, означая римского папу и католическую церковь,

---

[19] См.: *Вер, Герхард.* Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 36.

[20] Там же. С. 38–39.

но нередко и шире — все церковно-государственное устройство Европы; для Бёме же это еще и обозначения извечно действующих в природе сил, ополчающихся на всякого, кто «служит Богу», неся Его свет ближним. Зло мира сего, неотделимое от самой сути Творения как его естественный атрибут, есть Гнев Божий, огонь пожирающий, в который грубая природа обращает источный свет. И как всякое зло в природе побуждает творящий дух к возвращению в собственную изначальную сущность, которая есть свет и свобода, так и в «господине примасе» Бёме видит «молот Божий», испытывающий его дух и, вопреки собственным намерениям, содействующий его миссии. «Его хула была моей силой и моим ростом. Его преследования растили мою жемчужину. Он сам извлек ее и открыл публике»[21], — пишет он в стилистически безупречной «Защитной речи против Грегора Рихтера» в последний год жизни уже с нескрываемым чувством победителя, смешанным с благодарностью к врагу.

Справедливости ради следует заметить, что даже с учетом острой необходимости, которую должен был сознавать протестантский пастор, немедленно и жестко реагировать на проявления вольнодумства в атмосфере религиозного разброда на фоне растущего напряжения отношений с католическим лагерем, переходящих в открытую войну, чувство меры все же изменяло Грегору Рихтеру настолько, что он порой действительно сам способствовал распространению

[21] Цит. по: Там же. С. 58.

сочинений Бёме и росту интереса к ним: «он разослал мою книгу и мои ответы на допросе в дальние места, города и деревни, причем совершенно вопреки моей воле и без предупреждения», — сокрушался (!) Бёме[22]. Возникает впечатление, что и в самом деле некая высшая сила (этакий незримый «Шекспир» за кулисой!) предопределила пастору именно такую роль, какой ее воспринял в конце концов Бёме; и умер примас, на короткое время опередив своего прославленного подопечного, в тот же год (1624), когда дело жизни (по-видимому, того и другого!) было блистательно завершено: «*теперь я отправляюсь в рай*», — таковы, по сообщению врача, последние слова Бёме, сказанные после прощания с семьей и перед тем, как он «спокойно заснул»[23]. Перед нами ситуация эпохи барокко, в которой человек осознает себя включенным в борьбу абсолютных сил мироздания, сознает свою *ничтожность* и вынужден (!) открыть в себе силу противостоять миру и действовать так, как того требует его «внутренний человек», — «хотя бы я привел в гнев этим мир, диавола и все врата адовы»[24]!

3.

Такое разрешение гамлетовской ситуации Бёме готовилось всей логикой действия его жизненной дра-

[22] Там же, с. 35–36.

[23] Там же, с. 63.

[24] *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении. С. 272.

мы. И тут, как в «Гамлете», не обошлось без вмешательства потусторонних сил — оттуда приходит откровение об избранности героя. Редкий биограф удерживается от изложения этих эпизодов жизни мистика и визионера: в конце концов, ведь именно они и делают его тем, чем он становится. Первое видение, о котором Абрахаму фон Франкенбергу поведал спустя годы сам Бёме, посетило его в возрасте восьми лет *на вершине горы* Ландескроне («венец земли»!) в окрестностях деревни, где мальчик пас скот. *Между двумя сросшимися валунами* ему вдруг открылся *вход в пещеру*, войдя в которую он увидел бочку, полную золотых монет, и, объятый внезапным ужасом, бежал из этого места. Через несколько дней, желая показать это место другим мальчикам, он не смог его найти[25].

Незаурядность эпизода в обыденном потоке жизни и его принадлежность ко всей последовавшей духовной истории мистика очевидны. А. фон Франкенберг увидел в нём «подготовку к духовному восшествию в сокрытую сокровищницу божественной и природной мудрости». Этот смысл, ясный, конечно, и самому Бёме, может быть дополнен мифопоэтическим толкованием места видения. Среди значений «пещеры»[26] — «точка встречи божественного и человеческого», «внутреннее эзотерическое знание», «сокровенное», «место ини-

[25] См.: *Вер, Герхард*. Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 23–24.

[26] Об этом можно почитать подробно в распространенных сегодня словарях и энциклопедиях символов и эмблем.

циации и второго рождения»[27]. Теперь трудно судить о том, действительно ли это место предстало восьмилетнему Якобу таким, как потом виделось в воспоминании, но в контексте устремленности его натурфилософии к истоку мира, к моменту рождения, — *его* «пещера», конечно, и пластически выражает «женский принцип, лоно матери-земли», а в сочетании с «мужским принципом» горы (геометрический образ — перекрещивающиеся треугольники с вершинами, направленными один вверх, другой вниз) — «центр мира». Во многих мистериальных культах пещера — место проведения церемонии инициации, которая проводит человека через символическую смерть («прежнего» человека) к возрождению (рождению «нового» человека). Уже прохождение через пещеру и выход из нее символизируют «изменение формы бытия». Непосвященным вход в пещеру закрыт: неудача в попытке найти это место через несколько дней, — обязательная деталь в изложении этого эпизода, — в сознании Якоба, конечно, была еще одним свидетельством чудесного и сакрального характера пережитого им события. Это видение предвосхищает один из главных мотивов его учения: мотив перерождения, «смерти миру», перехода в Божественный Мистериум.

В следующем знаковом происшествии, когда он уже состоял в обучении у сапожника, Якобу, оставшемуся

---

[27] Эти и др. значения «пещеры» см., напр.: *Cooper J.C.* Illustriertes Lexikon der traditionellen Symbole. — Wiesbaden: Drei Lilien Edition, o.J. S. 80–81.

в этот момент в лавке в одиночестве, явился странный покупатель, который, *не задумываясь*, оплатил башмаки по *явно завышенной* цене, которую подмастерье назначил, не желая в отсутствие хозяев брать на себя ответственность за продажу и надеясь таким способом удержать посетителя от покупки. Уже «отойдя немного от лавки», человек «остановился и *строго позвал*: *„Якоб, выйди!“*». Задержимся здесь на мгновение, чтобы представить себе эту ситуацию: такое требование могло ведь предвещать разбирательство по поводу цены, за которую проданы башмаки. А когда Якоб вышел к нему, незнакомец, «*взял его за руку, поглядел прямо в глаза* и сказал ему: „Якоб, ныне ты мал, но ты изменишься и станешь большим человеком — мужем, которому будет дивиться весь мир...“»[28]. В описании этого эпизода каждый раз обращают на себя внимание *говорящие* подробности внешнего вида и поведения незнакомца: ясно, что это не простой посетитель, а человек, посвященный в высшее знание, и пришел он возвестить мальчику его будущую миссию. Это по-библейски властное «Якоб, выйди!»[29] всегда довлело над самосознанием Бёме, и будущее решение вновь писать вопреки церковному запрету выглядит именно как *выход внутреннего человека из укрытия внешнего*.

---

[28] *Вер, Герхард*. Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 24–26.

[29] Ср., напр., с явлением голоса Бога пророку Илии в *пещере на горе* Хорив: «И сказал: выйди и стань на горе пред лицем Господним». — 3 Цар 19: 11.

И третье (самое известное, но тоже — не последнее!) знамение, явившееся Бёме уже на двадцать пятом году жизни и фактически решившее его судьбу, содержит это же значение выхода — за город, но тем самым и — за пределы обыденного, внешнего, видимого и осязаемого круга жизни — на зов света сокровенного, божественного, прорывающего этот круг, чтобы явиться именно ему, чтобы он поверил этому свету и поверил им всё в своей жизни. Примечательно, что случившееся с ним на этот раз практически беспредметно и безлюдно. Даже «оцинкованный сосуд» здесь лишь отражает свет, неизвестно даже, что это было, — чайник, кувшин, блюдо? Действует только свет:

«Через слепящий блик оцинкованного сосуда (свет которого был добрым и бодрящим) он [Бёме, — С.Ш.] был *всецело увлечен к самым глубинным основаниям, к центру тайной природы.* Он решил пойти *к воротам* Найсе у Гёрлица *на зеленый луг*, с тем чтобы избавиться от этого наваждения, которое показалось ему сомнительным. И тем не менее это видение становилось все яснее, так что он смог *посредством запечатленных знаков проникнуть в сокровенные глубины природы.* Он в большой радости, вознося хвалу Богу, узрел смысл своих домашних дел в воспитании детей и обходился теперь с каждым еще более мирно и дружески, и о своей тайне говорил мало или совсем ничего»[30].

---

[30] Цит. по: *Вер, Герхард.* Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 30.

Рядом с предыдущими это переживание выглядит завершающим актом посвящения (после подготовительного испытания и оглашения), следствием которого является палингенетическое преображение, изменение сознания и поведения. Палингенесия (возрождение) в одном из своих значений подразумевает момент духовной инициации (в том числе в обрядовой форме в древних мистериальных культах, близких герметическому гностицизму) через прижизненное «духовное обновление-возрождение, которому предшествует *символическая* смерть старого, греховного человека»[31]. Именно такой момент лежит в основе писательского побуждения Бёме. А описание этого момента своей образностью, прежде всего световой символикой и выраженным чувством проникновения в сокровенную тайну *всего* не может не напомнить аналогичные места из «Герметического корпуса»[32]: «В этом свете дух мой вскоре проник зрением все, и во всех тварях, а также в зелени и траве, познал Бога,

[31] См.: Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 475.

[32] «Я увидел зрелище, не подвластное никакому определению: все стало светом, мягким и приятным, и, узрев его, возлюбил я его» (Герм. Корп., I, 4; см.: Высокий герметизм. С. 31); «<...> он проявляет себя при посредстве всего и во всем <...> Но вот если ты сможешь взглянуть глазами ума, то он явится тебе, Тат; ибо владыка независтливо проявляет себя во всем космосе, и потому ты сможешь созерцать образ божий и даже взять его в свои руки», — говорит Гермес своему сыну (Герм. Корп., V, 2; см.: Там же. С. 71); и т.п.

кто Он есть, и как Он есть, и какова Его воля: и вскоре в том же свете выросла и моя воля в великом побуждении описать существо Божие»[33].

Все окружающее получает новый глубокий смысл, в котором открываются единство и взаимовыраженность всего во всем, все внешнее требовательно сигнализирует об этой глубине, мир синтезируется в едином абсолютном представлении и ищет выражения на образно-понятийном уровне. Такое экзотическое, с обыденной точки зрения, мироощущение совсем не было редкостью в обществе, окружавшем визионера Бёме, и не вызывало (*романтического*!) чувства изолированности и непонятости. Напротив, при всей очевидной уникальности его особой чувствительности к откровению, при столь же очевидной склонности к созерцательным и экстатическим состояниям, характер образности его видений говорит о несомненной погруженности в ментальную среду его времени. Исследования гёрлицкого окружения Бёме показывают, что рядом с ним были люди, которые могли, были готовы и хотели его понимать. Более того — поддерживали и по возможности оберегали.

4.

В городе Гёрлице, как и во всем Верхнем Лаузице, во второй половине XVI — начале XVII века сложилась атмосфера относительной религиозной и ду-

[33] *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении. С. 272.

ховной свободы[34]. Эту местность обходили стороной жестокости габсбургской контрреформации: толерантная политика в отношении отдаленной и стратегически не очень важной провинции, казалось, могла успешнее репрессий поддерживать лояльные настроения населения. Протестантской ортодоксии здесь противостояли не только католики, кальвинисты, но и многочисленные представители самых разных религиозных сект, от ариан и новокрещенцев до моравских (богемских) и польских братьев. С ними заодно оказывались многочисленные кружки и группы искателей божественных тайн на путях натурфилософии, мистики и пансофизма. В интеллектуальной среде Гёрлица Бёме не только не остается незамеченным, но очень скоро почитается едва ли не как новый пророк и вождь движения.

Практически все известные ныне поименно знакомые Бёме характеризуются как приверженцы той или иной неортодоксальной формы вероисповедания или того или иного направления оккультного знания. Крупнейшей и известнейшей и поныне фигурой в этом окружении является Бальтазар Вальтер, прибавивший к названию «Утренней зари в восхождении» слово «Aurora»[35]. Он слыл «одним из лучших учеников Парацельса», «розенкрейцером и практикующим

---

[34] См.: *Gorceix, Bernard.* Jacob Böhme // Deutsche Dichter des 17. Jahrhunderts: Ihr Leben und Werk. — Berlin, 1984. S. 52.

[35] См.: *Вер, Герхард.* Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 31.

алхимиком». Известно, что он обучался «в эзотерических школах Сирии, Египта и Греции». Именно ему приписывают заслугу в том, что он, познакомившись с Бёме в самый трудный для философа период, поддержал его, «дал ему основы алхимии и каббалы, а также помог ему создать собственный выразительный язык, использующий алхимические термины и символы, и в итоге убедил его снова начать писать»[36]. Именно Бальтазар Вальтер сформулировал и поставил перед философом «сорок вопросов о душе», на которые Бёме ответил книгой[37].

Из других представителей близкого окружения Бёме достаточно упомянуть врача Тобиаса Коблера, который по просьбе Иоганна Сигизмунда фон Швайнихена оставил подробное описание предсмертных

---

[36] *Бутузов Г.А.* Предисловие // Герметическая космогония. — СПб.: Азбука; Петербургское Востоковедение, 2001. С. 6–7. Автор даже берет на себя смелость утверждать, что «уроки Бальтазара Вальтера были единственным образованием, полученным Бёме от людей» (там же, с. 8). О Бальтазаре Вальтере см. также: *Gorceix, Bernard.* Jacob Böhme. S. 53.

[37] См.: *Бёме Я.* Истинная психология, или Сорок вопросов о душе: Ее начале, эссенциях, существе, натуре и их свойствах и что она от вечности и во все веки веков есть; Сочиненные и предложенные доктором Бальтазаром Вальтером, любителем великих таинств; И ответы на них из глубочайшего источника божественного познания, <...> изложенные в 1620 году высокопросвещенным немецким богословом Иаковом Беме. Печатано в 1730 году от Рождества Спасителя. Переведено с немецкого Августином Кирхнером в 1828 году. — СПб.: Оранта-Пресс, 1999.

дней и последних минут жизни Бёме. Этот врач также считался парацельсистом[38]. Сам И. С. фон Швайнихен, по собственной инициативе издавший «Путь ко Христу»[39], предстает уже как ученик, восторженный адепт и меценат мыслителя, подобно А. фон Франкенбергу, переживший его учение как *обращение*[40]. Из этого круга покровителей, приверженцев и учеников Бёме влияние обновленного им мистико-гностического мировидения растекается потом по Германии, Европе, за их пределы и за пределы исторической эпохи[41].

---

[38] *Gorceix, Bernard.* Jacob Böhme. S. 53.

[39] См.: *Бёме Я.* Christosophia, или Путь ко Христу. — СПб., 1815 (1994).

[40] *Вер, Герхард.* Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 49.

[41] В этой связи уместно обратить внимание на особенности бытования и вхождения в литературу сочинений Бёме, что, безусловно, отдаленно касается и нашего перевода. Кроме упомянутого сборника И. С. фон Швайнихена ни одного своего сочинения он не видел напечатанным, ни одно из них не было обычным образом (под присмотром автора) подготовлено к печати. В 1620 году он сделал добавления и вставки на полях «Авроры», эти маргиналии несут отпечаток авторефлексии и желания объяснить то или иное место читателю, причем, – такое впечатление, – конкретному, может быть, владельцу рукописной копии, на полях которой они делаются. Неоднократно воспроизведенные тексты, при всем сакрально-бережном отношении к ним, естественно, не лишены разночтений, что и сказывается затем в истории их книжных публикаций. Основным источником нашего перевода явилось собрание сочинений в семи томах, из-

Реакция протестантской церкви на эту атмосферу и на распространение в ней идей Бёме поневоле должна была быть острой, но и это подчас зависело от индивидуальных склонностей священника. Предшественник (до 1606 года) Грегора Рихтера в чине старшего пастора Мартин Моллер был «кальвинистом и тайным розенкрейцером» и «принимал в своем доме некоторых из тех людей, которые впоследствии стали сторонниками Бёме»[42]. В литературе можно встретить мнение, что Мартин Моллер «способствовал» Бёме «в написании» «Утренней зари»[43]. Врачи и ученые, горожане и бюргеры из окрестностей города составляли кружок гуманистов, возглавлявшийся самим Бартоломеусом Скультетусом, который не только долгие годы занимал влиятельное положение в городском управлении, но и входил в круг общения ученых, мыслителей и магов, работавших при дворе Рудольфа II, — Тихо Браге, Иоганна Кеплера и Лёва бен Бецалела[44]. Он считается последователем Парацель-

---

данное К. В. Шиблером в 40-е гг. XIX в.: *Böhme Jakob.* Sämmtliche Werke / hrsg. von K. W. Schiebler. – Bd. 6. – Leipzig, 1846. Кроме того, сверить свое понимание текста мы имели возможность по современному комментированному изданию: *Böhme Jakob.* Von der Menschwerdung Jesu Christi / hrsg. und kommentiert von Gerhard Wehr. – Insel Verlag Frankfurt/M. 1991. На некоторые разночтения мы в дальнейшем обратим внимание.

[42] *Вер, Герхард.* Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 31.

[43] *Бутузов Г.А.* Предисловие. С. 5

[44] *Gorceix, Bernard.* Jacob Böhme. S. 52.

са, труды которого копировались в городе. Именно этот бургомистр выдал Бёме гражданское удостоверение, позволявшее постоянно проживать в городе Гёрлице[45], и фактически оставил без последствий разбирательство 1613 года. И за этим фактом стояла, очевидно, общественно значимая позиция, проявившаяся и в марте 1624 года, когда созванный по инициативе старшего пастора городской совет обсудил очередную, но впервые изданную типографским способом, книгу вновь пишущего Бёме («Путь ко Христу») и странным образом *не принял никакого решения*, что можно расценить не иначе, как поддержку и солидарность, которые автор встретил в культурном слое населения города. Грегор Рихтер, придавая делу новый размах, тем самым выводил полемику со строптивым сапожником на новый идеологический уровень: речь шла уже, как справедливо резюмирует Г. Вер, «не о частных убеждениях <...>, а о фундаментальном вопросе религиозной свободы»[46]. Городской совет в целом явно отказался поддержать обвинения пастора, и это поражение главы местной церкви тем значительнее, что, как мы узнаём из письма обвиняемого, нанесено оно было не без посредства книги, вызвавшей обвинение: «Большая часть совета прочла мою печатную книжку и не нашла в ней ничего противного христианству, и многим она даже очень полюбилась, и притом многим из бюргеров. Поэтому некоторые расценили на-

[45] *Вер, Герхард.* Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 26.

[46] Там же. С. 53.

мерения пастора как несправедливые, полагая, что здесь нет никакой правовой основы для преследования»[47].

Ни в этом, очередном, общественном столкновении, в котором Бёме выступил с блистательной апологией против своего противника, ни в его отношении к политическим событиям, современником которых ему пришлось быть, мы не видим в нем ни затворника, ни отшельника. Едва ли можно сомневаться в том, что и коммерческие его поездки между 1613 и 1618 годами расширяли не только круг его общения с людьми, интересовавшимися теми же проблемами и мыслившими в том же направлении, но и политический кругозор. Его маршруты охватывают прилегающие местности Силезии и Богемии. Примечательно, что судьба (а мо-

[47] Цит по: Там же. Впрочем, и оправдательное решение не далось совету, с молчаливого согласия которого Бёме счел за благо воспользоваться приглашением из кругов, близких к саксонскому двору, в надежде обрести там высокое покровительство и более устойчивое положение. Однако и этому не суждено было исполниться, что, возможно, явилось одним из приватных следствий сложного развития политической ситуации: уже шла война, Саксония была связана обещанием лояльности императору Фердинанду II, за что получила контроль над Лаузицем; приласкать при дворе скандально известного и харизматичного диссидента из этой провинции было бы, наверное, опрометчиво. Поездка Бёме в Дрезден, несмотря на открыто выраженную благосклонность некоторых важных персон и многообещающее расширение круга общения, обернулась бесплодным ожиданием высокой аудиенции, за которым последовали возвращение в Гёрлиц и скорая смерть.

жет быть, собственное намерение?) привела его в Прагу осенью 1619 года как раз в тот день, когда в город торжественно входил Фридрих V Пфальцский, избранный богемским королем, то есть в кульминационный момент развития удушающих Германию конфессионально-политических противоречий, когда их тугой узел уже мог быть только разрублен мечом войны, к далекому концу которой население Германии уменьшится на треть. Поистине, «минута роковая», в которую решение Фридриха принять предложение богемских сословий, конечно, объяснимо подстрекательством его окружения и расчетом на помощь тестя — Якова I, но оно, с другой стороны, несомненно, не обошлось без глубокой *веры* в то, что именно такого политического действия требует в этот момент для своего воплощения логика *внутренней*, *сокровенной* истории. Через всю эту эпоху проходит настойчивое стремление уловить именно эту сокровенную логику, *вычислить* характер и сроки грядущих событий. В интеллектуальных кругах, близких к тайным политическим усилиям, направленным на создание Протестантской унии, было известно пророчество, высказанное еще в 1604 году: «1620 год <...> окажется судьбоносным, ибо узрит крушение царства антихристова в падении власти Папы и Магомета <...> а примерно в году 1623 начнется Тысячелетнее царство»[48].

Если ко всему этому мы вспомним, что именно на это время приходится пик «розенкрейцерского фурора», вызвавшего ярость обеих враждующих сто-

[48] *Йейтс Ф.А.* Розенкрейцерское просвещение. С. 76.

рон, — мы получим некоторое представление о накале той идеологической и политической ситуации, *внутри* которой Бёме решается, и теперь уже окончательно, нарушить многолетний запрет писать: это едва ли случайное совпадение. В исторических событиях он видел выражение внутреннего, провиденного им еще в «Утренней заре», предопределенного миру удела и воспринимал их как подтверждение истинности своих предчувствий: времена все более *явно* приближались к завершению. В его переписке событие, свидетелем которого он явился, отразилось характерным образом: как все происходящее во «внешнем» мире, оно *обозначило* для него момент скрытой, духовной истории, и это момент приближения Апокалипсиса. Он пророчит, указывая как на параллель современности на 38-ю и 39-ю главы Книги Пророка Иезекииля: «<...> тогда не будет пышных процессий (таких, как торжественная встреча Фридриха в Праге. — С.Ш.)... Потому что тогда будет время большого поражения детей (Бога) в Вавилоне, тогда появятся бичи Божии, один из них — война, другой же — смерть, с тем чтобы Вавилон был разрушен»[49]. Менее чем через год произошла битва у Белой Горы, повлекшая полный разгром и изгнание Фридриха, жестокая расправа имперских войск над Богемией и Пфальцем, а затем долголетняя череда сражений, разрушений, эпидемий, обескровивших Германию.

---

[49] Цит. по: *Вер, Герхард*. Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 43.

Из пророчества Иезекииля в пророчество Бёме переходит двунаправленность пророческого слова: погибнут и «дети Бога», и их враги — «Вавилон», современный мир. Как видно, он отнюдь не был одним из тех близких к большой политике интеллектуалов, которые *прямо* связывали надежды на «полную Реформацию» с успехом предприятия Фридриха, хотя именно протестантская партия для него, прежде всего, — «дети Бога», навлекшие на себя своим богоотступничеством, подобно израильтянам из пророчества Иезекииля, гнев Божий, который после их избиения, инструментом для чего послужат их враги, обратится на этих последних и истребит их. Бёме далек от того, чтобы встать на сторону той или другой конфессиональной партии и оправдать ее действия, он внимательно всматривается в свое время с третьей позиции: он как будто смотрит *сквозь* историю, читая ее знаки и находя сакральные аналогии ее вневременному смыслу. Он — диагност своего времени, да, пожалуй, и времени вообще, как такового, — с отвлеченно-духовной точки зрения, с позиции абсолютного духа, равнодушного к временным интересам и притязаниям людей и *равнопричастного* к событиям. Это точка зрения *гностика*, для которого Священное Писание сохраняет безусловный авторитет первоисточника сакральной правды истории, но которому чуждо узкоконфессиональное притязание на обладание этой правдой в актуальных политических целях. Спустя без малого год после битвы у Белой Горы он пишет:

«Я с лучшими намерениями сообщаю Вам, что *нынешнее время требует серьезного внимания*, потому что седьмой ангел Апокалипсиса уже поднял свою трубу. *Силы Небесные пришли в движение*, так что створки дверей распахнулись в большой страсти, свете и мгле. С каждым будут происходить события, сообразные тому, к чему он пристрастен. То, что возрадует одного, другой осмеёт. Затем последует суровый и строгий суд над Вавилоном»[50].

Высказывание Бёме звучит совершенно в духе распространенных в его время эсхатологических ожиданий и в соответствии с тем типом историзма, который был присущ мышлению этого времени. В этом он несомненный продукт и представитель своей эпохи — эпохи *фигуративного* восприятия и истолкования окружающего мира, будь то собственно природа или политические события. Подобно большинству своих мыслящих современников Бёме живет в принципиально бинарном мире, форма которого — *внешний* мир, воспринимаемый человеком посредством органов чувств, имеет *знаковый* характер — *обозначает* скрытую от чувственного восприятия сущность — мир *внутренний*, *собственно* мир. Точно так же двойствен и скрыт от самого себя, *внешнего*, *внутренний* или *собственно* человек. С одной стороны, внешнее обозначает, воплощает (от слова *плоть*!), по-своему *выражает* внутреннее и потому *может* дать человеку представление о духовном,

[50] Цит. по: *Вер, Герхард*. Якоб Бёме, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. С. 43–44.

субтильном и потому не воспринимаемом. Но, с другой стороны, именно в силу своей воплощенности и потому косности (несвободы, замкнутости, «терпкости») видимый мир закрывает сознанию доступ к невидимому.

Это построение само по себе не ново. Тысячелетняя традиция гнозиса, герметизма и мистики к XVII веку давно возвела такое мировидение в статус неоспоримой и очевидной истины. Бёме неоднократно дает понять, что «прочел много писаний высоких учителей», но «ничего не нашел, кроме полумертвого духа»[51]. Его опыт скорее подтверждает традицию, чем принимает ее, скорее вносит в нее новые доказательства правоты, *дает* новый импульс ее развитию, чем просто *воспринимает* и продолжает ее. В этом качестве его интеллектуальный опыт и правит, и переформулирует, и переориентирует традицию, часто вполне осознанно, доходя до прямой полемики с «софистами», «юристами», «учеными» и т.п. Новизна интенции, которую он в нее вносит, состоит в актуальной *разомкнутости* его послания, не ограниченного рамками оккультного сообщества, в обращении к современности и ближайшему будущему, которого у человечества уже может и не быть, вследствие чего это «теософское послание» в любое время, — и наше не исключение! — несмотря на трудности чтения, производит впечатление сказанного сегодня. Наконец, эта новизна в сознании чрезвычайной всечеловеческой важности открывшихся ему истин и возложенной

[51] *Бёме Я.* Аврора, или Утренняя заря в восхождении. С. 122.

прямо на него, Якоба Бёме, миссии — *успеть* открыть их человечеству и *каждому* человеку, прежде чем захлопнутся «створки дверей» и сгорит, как сорняк, всё, что останется вовне, и все, кто внутри себя не успеет ощутить спасительный дар, полученный с вочеловеченным в Иисусе Словом, и, отрешившись от мира смерти, родиться в истинном Духе живого Бога.

С. М. Шаулов. Июнь 2014 г.

I ЧАСТЬ

Как вечное Слово стало человеком и т. д.

ГЛАВА I

[О ТОМ,] ЧТО ПЕРСОНА ХРИСТА, РАВНО КАК ЕГО ВОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ, НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЗНАНА ИЗ ЕСТЕСТВЕННОГО РАЗУМЕНИЯ ИЛИ БУКВЫ СВ. ПИСАНИЯ БЕЗ БОЖЕСТВЕННОГО ОЗАРЕНИЯ. РАВНО С ЭТИМ, О ПЕРВОЗДАННОСТИ ВЕЧНОЙ БОЖЕСТВЕННОЙ СУЩНОСТИ

1.

Когда Христос спросил Своих учеников: за кого люди почитают Сына Человеческого? — они ответили Ему: Некоторые говорят, что Ты — Илия, некоторые, что Ты — Иоанн Креститель, или один из пророков. Он спросил их, говоря: А вы за кого почитаете Меня? И отвечал Петр Ему: Ты Христос, Сын Бога Живого. И Он сказал ему в ответ: Истинно, не плоть и кровь открыли тебе это, но Мой Отец, Сущий на небесах; и возвестил им своё страдание, кончину, смерть и воскресение (Мф 16:21), во указание на то, что собственное разумение и мудрость мира сего не могли бы в своем разуме ни познать, ни постигнуть персону, которая была Бог и человек, но познавался бы Он по большей части лишь теми, кто предался бы Ему целиком и во имя Его претерпел бы крест, горести и гонения, кто был бы привержен Ему всерьез. Когда же такое и случилось, что Он даже, — поскольку Он еще зримо обретался среди нас в этом мире, — был по меньшей мере узнан умудренными, — то было так, что, хотя Он и ходил в чудесах Божьих, внешний разум был настолько слеп

и непонятлив, что столь великие Божьи чудеса умнейшими в искусстве разума приписывались дьяволу. И как в то время, когда Он в этом мире обретался зримо, так и всё еще Он остается для внешнего разума неизвестен и не познан.

2. Из этого возникло так много ссор и споров вокруг Его персоны, что внешний разум давно возомнил, что докопался [*до того*], что *есть* Бог и человек, и как Бог и человек могут быть в одном лице, каковой спор заполнил свет, ибо собственный разум однажды посчитал, что постиг эту жемчужину, не осознав при этом, что Царствие Божие не от мира сего и что плоть и кровь не могут его познавать и понимать, еще менее — проникать в суть.

3. Такова участь каждого, кто хочет говорить о Божественных тайнах или учить, что на нем тоже лежит Дух Божий и что свою вещь, которую он хочет выдать за истинную, он познал в Божественном свете, а не высосал из собственного разума, то есть без Божественного познания следуя в своем мнении голимой букве и притягивая Писание за волосы, как это происходит от разума; из чего и возникло замечательно много заблуждений, что Божественного познания искали в собственном остроумии и искусстве, почему и оказывались не в истине Божьей, а в собственном разуме и принимали вочеловечение Христа как чуждую и далекую вещь; тогда как все мы должны в том самом вочеловечении вновь родиться в Боге, если хотим избежать гнева Вечной Природы.

[О том,] Что персона Христа, равно как Его вочеловечение, не может быть познана из естественного разумения

4. Поскольку же для детей Божьих это близкое и естественное дело, о котором они должны радеть ежедневно и ежечасно и постоянно входить в вочеловечение Христа, выходить из земного разума и, значит, рождаться в этой скорбной жизни в рождестве и вочеловечении Христа, если они хотят быть детьми Божьими во Христе, — положил я себе для памяти описать эту высокую тайну по моему знанию и дару, дабы и у меня был предлог сердечно насладиться и подкрепиться моим Эммануилом, ибо я тоже вместе с другими детьми Христовыми стою в этом рождении, чтобы мне была памятка и опора, когда восхочет темная и земная плоть и кровь облечь и меня даром дьявола и помрачить мой образ — так задумал я это для себя как упражнение веры, дабы душа моя могла, как веточка на Древе Иисуса Христа освежиться его соком и силой; и это не от умных и высоких речей искусства или от разума мира сего, а по познанию, которое имею от моего Древа-Христа, да зеленеет и растет и моя веточка рядом с другими на Древе и жизни Бога! И хотя я высоко и глубоко обосновываю и буду представлять это ясно, все же надлежит вот что сказать читателю, что без Духа Божьего это будет для него Mysterium и непостижимо. Потому пусть каждый прикинет, о чем он судит, чтобы не попасть ему в суд Божий и не быть пойманному своей собственной турбой, и чтобы не сокрушил его собственный разум, я говорю доброжелательно и даю читателю обдумать это.

5. Если мы хотим писать о вочеловечении и рождении Иисуса Христа, Сына Божьего, и говорить об

этом истинно, то мы должны взвесить причины, что подвигло Бога стать человеком. Потому что в существе Своем Он в этом не нуждался, и [мы] никак не можем также сказать, что Его собственная сущность в вочеловечении изменилась, ибо Бог неизменен, и всё же [Он] стал [тем], чем Он не был, но Его собственная суть (Eigenschaft) при этом осталась неизменной. Это надо было сделать только ради спасения падшего человека, чтобы привести его снова в рай. Здесь нам следует рассмотреть первого человека, каким он был до своего падения, из-за которого подвиглось Божество, что нам, людям, важно рассмотреть.

6. Мы знаем, что говорит Моисей, — что Бог сотворил человека в образ по своему подобию (Быт 1:27). Понимай так: Бог, который есть Дух, видит себя в образе, как в подобии (Gleichniß[1]). Не иначе создал он и этот мир, как проявив вечную природу в сущности, также и в живых тварях и фигурах, так

[1] В отличие от русского «подобие», которое можно понять и как «видимость», «похожесть», немецкое «Gleichniß» (орфография Я.Б.) означает «равенство», «одинаковость», «тождество». Бёме хочет сказать, что Бог, не имеющий образа, поскольку Он есть Дух, именно в человеке и создает *Образ* Свой. Эта мысль целиком соответствует переводу Лютера: «Und Gott sprach: Lasset uns Menschen machen, ein Bild, das uns gleich sey,..», Gen. 1:26, — «И говорил Бог: Сотворим людей, образ, который подобен (тождествен) Нам,..». И далее: «Und Gott schuf den Menschen ihm zum Bilde, zum Bilde Gottes schuf er ihn;..», Gen. 1:27, — «И Бог сотворил человека Себе для образа, для образа Божьего сотворил Он его;..». (Прим. пер. здесь и далее, если не указано иное, — С.Ш.)

что всё это — подобие и порождение из вечной природы первого Принципа, каковое подобие стояло в Божьей Премудрости, как сокрытая магия до времён мира и увидено в Премудрости Духом Божьим, который во время начала этого мира оживил вечную природу и вынес [наружу] и раскрыл подобие Божьего мира. Ибо огненный мир в Свете Бога стоял как бы поглощенным и сокрытым, в то время как только Свет Величия правил сам в себе. И всё же нам не следует думать, что огненного мира не было. Он был, но он отделился в свой собственный Принцип и был в свете величия Божьего не очевиден, как нам такое надо вообразить себе об огне и свете, что хотя огонь причина света, всё же свет помещается в огне не охваченный огнем и вызывает иное качество (Quaal[2]), чем огонь, ибо огонь это ярость и пожирание, а свет это кротость, и из его силы возникает сущность, как

[2] Quaal (или в совр. орф. — Qual) — «мука» — одно из важнейших понятий философии Бёме, связанное в его мистической этимологии с понятием качества (Qualität) как первого свойства и признака возникающей в божественной воле материи. Этот процесс он нередко, скорее, для простоты, вполне в неоплатоническом духе обозначает, используя, как ему представляется, однокоренные вышеназванным слова quellen (источать), Quelle (источник), quillen (истекать). Отсюда встречающееся в его текстах, как в данном случае, метонимическое тождество «муки» и «качества» или понятие «*вида* муки», также совмещающее эти значения: качество (определенность, ограниченность) для безобразного и безграничного Духа, по *определению*, есть мука.

вода и сера (Sulphur[3]) вещи, которую огонь втягивает в себя и требует для своей силы и жизни, такова вечная связь.

7. Этот огонь и Божественный свет, правда, от вечности покоились сами в себе, поскольку каждый стоял в своем порядке в своем Принципе и не имел ни основания, ни начала, ибо огонь имеет в себе свой собственный образ (Gestalt) для своего качества (Quaal), которое есть вожделение (Begehren), из которого и в котором рождаются все образы природы, поскольку каждый есть причина другого, как подробно изложено в других писаниях[4]. И мы находим в свете природы, как огонь в своей собственной сущности (Essenz), равно как в терпкой вожделеющей муке (Qual), был в себе самом тьмой, которая в кротости Божьей пребывала как бы поглощенной, поскольку была в себе не качественной, но сущностной (essentialisch), не воспламеняющейся; и если она и горела, то это все же было как собственный принцип в себе самой, только в ощущении, ибо были от вечности лишь два принципа: один

---

[3] «Вода и сера вещи», в данном случае, означают не вещества в нашем понимании, а *тонкие* качественные эссенции, входящие в «основание» вещества и своим количественным соотношением определяющие свойства «вещи», в частности, ее горючесть-негорючесть.

[4] Автор имеет в виду свои «писания», созданные раньше «Вочеловечения Христа»: «Утренняя заря в восхождении», «О трех принципах Божественной сущности», «О троякой жизни человека», «Истинная психология, или Сорок вопросов о душе».

сам в себе — огневой (feurende) мир и другой, также в себе самом, — светозарный (Licht-flammende) мир, причем они все же не были и разделены, как нераздельны огонь и свет, и свет помещен в огне, не захваченный огнем.

8. И нам теперь следует понять двойственный Дух в единстве (in einander), первый как огненный, по эссенции терпкой и суровой природы, из жаркого и вместе холодного сурового эссенциального огня, который познаётся как дух гнева Божьего и мука (Quaal) и принадлежит свойству Отца, по которому Он называет себя гневным ревнивым Богом[5] и огнем поядающим[6], в чём понимается первый Принцип. И затем {второй} кроткий светозарный дух, который от вечности принимает свое превращение в Центре Света, ибо он в первом Принципе в свойстве Отца есть дух, рождающий огонь, а во втором Принципе, в Свете, — кроткий светозарный дух, который от вечности так себя рождает, но является всё же Одним , а не двумя. Но понимается в двояком качестве (муке, Quaal), как то: в огне и свете — по каждой муке-качеству, как нам такое достаточно дано понимать в каждом внешнем огне, поскольку мука огня дает яростный дух, поядающий, а мука света — кроткий милый дух воздуха, но изначально это только Один Дух.

9. Подобным же образом надлежит нам осмыслить сущность вечности, как Св. Троицы, которую мы в Свете Величия узнаем как Божество, а в огне — как

[5] Ср., напр.: Исх. 20: 5. (Прим. пер. — К.К.)

[6] Евр. 12:29. . (Прим. пер. — К.К.)

вечную природу, как то достаточно изъяснено в других писаниях. Ибо всемогущий Дух Божий с обоими Принципами сам от века был всё, нет ничего до Него, Он сам есть причина и беспричинность (Grund und Ungrund[7]). И все же св. Божественная сущность преимущественно познается как единая сущность в себе самой и живет вне огневой природы и качества (Eigenschaft) [огня] в качестве света и называется Богом не от качества огня, но от качества света, хотя оба качества не разделены: как мы знаем, тоже в этом мире, где скрытый огонь лежит сокрыто в глубине природы и во всем сущем, иначе внешний огонь не мог бы быть зажжен, и [мы] видим, как кротость воды держит в себе плененным тот же сокрытый огонь, так что он не может открыться, ибо он как будто поглощен водой, и всё же [он] есть, но не субстанциально, а эссенциально, и познается лишь в пробуждении и введении в качественность; и Всё без огня было бы Ничто и бездна.

10. Теперь мы понимаем также, что третий Принцип, как мука и дух мира сего, от вечности стоял сокрыто в вечной природе качества Отца и был познан

[7] Знаменитое понятие Бёме «бездна», вызвавшее острый интерес и множество толкований, в лингвистическом смысле представляет собой антонимическое образование от Grund — *дно*, причина, основание, почва. Соответственно, Божественная сущность по Бёме может быть по-русски прояснена антиномиями «дно — бездна», «основание — безосновность», «причина — беспричинность», «условие — безусловность» и т.п., первым она является для «всего», чему является причиной, вторым (свойством) обладает «в Себе».

светозарным Духом в священной Магии, в Премудрости Божьей, в божественной тинктуре; чего ради Божество подвиглось к Природе-родильнице[8] (nach der Natur der Gebärerin) и породило великий Мистериум, в котором, однако, [уже] было заложено всё, на что способна вечная Природа: и был лишь один Мистериум и был не похож ни на одно создание; но был как смерч, где всё вперемешку, так как яростная природа родила темный смерч, а светозарная природа в его свойстве — пыл величия и кротости, который от вечности есть родник и причина св. Божественной сущности и есть только сила и дух, что не было чему-либо подобно, и в том не ощущалось ничего, кроме Духа Божьего в двояком качестве и образе, как то: жаркая и холодная, суровая мука огня и ласковый поток любви, по виду огня и света.

11. Это вошло друг в друга как один Мистериум, и все же одно другого не поймало, но равно оставалось в двух Принципах, поскольку терпкость как отец природы постоянно схватывала сущность Мистериума, отчего та формировалась наподобие образа и всё же не была образом, а [была] похожа на тень образа.

---

[8] В отличие от «родительницы» («матери», ср.: «родитель», «отец»), предполагающей множественность функций, связанных как следствие с (по)рождением, – «родильница» называет лишь одну функцию: «рожающая, надавно родившая, лежащая в родах, в муках» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 4. — М.: Рус. яз., 1991. С. 11), — точное соответствие немецкому Gebärerin.

Такое Всё в Мистерии, правда, по-видимому, всегда имело вечное начало, ибо нельзя сказать, что возникло нечто, что не имело бы своей фигуры, как тени в великой вечной магии; но это было не существо, а духовная игра одного в другом и магия великих чудес Божьих, когда там, где не было ничего кроме бездны, постоянно возникает нечто, что в природе огня и света сходится в причину и всё же становится из ничего, как из духа — мука, которая тоже не есть существо, а только мука, которая рождает себя в себе самой в двух качествах и сама разделяется на два Принципа. У нее нет ни разделителя, ни создателя и нет причины к сотворению себя, но она сама — причина, как это подробно изложено в других писаниях, — как бездна сама себя вводит в причину и порождает.

12. Итак, нам теперь понятно сотворение этого мира, так же, как сотворение ангелов, а также человека и всех тварей. Всё создано из большого Мистериума, ибо третий Принцип стоял перед Богом как магия и был не вполне явлен; и Бог не имел иного подобия, где бы Он мог увидеть свою сущность, как только Премудрость, — это было Его страстным желанием и предстояло в Его Воле вместе с Его Духом, как великое чудо в светозарной божественной магии, ибо это было вместилищем Духа Божьего, и она (Премудрость) не была родильницей, но откровением Бога, Девой и причиной Божественного существа, ибо в ней стояла светозарная божественная тинктура сердца Бога, как Слова жизни божества, и было откровение св. Троицы.

Не то чтобы из ее сил и рождения являлся Бог, но божественный Центр, как сердце или сущность Бога проявлялся в ней. Она подобна зеркалу божественности, ибо каждое зеркало немо и не рождает образа, но оно улавливает образ. Так что Дева Премудрости есть зеркало Божества, в котором Дух Божий видит Себя Самого и все чудеса магии которые через создание третьего Принципа пришли в существо; и Всё было создано из большого Мистериума, и Дева божественной Премудрости стояла в Мистериуме, и в ней Дух Божий узрел формы тварей: ибо она есть *произнесенное*, что Бог Отец произносит Святым Духом из своего центра светозарного божественного свойства, из центра своего сердца, из Слова Божества. Она стоит перед Божеством как сияние или зеркало, в котором Божество видит себя внутренне, и в ней стоят божественные царства радости Божественной Воли, как великие чудеса вечности, которым нет ни начала, ни конца, ни числа, но Всё есть вечное начало и вечный конец, и вместе подобно оку, которое видит там, где в виду ничего нет, и все же в*и*дение возникает из эссенций огня и света.

13. Итак, понимайте в эссенции огня качество Отца и первый Принцип, а в м*у*ке и качестве света природу Сына как второй Принцип, а движущий дух из обоих качеств понимайте как Дух Божий, который в первом Принципе яростен, суров, терпок, горек, холоден и жгуч и является понуждающим духом в гневе: и потому не унимается в гневе и ярости, но исходит и раздувает эссенциальный огонь, чем снова усваи-

вает себе эссенцию огня; ибо яростные эссенции снова втягивают его в себя, ибо он есть их мука и жизнь и, однако, исходит в разожженном огне светом от Отца и Сына и размыкает огненные эссенции в муку света, потому что огненные эссенции горят в великом вожделении любви и строгая суровая мука не узнаётся в муке света, напротив, суровость огня является, следовательно, только причиной светозарного величия и вожделеющей любви.

14. И так нам дано понимать сущность Божества и затем вечной природы и понимать во всём Божественное существо в свете величия, ибо нежный свет делает суровую природу Отца нежной, милой и милосердной, и зовется [Он] Отец милосердия по сердцу Его или Сыну; ибо качество Отца стоит в огне и в свете и само есть сущность всех существ. Он бездна и основание и разделяется в вечном рождении на три свойства, как на три персоны, также и на три Принципа; из них, однако, в вечности сущностны только два, а третий является как бы зеркалом первых двух, из которого сотворен этот мир как осязаемая сущность, на начало и конец.

ГЛАВА II

ОТКРОВЕНИЕ БОЖЕСТВА ЧЕРЕЗ СОТВОРЕНИЕ АНГЕЛОВ И ЛЮДЕЙ ИЗ БОЖЕСТВЕННОЙ ЭССЕНЦИИ

1.

Поскольку же Мистериум, таким образом, от вечности был один, то нам нужно теперь рассмотреть его откровение: потому что о вечности мы не можем говорить иначе, как о духе, ибо Всё было только дух и все же от вечности породило себя в существе, и это — через вожделение и страсть, и [мы] совсем не можем сказать, будто в вечности не было существа, ибо огня без существа не бывает. Так нет [и] кротости без рождения существа, ибо нежность порождает воду, и огонь поглощает ее в себя и превращает ее частью в небо и небосвод, а другую часть — в Сульфур[1], в котором дух огня своим эссенциальным колесом создает Меркурий[2] и далее пробуждает Вулкана (то есть: огонь вырывается наружу), так что порождается третий дух (Spritus) — воздух, в котором уже благородная тинктура пребывает в равновесии как сияние цветов и предстает перед мудростью Божьей,

---

[1] Sulphur, *лат.* — сера. Здесь наименования веществ и земных явлений алхимически представительствуют за первоначальные духовно-субстанциальные качества. «Сера» — несет *в себе* огонь.

[2] Mercurium, *лат.* — ртуть, символ абсолютного движения.

ибо цвета происходят от муки. Каждый цвет стоит своей сущностью в кротости источника воды, исключая черный; этот берет начало из терпкой ярости. Они принимают все свои цвета от муки.

2. Так один образ жаждет другого, и от вожделеющей страсти один образ беременеет другим и приводит один другого к существованию, так что вечность пребывает в беспрестанной магии, в которой природа стоит в росте и борении, а огонь поглощает это, но также и отдает, в чем состоит вечная связь, лишь Свет Величия и Троицы Божьей неизменен, ибо огонь не в силах его охватить, и [Свет] свободно живет в себе.

3. И нам ведь понятно и знакомо, что свет любви вожделеет, а именно — чудес и фигур в мудрости, в каковом вожделении этот мир как его (света) модель был распознан от вечности в мудрости, в глубоко сокрытой магии Божьей, ибо любовь ищет как в основании, так и в бездне: повсюду также примешивается вожделение ярости и терпкой суровой муки в природе и качестве Отца и тем самым образы ангелов и людей были увидены от вечности в Божественном качестве в мудрости Божьей, так же как в качестве ярости — дьяволы, но не в виде образа или существа, а наподобие того, как в глубине сознания ткется мысль и ведет пред собственное зеркало души (Gemüth), ведь в душе зачастую просвечивает вещь, которой в сущности нет.

4. Так две родильницы (то есть ярость в огне, а потом любовь в свете) представили свою модель в мудрости Божьей, которую сердце Бога возжелало в любви

претворить в ангельский образ из Божественной мудрости, чтобы они (ангелы) были подобием и образом Божества, чтобы исполнить желание Божества, к вечному наслаждению Божественного царства радости.

5. И нам надлежит теперь осмыслить слово Fiat[3], которое захватило и ввело их в субстанцию и телесное существо, ибо Воля к этому образу возникла от вечности из Отца, из качества Отца в Слове или Сердце Бога, как его вожделеющая Воля к твари и к откровению Божества. Но поскольку Он от вечности не двигался, вплоть до сотворения ангелов, то и *сотворения* до творения ангелов не было; нам же не должно знать основания и причины к тому, Бог оставил это в своей власти, как это было, что Бог однажды пришел в движение, хоть он и неизменный Бог; и не должны на этом дальше задерживаться, ибо это запутает нас.

6. Мы вправе говорить лишь о Творении, ибо оно есть дело и сущность Бога, и понять, что Воля слова или сердца Бога в центре природы Отца охватила терпкий Fiat своими семью духами и образами (Gestalten) вечной природы, и это — в образе (Gestalt) престола, поскольку терпкий Fiat не как исполнитель, а как творец стоял в качестве каждой эссенции как в великих чудесах мудрости. Как фигуры были от вечности увидены в мудрости, так они и были теперь охвачены в Духе Воли Божьей, не из чуждой материи, а из эссенции Бога, из природы Отца, и были введены Духом Воли Божьей в Свет Величия Бога, поскольку они ведь были

[3] *Лат.* — «Да будет!»

дети Бога, а не чужие гости, порождены и сотворены из природы и качества Отца, и дух их Воли был направлен к природе и качеству Сына. Поскольку же [этим] их яростное качество из природы Отца было превращено в любовь и радость, они должны были и могли вкушать от сущности любви Божьей в Свете Величия, что они все и делали, кроме одного престола и царства, которое отвратилось от света любви и в суровой природе огня возжелало господства над кротостью и любовью и было за то изгнано из качества Отца, из места своего сотворения, — в вечную тьму, в пропасть сурового Fiat, там он должен пребывать в своей вечности, и тем была исполнена ярость вечной природы.

7. Но не следует думать, что князь Люцифер, не мог устоять, пред ним был Свет Величия, как и перед другими престольными ангелами. Если бы он вообразился (hätte imaginieret[4]) в Нем, то остался бы ангелом, но он сам отстранился от любви Божией во гнев, и теперь он враг любви Божией и всех святых ангелов.

8. Далее нам надо рассмотреть здесь враждебное возжжение отвергнутых духов, когда они еще состояли в качестве Отца, как они своим воображением разо-

---

[4] У Бёме движение воли, — а его философия в онтологической части и есть, прежде всего, философия воли, — всегда первично по отношению к эссенциальным, субстанциальным и материальным воплощениям и, более того, предполагает их как следствие. «Имажинация» — во*ображение* — не означает, как нам привычно, фантазии ума (и ничего более), — это вхождение в образ, *становление образа* в воле и воли — *образом*.

жгли природу сущности, так что из небесного качества возникли земля и камни, а кроткий Дух Воды стал в огненной муке горящим небосводом, за чем и последовало сотворение этого мира как третьего Принципа; и для места этого мира был зажжен новый свет — Солнце, дабы тем лишен был дьявол своего великолепия; и он был как пленник заключен между Царством Божьим и царством мира сего во тьму, откуда он должен затем господствовать в этом мире не иначе, как только в Турбе (Turba[5]), ярости и гневе Божьем, где тот пробуждается; здесь он — палач и вечный лжец, клеветник и обманщик тварей, он обращает все доброе во зло, насколько ему оставляют для этого место. Что велико в ужасе, — в том являет он свою мощь и всегда хочет превосходить Бога, но небо, сотворенное посредством воды как кроткий небосвод, лишает его великолепия, так что он не великий князь мира сего, а князь гнева.

9. Но поскольку дьявол был извергнут из своего места, то это место, или престол (оставшись без своего ангельского воинства), стояло в великой жажде по своему князю; но он был извергнут. Теперь сотворил Бог ему (престолу) другого князя, Адама и первого человека, который также был пред Богом престольным князем; и нам здесь необходимо рассмотреть пристальнее его создание, как и его падение, коего ради сердце Божие было тронуто и стало человеком.

---

[5] Термин, означающий у Бёме хаотический и враждебный человеку характер процессуальности этого мира, — непрестанное его круговращение, непредсказуемое, обманчивое и жестокое.

10. Так вот, ничего плохого не связано с сотворением человека, из-за падения которого Бог стал человеком, чтобы снова ему помочь. И не в том только его падение, что он вкусил от яблока. И его сотворение не так устроено, как полагает внешний разум, понимая первого Адама в его создании как обычный ком земли. Нет, дорогая душа моя, Бог стал человеком не ради кома земли; и не из-за простого непослушания это надо было сделать, за которое Бог так разгневался, что Его гнев не мог усмириться, пока он не отомстил Сыну Божьему, убив того.

11. Правда, нам, людям, после потери нашего райского образа это представляется тайной и осталось от нас сокрыто, исключая некоторых, кто вновь достиг небесного Мистериума, кому во внутреннем человеке кое-что об этом открылось, ибо в Адаме мы для Рая умерли, и через смерть и тление тела должны опять обновиться в Раю, как в ином мире, в жизни Бога в небесной сущности и телесности. И хотя сейчас в некоторых это есть, что они вновь обрели божественную сущность (тело Христово) в душе, то все же испорченный земной Адам застил святой и чистый Мистериум, так что великое таинство осталось скрыто от разума. Ибо Бог живет не в этом мире во внешнем Принципе, но во внутреннем. Конечно, он живет в месте этого мира, но этот мир не постигает Его; ибо как мог бы земной человек постигнуть тайны Божии? И даже если бы какой-то человек постиг, то постигает он это по внутреннему человеку, который заново рождается из Бога.

12. Но поскольку божественный Мистериум ныне хочет раскрыться совсем и стать полностью понятным человеку, чтобы он постиг сокрытое целиком, то следует подумать над тем, что это значит, — ничего иного, как время жатвы этого мира. Ибо начало достигло конца, и середина поставлена в промежуток. Да будет сказано вам, дети, которые хотите наследовать Царство Божье: пришло время серьезного спроса; гумно должно быть выметено: зло и добро должны быть отделены друг от друга, занимается Высокий День!

13. Если мы хотим говорить о человеке и правильно понимать, из чего он создан, то мы должны рассмотреть Божество как сущность всех существ, ибо человек был сотворен по подобию Бога из всех трех Принципов, целый образ и подобие всего сущего. Не должен был он быть лишь отображением этого мира, ибо образ этого мира — животный (tierisch), и не ради животного образа Бог стал человеком, ибо Бог и человека сотворил не для жизни в животном качестве, как мы живем теперь после падения, но — в Рай, в жизнь вечную. У человека было не такое животное тело, а небесное тело, но в падении стал он земным и животным, Мы не должны понять, однако, что в нем не было ничего из этого мира, хотя нельзя понять и так, что он не имел в себе ничего от этого мира. Он имел царство и правление этого мира, но в нем (человеке) не правили четыре элемента, напротив, четыре элемента были в одном, и земное правление было сокрыто в нем; он должен был жить в небесной муке. И хотя в нем Всё было живо, он

должен был все же с небесной мукой второго Принципа господствовать над земной, и царство и мука звезд и элементов должны были подчиняться райской муке. Ни жара, ни мороз, ни болезнь, ни несчастье и никакой страх (Furcht) не должны были ни касаться, ни пугать его: его тело могло проходить сквозь землю и камни, не поврежденным ничем, ибо это не был бы вечный человек, которого сковала бы земная природа, который был бы подвержен разрушению.

14. Потому нам надо правильно рассмотреть человека, то есть без софистики и фантазий, но в Духе Божьем познать и знать, это означает: вы должны родиться заново, если хотите вновь увидеть Царство Божье, из которого вы ушли. Не искусством это дается, но Духом Божьим, который открывает врата небесные образу человеческому, дабы он видел тремя глазами: ибо человек, если он дитя Бога, живет тройственной жизнью; если же нет, то только двойственной. И нам достаточно понятно, что Адам в истинно св. образе, который был подобием Св. Троицы, вышел из Божественной сущности и вообразился в земную природу, и ввел земное царство в божественный образ, который испортил и затемнил, потому же мы и потеряли наше райское зрение. Также Бог отнял у нас Рай, поскольку мы стали вялы, слабы и немощны, и как раз четыре элемента со звездами возымели силу в нас, так что с Адамом мы им подчинились, что было также причиной [создания] женщины, так что Бог разделил Адама, когда он не смог устоять, и восставил [его] в двух

тинктурах, по огню и воде, о чем должно быть сказано ниже, из которых одна дает душу, а вторая дух. И возникла после падения в человеке животная сущность, которая должна была плодиться по животному качеству, поскольку небо и Рай, как и Божественность, стали Мистериумом. И все же вечное в человеке осталось, как то благородная душа, но скрытая земной одеждой, затемненная, зараженная земной мукой, отравленная ложным воображением, так что в ней нельзя было больше узнать дитя Божье, ради которого Бог стал человеком, чтобы избавить ее от темного земного плена и снова ввести в небесную сущность, в плоть и кровь Христа, которыми полнятся небеса.

ГЛАВА III

ВРАТА СОТВОРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

1.

Хотя мы это почти полностью объяснили в других книгах, все же не каждый имеет их под рукой, потому есть нужда в общем кратком описании сотворения человека, чтобы вочеловечение Христа могло быть после этого лучше понято; также и ради жемчужин, которые человеку в его исканиях все чаще будут попадаться, даваться и открываться, что доставляет мне особую радость возвеселиться Богу.

2. Сотворение человека произошло во всех трех Принципах, то есть в вечной природе и качестве Отца и в природе и качестве Сына, и в природе и качестве этого мира; и человеку, которого сотворило Слово Fiat, для его жизни был вдохнут троякий дух из этих Принципов и источников (Quällen[1]), как из единого троякого Fiat создан он, понимайте: телесность и существенность; и воля сердца Бога ввела ему Дух по всем трем Принципам. Понимайте это так:

---

[1] Орфография Бёме: он пишет слово Quelle через ä — как однокоренное слову Qual (мука).

3. Человек был сотворен целиком как подобие Божие; Бог открывался в человечестве (Menschheit[2]) в образе, который должен был быть, как Он сам, ибо Бог есть Всё, и от Него Всё произошло, а не всё называется Богом из-за того, что не всё благостно. Ибо, что касается чистой Божественности, то Бог это светозарный Дух и не пребывает ни в чем, как только в себе самом, ему не равно ничто. Но что касается качества огня, из которого рождается свет, то качество огня мы познаем как природу, что является причиной жизни, движения и Духа, иначе не было бы Духа, света и сущности, а была бы вечная тишина: ни красок, ни добродетели, а была бы (одна) Бездна без существа.

4. И хотя Свет Величия пребывает в бездне и не охвачен огневой природой и качеством, — ведь это с огнем и светом дано нам для познания, огонь имеет и производит ужасающую пожирающую муку: бывает, однако, в муке [такое] сникание (Ersinken), подобное умиранию или добровольному преданию себя (sich Frei-Ergeben) [смерти], и это предание себя попадает в свободу вне муки, как в смерть, и все же это не смерть; но оно ведет на одну ступень глубже в себя и становится свободно от муки страха огня, и при этом все же сохраняет остроту огня, но не в страхе, а в свободе.

5. Теперь свобода и бездна — это единая жизнь, и становится светом в себе, ибо она получает молнию

---

[2] Это слово (Menschheit — человечество) вплоть до XIX в. (у Гёте, напр.) употреблялось, главным образом, в значении совокупности признаков и особенностей природы человека.

муки страха и начинает вожделеть, а именно — существенности. И это вожделение беременеет само от себя существенностью из свободы и кротости, ибо то, что тонет в муке страха или избавляется от нее, — радуется, что свободно от страха, и зачинает в себе радость, и выходит из себя своей волей, что есть дух радости и жизнь, для этого нам понадобился бы здесь ангельский язык; но боголюбивому читателю хотелось дать этим короткий намек для размышлений, чтобы понять небесную сущность.

6. Ибо в Боге Всё есть сила, Дух и жизнь. Но что является сущностью, то не является Духом, напротив, что сникает от огня, словно в бессилии, то есть сущность, ибо Дух изначально пребывает в огне, но разделяется на две муки: в огне и в поникании в свободу в свете — эта зовется Богом, ибо она кроткая и прекрасная, и несет в себе Царство радости и становится ангельским миром в отрешенной свободе сущности.

7. Оттого, что мы ушли из свободы ангельского мира в темную муку, пропастью которой был огонь, нам уже нельзя было помочь, разве что сила и слово света — как слово Божественной жизни — стали бы человеком и вывели бы нас из тьмы через огненную муку, через смерть в огне снова в свободу Божественной жизни, в Божественную сущность. Потому должен был умереть Христос и сквозь огонь вечной природы, сквозь ад и ярость вечной природы войти духом душ*и* в Божественное существо и сквозь смерть и гнев проложить нашим душам путь, по которому мы с Ним и в Нем пойдем сквозь смерть в вечную Божественную жизнь.

8. Но о Божественном существе, как о Божественной телесности, нам следует понимать вот что: свет дает кротость, как любовь; и вот огненный ужас вожделеет кротости, чтобы утолить свою великую жажду, ибо огонь вожделеющ, а кротость дающа, ибо она дает себя самоё. Так в вожделении кротости возникает сущность как субстанциальная существенность, которая выпала из ярости, свободно отдавая собственную жизнь, это телесность, ибо она из силы в кротости становится субстанциальной и облачается и держится терпкостью, как вечным Fiat'ом, и потому называется существенностью и телесностью, потому что из огненной муки и духа она выпала и против духа как бы нема, мертва и немощна, поскольку она все же является эссенциальной жизнью.

9. Итак, вы должны нас правильно понять. Когда Бог создавал ангелов, как тварей (Kreaturen), были явлены и существовали всего два Принципа — в огне и в свете, то есть с яростной сущностью в суровом терпком Fiat'е, с образами огненной природы, и затем — с небесной сущностью из святой силы, с кроткой мукой воды радостной жизни, в которой был рожден в любви и кротости божественный сульфур: его Fiat'ом была вожделеющая Воля Бога.

10. Из этой Божественной сущности, то есть природы Бога, были созданы ангелы как твари, и их дух или жизненная мука изначально стоит в огне, ибо без огня не бывает духа. Он вышел, однако, из огня в свет, тогда получил он муку любви, а огонь был

лишь причиной его жизни, но ярость огня была погашена любовью в свете.

11. Люцифер презрел это и остался огненным Духом. Так вознесся он и зажег в месте своем сущность, из чего возникли земля и камни, и был извергнут; теперь-то с царством мира сего и началась третья телесность и возник третий Принцип.

12. Как скоро дьявол был извергнут оттуда во тьму, сотворил Бог другой образ по своему подобию для этого места. Но если он должен был быть Божьим подобием по всем трем Принципам, он должен был быть взят из всех трех и от всего сущего этого места или этой глубины, так далеко распростёрся Fiat с княжим престолом Люцифера в эфиры Творения; ибо человек пришел на место Люцифера, и отсюда происходит великая зависть бесов, что они не удостаивают человека чести, но всегда ведут его злым испорченным путем, чтобы только умножать свое царство, и делают это назло кротости, то есть Божьей любви и мнят еще, живя в ярости сильной власти, что они выше Бога в любви и кротости.

13. Итак, — поймите, — Дух Воли (Willen=Geist[3]) Божьей высказал двойственный Fiat в двух Принципах,

---

[3] Еще одна особенность словоупотребления Бёме: «Воля» и «Дух» у него часто выступают как синонимы, в равной степени представляющие сущность Бога. Поэтому сложносоставное слово Willen=Geist, по смыслу компонентов, тавтологично (двойной дефис читается как математический знак «равно»): «Воля=Дух».

как то в ангельском мире — внутренний и затем в этом внешнем мире — внешний, и создал смесь (Mesch[4]) или человека (Menschen[5]), как смешанную персону, ибо он должен был быть образом как внешнего, так и внутреннего мира, но должен был внутренним качеством господствовать над внешним, так был бы он Божьим подобием, ибо внешняя сущность зависела от внутренней, и по земле расцветал Рай, и человек в этом мире, на земной тверди, был в Раю. И райский плод рос для него до падения, когда Господь проклял землю, так Рай отошел в Мистериум и стал для человека мистериумом и тайной, так что он, если будет вновь рожден от Бога, по внутреннему человеку хотя и живет в Раю, но по внешнему — в этом мире.

14. Далее нам предстоит рассмотреть приход и первоначальное состояние человека. Бог создал его тело из матрицы земли, из чего была сотворена земля. Все было смешано, и все же разделилось на три Принципа тройственной сущности, но еще не было познано в ярости. Если бы Адам остался невинным, он прожил бы все время этого мира лишь в двух Принципах, властвуя одним над всеми, и яростное царство в нем никогда не было бы познано и не проявилось бы, хотя он и имел его в себе.

---

[4] Дословно: *латунь*. В ней смешаны золотистая медь (мужское начало) и серебристый цинк (женское начало). (Прим. пер. — К.К.)

[5] Метафорическое употребление «латуни» получает у автора и обоснование, и глубокий смысл еще благодаря созвучию Mesch, которое, очевидно, само по себе, связано с глаголом mischen (мешать, смешивать), и Mensch: их различает одна буква.

15. И далее нам надо понять, что тело Адама было создано отчасти внутренним Fiat'ом из внутреннего элемента, где потаён внутренний небосвод и небеса с небесными эссенциями; затем, другою частью внешним Fiat'ом он создан из четырех элементов внешней природы и из созвездий, ибо в матрице земли это было смешано, в ней был Рай и тело тоже создавалось для Рая. Поймите правильно! Он имел в себе божественную и также земную сущность, но земная была как бы поглощена божественной или бессильна. Существо или материя, из которой тело было сделано или сотворено, было массой, водой и огнем с эссенцией обоих Принципов, хотя первый и заключался в ней, но не был возбужден: каждый Принцип должен был оставаться на своем месте, и [они] не должны были смешиваться, как это есть в Боге, так был бы человек полным подобием Божественной сущности.

О вдыхании души и Духа

16. Тело является подобием божественной существенности, а душа и дух подобием Св. Троицы. Бог дал телу существенность из трех Принципов, а дух и душу — из источника тройственного Духа вездесущей Божественности. И нам, таким образом, следует понять, что душа с ее образом и ее внешним духом произошла из трех Принципов и была вдохнута и введена в тело, как об этом свидетельствует и Моисей: Бог вдунул человеку дыхание жизни в нос его, тогда стал человек живою душою[6].

[6] Быт 2:7. Анатомическая подробность, отличающая текст цита-

17. Но вот дыхание и Дух Божий троякого качества (dreierlei Quaal). В первом Принципе это дыхание огня или дух, являющийся истинной первопричиной жизни, берущий начало в качестве Отца, как в Центре (Centro) суровой Природы. Во втором Принципе Божье дыхание или дух — это светозарный дух любви, настоящий дух истинной Божественности, что зовется Богом Св. Духом. А в третьем Принципе, как в подобии Божьем, божественное дыхание есть дух воздуха, на котором едет Св. Дух, как говорит Давид: Господь едет на крыльях ветра[7]. Пс 104[8]:3. И Моисей говорит: Дух Божий носится над водою, на капсуле с первоначальным воздухом. Быт 1:2.

18. И вот этот тройственный дух из всех трех принципов, целый Бог, вдул и ввел в сотворенный образ, прежде всего, огненный дух — его Он ввел ему изнутри, а не в нос, напротив, в сердце, в двойственную тинктуру внутренней и внешней крови, хотя внешняя еще не была познана, а являлась Мистериумом. Но внутренняя была оживлена и имела две тинктуры — первую от огня, вторую от света. Этот огненный Дух

ты от русского канонического перевода («нос»), соответствует переводу Лютера: «und er blies ihm ein den lebendigen Odem in seine Nase» (Gen. 2:7).

[7] Бёме обращается с каноническим текстом достаточно свободно: «шествуешь на крыльях ветра» (Пс 103:3), мотив езды возникает, вероятно, из предшествующего контекста: «делаешь облака Твоею колесницею».

[8] В русском каноне — 103.

есть истинная эссенциальная душа, ибо у нее есть центр Природы (Centrum naturae) с четырьмя образами для власти огня. Она сама разжигает в себе огонь и сама совершает колесо эссенций, как описано подробно во второй и третьей книгах[9].

19. И [вам] следует знать, что эссенциальный огонь души не является истинным отображением Божественности. Оно не образ, но магический вечно длящийся огонь; он никогда не имел начала и ему не будет конца; и поймите, что Бог ввел вечный безначальный огонь (который от века существовал в себе самом в вечной магии как в Воле Божьей, в жажде вечной Природы, как вечный центр родильницы), ибо образ этот должен был быть подобием Его.

20. Во-вторых, одновременно с эссенциальным огнем души, Св. Дух ввел в него (человека) светозарный дух любви из себя самого, также только во втором Принципе, под котором понимается Божественность, не через нос, — так как огонь и свет неразлучны друг в друге и суть одно, но в двух муках, так что был введен ему (человеку) благой Дух любви с эссенциальным духом огня, и каждая мука принесла с собой свою собственную тинктуру, как собственную жизнь, и под тинктурой любви понимается подлинный Дух, который есть образ Божий, подобие чистого истинного Божества и похож на целого человека, и заполняет всего человека, но — в его (человека) Принципе.

---

[9] «О трех принципах Божественной сущности», «О тройственной жизни человека».

21. Душа, что касается чисто ее одной, — это огненное око или зеркало огня, в котором Божество проявилось по первому Принципу, то есть по природе, ибо она тварь (Kreatur), но сотворена не в подобие. Но ее образ, который она из своего огненного ока обнаруживает в свете, — вот истинная тварь, ради которой Бог стал человеком и из ярости вечной природы снова ввел ее в Ternarium Sanctum[10].

22. И нам надлежит понять далее о душе и ее образе, что это один дух вкупе, но душа — это голодный огонь и должна иметь существенность, иначе станет она алчущей мрачной долиной, как стали такими демоны. Так что душа создает огонь и жизнь, а кротость образа создает любовь и небесную существенность. Так смягчается и полнится любовью огонь души, ибо в образе есть вода из Божьего источника, который истекает в вечную жизнь; то же самое и любовь и кротость и берут ее (воду) из величия Божьего, как это видно на зажженном огне, как огонь имеет яростную муку, а свет кроткую милую муку, и как в глубине этого мира из света и воздуха возникает вода, так же это и здесь.

23. В-третьих, Господь также одновременно сразу вдохнул в нос человека дух мира сего с мукой звезд и элементов, что есть воздух; он должен был быть правителем внешнего царства и открыть чудеса внешнего мира, для чего Бог создал человека и во внешнюю жизнь. Но внешний дух не должен был вторгаться

---

[10] *Лат.* — Святая Троица.

в образ Божий, и образ Божий не должен был давать приют в себе внешнему духу и позволять властвовать над собой, ибо их пища была от Слова и Силы Бога, и внешнее тело имело райскую пищу, не в желудке, ибо оно его не имело. И так же он не имел ни мужского, ни женского вида или формы, ибо был обоими и имел обе тинктуры, как души, так и духа, огня и света, и должен был другого человека родить из себя по своему подобию. Он был чистой девой в чистой любви, он любил и беременил себя самого воображением — таково было его продолжение рода. Он был господином над звездами и элементами, подобие Божье, подобно тому, как Бог пребывает в звездах и элементах, и Его ничто не касается, Он царит надо Всем. Так был создан и человек, земная мука не была в нем вполне пробуждена. Он имел хотя дух воздуха, но ни жара, ни холод не могли его коснуться, ибо Божественная сущность проникала сквоз Всё. Как Рай проникал и процветал сквозь землю, так процветала небесная сущность во внешнем существе его тела и внешнего духа. В Боге легко возможно то, что кажется нам странным в земной жизни.

24. В-четвертых, вместе с введением его прекрасного небесного образа в Духе Божьем Адам воспринял живое Слово Божие, это была пища его души и образа; это самое живое слово было окружено Божественной девой Мудростью. И знайте, что образ души стоял в девственном образе, который в Божестве увиден от вечности, и чистый образ Адама был из Мудрости Бо-

жьей, ибо Бог хотел так видеть и явить себя в образе, и это было подобие Бога, понимай: «Божьего Духа, тройственности, всецело целомудренный образ, в точности как ангелы Божьи». В том самом образе Адам был Божье дитя, не просто подобие, но дитя, рожденное из Бога, из сущности всех сущностей.

25. Итак, кратко изложено, каким был образ Адама до его падения, и как Бог сотворил его, — для лучшего понимания того, почему Слово Божье стало человеком, как это случилось, и что было тому причиной.

ГЛАВА IV

О РАЙСКОЙ СУЩНОСТИ И ПРАВЛЕНИИ, КАК ЭТО МОГЛО БЫ БЫТЬ, ЕСЛИ БЫ ЧЕЛОВЕК ОСТАЛСЯ В НЕВИННОСТИ

1.

Много реплик у дьявола, которыми он хочет оправдаться, Бог-де сотворил его таким, в то время как его былая ангельская стать, мука и образ всегда свидетельствуют о нем, что он лжец. То же причиняет он бедному падшему человеку, приводит ему непрестанно своей силой и возможностью земное Царство, чтобы имел он так пред собою постоянное зеркало, чтобы и он в том винил Бога, что Он создал его земным и злым. Но он (дьявол) оставляет лучшее снаружи, как то Рай, в который создан был человек, и потом всемогущество Бога, чтобы жил человек не единым хлебом, а также силой и Словом Божьим, и что Рай с его качеством (Quaal) правил землею. Он показывает человеку лишь его жесткий, ничтожный, плотский, нагой образ, но образ в невинности, когда Адам не знал, что он наг, он (дьявол) скрывает, чтобы обмануть человека.

2. И поскольку это от нас, бедных детей Евы, так стараются скрыть, а, возможно, земное чучело и недостойно этого знать, но нашему духу (Gemüth) это очень нужно, потому у нас великая нужда бежать пред истин-

ного хранителя врат (у которого ключ, чтобы открыть) и просить его, и полностью ему предаться, чтобы он открыл нам все же райские врата во внутреннем центре нашего образа, чтобы все же смог взглянуть на нас райский свет в нашем духе, и мы все же смогли возжелать снова жить в Раю с нашим Эммануилом согласно внутреннему и новому человеку, ибо без этого открытия мы ничего не поймем о Рае и нашем былом образе в невинности.

3. Но поскольку Христос, Сын Божий, вновь возродил нас в райской стати, мы не должны быть так повадливы, чтобы полагаться на искусство и земной разум. Мы находим Рай и Христа (который в нас рожден как человек, если мы хотим иначе увидеть Бога) не в нашем разуме: там Всё мертво и слепо. Мы должны выйти из разума и войти в вочеловечение Христа, тогда нас будет учить Бог, тогда обретем мы силу говорить о Боге, Рае и Царстве Небесном, а в земном разуме, который исходит лишь от звезд, мы перед Богом глупцы, когда мы хотим говорить о тайне небесной, ибо мы говорим о предмете, которого мы никогда не знали и не видели, но ведь ребенок знает мать. Так же и каждый, кто вновь рождается из Бога, ведь знает свою мать, хотя не земными глазами, но божественными и глазами матери, от которой он рожден. Дадим [же] читателю чистосердечно задуматься о том, что ему следует делать и в каком смысле и представлении мы хотим писать.

4. Разум внешнего мира хочет стоять хотя бы на том, что Бог якобы сотворил человека для внешнего правления, в муку звезд и четырех элементов. Было бы

это так, то он был бы сотворен для страха и смерти, ибо звездное небо имеет свою цель; когда оно ее достигнет, оно покинет Творение, чьим вождем оно было. Тогда рассеется правление и сущность Творения, которое подчинено внешнему небу; и мы наверное увидим, как мы упадем и умрем, когда внешнее небо с элементами покинет нас, так что и ребенок во чреве матери уже достаточно будет стар для смерти, часто и испортится, потому что он еще без жизни и в Fiat'е внешнего правления, в становлении тела, прежде чем центр природы разжег огонь души. И, разумеется, мы познаем смерть и умирание с грехопадением Адама, что Адам (коль скоро он стал земным) умер для Рая и стал мертв для Царствия Божьего, посему тогда мы нуждались бы в новом рождении, а иначе мы не можем снова стать живыми.

5. Но поскольку Бог запретил Адаму прикасаться к земному плоду, смешанному, и сотворил только одного человека с мужским и женским качеством, с обеими тинктурами, как то огня и света в любви, и поместил его в Раю; в Раю он был даже сотворен, — постольку мы не можем согласиться с разумом, который в отравлении дьяволом говорит, что человек якобы создан земным, ибо всё, что создано единственно и только из земной жизни или земной муки, является животным и имеет начало и конец, и не достигает вечности, ибо оно не из вечности[1]. А то, что не из вечности, подвер-

[1] *...ибо оно не из вечности.* — Эта часть предложения отсутствует в издании К. В. Шиблера и встречается в комментированном издании Г. Вера.

жено рассеянию и является лишь зеркалом, в котором вечная мудрость созерцала себя, как в фигуре и подобии. От него не остается ничего более, как тень без качества и сущности. Оно исчезает, как ветер, который поднимается и затем стихает. Ради такой твари Бог[2] не стал [бы] человеком, вечное не вошло [бы] в преходящее ради преходящей сущности. Так не вошло оно (вечное) в земное и оттого, что оно хочет земное, преходящее возвысить и ввести в силу величия, но ради того, что снизошло из силы величия, но стало злым и земным и померкло, как в смерти, что оно (вечное) хотело вновь сделать живым, пробудить и возвысить в силу величия, на то место, где оно было, прежде чем стало тварью.

6. И мы должны познавать человека иначе, чем делали это прежде, оценивая его, как животное. Он, однако, стал животным по качеству этого мира, поскольку умер в Адаме, так живет он с тех пор этому миру, а не Богу. Но если бы он своим духом воли вошел в Бога, то дух воли снова обрел бы благородный образ и жил бы по образу в Боге и по животному качеству этого мира. То есть он был бы в смерти и все-таки был бы жив. И потому Божье Слово стало человеком, чтобы Он его снова объединял в Боге, чтобы он снова весь родился в Боге и был восприимчив к Раю в нем.

7. Потому рассмотрим райский образ: мы говорим и признаем, что Адам был сотворен благим, чистым и без изъянов, как и Люцифер с его воинством: у него были чистые глаза, и это вдвойне или двояко, ибо за-

[2] В издании Г. Вера: *Слово Божье.*

ключал он в себе оба Царства, то есть Божье и царство мира сего, но как Бог есть Господь над Всем, так же должен был и человек в Божьей силе быть господином над этим миром. Как Бог господствует во Всем и Всё проницает неощутимо для вещи, так же и сокровенный божественный человек мог входить во Всё и созерцать. Хотя внешний человек и был во внешнем, но он был Господином над внешним и был под ним — оно его не сковывало. Он с легкостью мог рушить скалы, тинктура Земли была для него познаваема, он изобрел бы все чудеса Земли, ибо для того создан он был и во внешнее, и чтобы являть в фигурах и воплощать в дело, что было усмотрено в вечной Мудрости, ибо он имел в себе девственную мудрость.

8. Золото, серебро и драгоценные металлы были, правда, тоже из небесной Магии с воспламенением заперты — это иное, чем земля; человек любит их, конечно, и нуждается в них для пропитания, но он не знает их причины и первоначального состояния. Они не напрасно любимы духом (Gemüth), они изначально стоят высоко, если мы над этим подумаем. Но мы легко умолчим здесь об этом, потому что человек и без того очень многое любит и тем отпадает от Духа Божьего. Не должно любить тело больше, чем Дух, ибо Дух есть жизнь, так что дадим мы вам сравнение, чтобы понять, и умолчим об этой материи с ее причиной и изначальной сутью.

9. Но вот что знайте! Они даны были человеку лишь для забавы и украшения, он владел ими по праву

природы, они принадлежали ему, понимай: его внешнему телу, ибо внешнее тело с его тинктурой и тинктуры металлов друг другу близко родственны. Но когда тинктура внешнего тела была испорчена злой манией дьявола, то скрылась и тинктура металлов от человеческой и стала ей враждебна, ибо она чище, чем испорченная во внешнем человеке.

10. Позвольте открыть вам еще, искатели металлической тинктуры: коли желаете найти Lapidem Philosophorum[3], то примите новое рождение во Христе, иначе вам будет тяжело распознать её, ибо она имеет большую общность с небесной сущностью, которую, если бы она была освобождена от ярости, можно было бы, наверное, увидеть. Его блеск означает нечто, что, если бы у нас были райские глаза, мы бы распознали. Душа (Gemüth) указывает нам это, но рассудок и полное познание мертвы для Рая. И потому, что мы используем благородное для бесчестия Бога и к нашей собственной погибели, не почитаем тем Бога и не воссоединяемся нашим духом с Духом Бога, но оставляем дух и тяготеем к существенности, — стала для нас тинктура металлов — Мистериумом, ибо мы стали ей чужими.

11. Человек был создан, чтобы быть господином тинктуры, и она была ему подчинена, но он стал ее рабом, к тому же чужим: так что ищет он только золота, а находит землю, потому что он покинул Дух и ушел с духом своим в существенность, существенность пленила его и заключила в смерть: так что, как и тинктура

[3] *Лат.* — Философский Камень.

земли лежит заключенная в ярости, до суда Божьего, так же лежит вместе с нею и дух человека, заключенный в гневе. Посему да выйдет он из него и родится в Боге! Ибо дьявол с его яростью хотел стать великим князем в небесной существенности, потому закрылась она для него и стала землею и камнями, так что он теперь не князь, а пленник в гневе, и существенность бесполезна ему, ибо он — дух и презирает небесную существенность, он воспламенил Мать природы, которая вскоре сделала постижимым и телесным все, что создал и свел Дух Божий, и что было всё же хорошо и знакомо человеку: он мог бы распускать тинктуру и извлекать благородную жемчужину для своей игры и радости, и во славу Бога и чудотворение, если бы он остался невинным.

12. Что же касается еды и питья человека, которыми он должен был давать питание и существенность своему огню, было устроено так: в нём был двоякий огонь, огонь души и внешний огонь от солнца и звезд. Теперь, каждый огонь должен иметь сульфур и сущность, или его не будет, то есть он не будет гореть. Так, достаточно для понимания этого мы имеем на [примере] Божественной сущности, которая должна была быть питанием человека, ибо, как сообщено выше, огонь души кормится Божьей любовью, кротостью и сущностью, — всем тем, что предлагает Слово как Божественный центр, ибо душа из вечного магического огня, она должна иметь и магическую пищу, (т.е.) как *воображение. Если она имеет образ Божий*, то вооб-

ражается она в любовь Божью, в Божественную сущность, и вкушает от пищи Бога, от пищи ангелов, а если нет, то ест она от того, во что идет ее воображение, как то от земной или адской муки, и в ту же матрицу падает и она сама, пусть не своей субстанцией, но она той же самой наполняется, и начинает в ней *качествовать* то же самое, что совершает яд в теле.

13. Итак, нам достаточно известна и пища внешнего тела. Внешний человек хотя существовал, но он был словно бы наполовину поглощен внутренним, внутренний господствовал сплошь, как огонь в раскаленном железе, и так каждая жизнь брала пищу от своего, как то: образ Божий или дух и образ души вкушал от небесной Божественной сущности, а внешнее тело вкушало райский плод во рту, но не в теле, ибо, поскольку внешнее тело находилось во внутреннем, как наполовину поглощенное, то и плод был из Рая. Божественная сущность прорастала сквозь земную и имела ее в райском плоде как бы полупоглощенной, так что плод познавался не как земной, и потому это называлось Раем, как прорастание сквозь гнев, поскольку любовь Божья прорастала через ярость смерти и приносила плод, как это ясно понимает язык природы, без каких-либо толкований и мнений.

14. И далее нам следует, значит, понять, как Бог обитает в этом мире, а мир в Нем как бы поглощен; мир в Нем бессилен, а Он всемогущ. Так же было и с человеком, так он и питался: его земная пища была небесной. Как мы знаем, что мы должны заново родиться

в Боге, так был райский плод снова рожден из гнева в небесную сущность; или, как мы видим, как из горькой земли растет добрая сладкая трава, которую солнце наделяет иным качеством (qualifizieret[4]), чем её наделила земля, — так св. человек *определял качество* райского плода у себя во рту, так что земное оказывалось поглощенным, как ничто, и человека не задевало. Или, как мы познаём, что земля в конце будет поглощена и не будет больше осязаемым телом (Corpus).

15. Такой была и внешняя пища человека — он ел плод ртом и не нуждался для этого в зубах, ибо здесь было разделение власти. В Адамовом рту было два центра силы, и каждый брал свое: земное превращалось в небесную муку (Quaal), как мы знаем, что мы после нашего тела должны быть претворены и помещены в небесное тело силы. Таким было и превращение во рту, и тело обретало силу, ибо Царство Божье стоит в силе. Так и человек стоял в Царстве Божьем, ибо он был бессмертен и дитя Божье. А если бы он ел в кишечник и имел бы в теле такой смрад, как мы теперь, то я хочу спросить у разума: «Был ли это Рай, и жил ли в нем Дух Божий?» ибо Дух Господень должен был жить в Адаме как в твари Божьей.

16. Его работа в Раю на земле была детской, но с небесным умом. Он мог сажать деревья, другие рас-

---

[4] В отличие от сегодняшнего словоупотребления у Бёме этот глагол (квалифицировать) означает *«качественно определять»* нечто, иерархически или процессуально подчиненное, задавать то или иное качество-муку (Qualität=Quaal) низшему.

тения и все, что он только пожелает, повсюду у него росли райские плоды, и все было чистым. Он делал, что хотел, и правильно делал. Ему не было закона, как только закон воображения и желания, их он должен был насаждать своим духом в Боге, если бы он остался вечным. И хотя бы Бог изменил землю, то он все же остался бы без нужды и смерти, для него все только превратилось бы в небесную существенность.

17. Так же понимайте и о его питье! Внутренний человек пил воду вечной жизни из Божественной сущности, а внешний человек пил воду на земле, но подобно тому, как солнце и воздух поглощают воду и не наполняются ею, так это было и со ртом человека, это отошло в Мистериум, как мы думаем и верно познаем, и такова вся истина, — что Бог создал Всё из Ничего, только из свой силы. Значит, всё, что было земным, должно было во рту человека пойти в то, чем оно было до сотворения мира. Человеку из этого принадлежат Дух и сила, а не земное тело, ибо Бог однажды сотворил ему одно тело, которое было вечно: его не нужно было больше творить, оно было княжеским престолом (понимай: Адам), создано из неба, земли, звезд и элементов; как и из Божественной сущности, — господин мира и дитя Божье.

18. Заметьте это, вы, философы! Это есть истинное основание и высокое познание. Не примешивайте сюда школьную чепуху, это достаточно ясно. Мнение тут ничего не изменит, но истинный дух, рожденный в Боге, познаёт это верно. Все мнения без [истинного]

познания — это земной глупец, и зрит лишь землю или четыре элемента, но Дух Божий понимает лишь *Один* элемент, внутри которого сокровенно лежат ваши четыре. Не четыре должны были править в Адаме, но Один — четырьмя, небесный элемент над четырьмя элементами мира сего; и, значит, мы должны снова стать [этим элементом], если мы хотим обрести рай, ради чего Бог стал человеком.

19. Дозвольте сказать вам, вы — школьные задиры! Вы ходите по кругу и не заходите внутрь, как кошка вокруг горячей каши, которая боится жара — так и вы боитесь и стыдитесь перед огнем Божьим. И как мало кошка вкушает каши, ходя лишь вокруг края, чтобы нюхать, так мало и человек наслаждается райским плодом, он выйдет все же из шкуры Адама, оскверненной дьяволом, и вступит в новое рождение Христово. Он должен войти в круг и отбросить шкуру разума, так стяжает он человеческую живость ума и божественное познание. Этого не даст никакое учение, но лишь перерождение.

ГЛАВА V

О ПЛАЧЕВНОМ И ЖАЛКОМ ПАДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

1.

Если мы хотим верно описать вочеловечение Иисуса Христа, то нам нужно представить вам основания, почему Бог стал человеком. Это не мелочь или пустяк, как на это смотрят иудеи или турки, да и среди христиан об этом почти не говорят; ведь должна быть великая причина, чтобы неизменный Бог пришел в движение. Так заметьте себе это, мы представим вам основания.

2. Адам был человеком и образом Божьим, полным подобием Бога, хотя Бог образом не является; Он — царство и сила, а также — великолепие и вечность, Всё во Всём. Но глубина без дна жаждала открыть себя в подобиях: как такое откровение от вечности происходило в мудрости Божьей как в фигуре Девы, которая была хоть и не родильницей, но зеркалом Божественности и вечности в основе и безосновности (Grund und Ungrund), Око вечности Бога. И по тому самому Оку и в нем самом были созданы престолы князей, то есть ангелов, и, наконец, человек, который снова имел престол в себе, равно как создан он был из вечной магии из Божественной сущности,

из Ничего в Нечто, из духа в тело, и как породила его из себя вечная магия в Оке чудес и мудрости Божьей, так и он должен был и мог порождать из себя другого человека магически, не разрывая своего тела, ибо он был зачат в страстном желании Бога, и вожделение Божье породило и воплотило его. Значит, и он имел в себе ту же жажду к самооплодотворению. Ибо тинктура Венеры является маткой, которая беременеет существенностью, как сульфуром в огне, который (сульфур) обретает сущность все же в воде Венеры. Ибо тинктура огня дает душу, а тинктура света дает дух, а вода или существенность — тело, а Меркурий — центр Природы, дает колесо эссенций, а великая Жизнь в огне и воде, небесной и земной, и соли небесной и земной, сохраняет это в сущности, ибо это Fiat.

3. Ибо так же как человек имеет в себе внешние звезды, которые суть его колесо эссенций внешнего мира и причина души (Gemüth), так же и — внутренние звезды центра огненных эссенций, так и во втором Принципе — светозарных Божественных эссенций. Он имел в себе всю магию сущности всех сущностей. В нем была возможность, он мог магически рождать, ибо он любил сам себя и из своего центра снова вожделел подобия, как был он зачат от вожделения Бога и воплощен родильницей, так должен он был воплощать свое ангельское или человеческое воинство.

4. Должны ли все были родиться из Одного как из князя престола, или из всех, по одному из другого, — нет нужды знать, ибо цель разбита: мы доста-

точно познали, что мы знаем, что мы такое и *что* есть наше царство. Я нахожу, правда, в глубине в центре, что должны были выходить по одному из другого, ибо минуты небесного центра, так же как центра земного, бьют постоянно, поскольку колесо эссенций во всех трех принципах движется всегда и всегда открывает одно чудо за другим; так был ведь в Божественной мудрости разведан и выдуман образ человека, поскольку втуне лежат без числа чудеса, которые должны были быть открыты человеческим воинством, и открывались бы, конечно, по одному великому чуду то в одном, то в другом времени, всё по чудесным переменам небесного и земного рождения, как это ведь случается еще сегодня, что в одном [человеке] заложено больше мастерства и понимания чудес, чем в другом. Потому заключаю я, что должен был выходить и рождаться один человек из другого ради великих чудес и ради забавы и радости человека, когда каждый человек произвел бы себе подобного. Так человеческий род пребывал бы в рождении, пока не поместил бы Бог третий Принцип этого мира вновь в свой эфир, ибо это есть шар с началом и концом. Когда начало достигнет конца, так что последнее вступит в первое, то Всё будет завершенным и целым, тогда середина станет вновь ясной и войдет снова в то, чем была до времени этого мира, вплоть до чудес, которые останутся в Божественной сущности, в великой магии, как тень этого мира.

5. Поскольку же Адам был столь прекрасным образом и, к тому же, на месте низвергнутого Люцифе-

ра, то дьявол не мог ему такого позволить, жестоко завидовал ему и постоянно подставлял Адаму свои личины и воображение, и вползал своим воображением в земное существо плодов и внушал Адаму, будто большое великолепие заключено в его возожженной земной природе, хотя Адам его не знал, ибо он и приходил не в своем собственном виде, а в образе змеи, как искусного зверя, он вел обезьянью игру на манер птицелова, который обманывает и ловит птиц, так он делает тоже. Он также заразил своей манией высокомерия и наполовину убил земное царство, как можно видеть по земле и камням, которое от этого стало совсем одержимо [манией] и тщеславно и все же охотно избавилось бы от тщеславия. И когда он внял, что Адам дитя Божье и имел великолепие и силу, то ожесточилось его воображение по Адаму; как и возожженный гнев Божий воображался по Адаму — возрадоваться в этом живом образе.

6. Так все устремилось к Адаму и хотело заполучить его. Небесное царство хотело заполучить его, ибо он был для него создан, и земное царство желало владеть им, ибо имело [свою] часть в нем; оно хотело править им, поскольку он был лишь тварью. Так отверзла и ярость свою пасть и хотела быть тварной и существенной, чтобы утолить свой великий яростный голод: и стоял так Адам в испытании, пожалуй, 40 дней, столько же, сколько искушался и Христос в пустыне, и Израиль на горе Синай, когда Бог дал им закон, — возможно ли было, чтобы этот народ мог состоять

в муке Отца в законе перед Богом, сможет ли человек оставаться в послушании, чтобы он свое воображение восставил в Боге, дабы не нужно было Богу становиться человеком, ради которого и сотворил Бог чудеса в Египте, дабы увидел все же человек, что есть Бог, и любил Его и боялся. Но дьявол был лжецом и плутом, он совратил Израиль, чтобы сделали они тельца и почитали [его] за Бога. Так что теперь было невозможно состоять [в Боге], потому сошел Моисей с горы со скрижалями, на коих начертан был Закон, и разбил их и убил служивших тельцу. Потому не должно было Моисею вести этот народ в Землю Обетованную, этого не могло быть, это должен был сделать Иисус Навин и, наконец, Иисус, который устоял в искушении дьяволом и гневом Божиим, преодолел гнев и разбил смерть, как разбил Моисей скрижали Закона. Первый Адам, однако, не смог выдержать [испытание], хоть перед глазами его было Царство Божие, и он пребывал в раю, так уж сильно был воспален гнев Божий и увлек Адама, ибо он был в земле[1] так сильно воспламенен, сквозь воображение дьявола и суровую волю.

[1] Т. е. — в земной его части: читателю Бёме приходится помнить и держать в оперативном внимании его «фигуративно-эссенциальное», и потому — многослойно-многозначное словоупотребление. «Земля», в данном контексте, — это и эссенции, затвердевшие и окаменевшие в темном огне гордыни и восстания дьявола и превратившиеся, т. об., в *этот* мир «внешнего рождения», и, вместе с тем, эссенции, входящие в состав создаваемого на место дьявола человека Адама, — часть его духовно-субстанциальной природы.

7. Разум говорит так: «Неужели дьявол имел такую власть?» Да, любезный человек, ведь и человек имеет ее тоже: он может обрушивать горы, если с силой войдет [в них] своим воображением. Дьявол был из великой магии Божьей и князь или король этого престола, и вошел в самую сильную власть огня, возжелав быть господином над всем сонмом небесным. Так была разожжена магия и рождена великая Турба (Turba), которая вела с Адамом борьбу, [в которой он должен был явить], достаточно ли сильна его воля, чтобы отобрать у дьявола его царство и править в нем в другой муке. Этого дух разума Адама, видимо, не понимал, но магические эссенции спорили друг с другом, отчего проистекают все желания и воля, пока Адам не встал и не вообразился по-земному, и не возжелал земного плода; так это случилось, ибо его благородный образ, которому надлежало есть лишь от Verbo Domini[2], был заражен и омрачен. Тотчас — прямо в руки — выросло земное древо искушений, ибо страсть Адама вожделела этого и допустила. Тогда Адам должен был быть испытан в стойкости, ибо раздался строгий завет от Бога и сказал: «Ты должен есть от любых деревьев в Раю, но от дерева познания добра и зла ты есть не должен, ибо в какой день ты вкусишь от него, должен будешь умереть смертью», то есть, умереть для Царства Небесного и по-земному (irdisch). Быт 2:16–17. И Адам знал об этом завете, и не ел от него (этого дерева); но он воображался в него и был схвачен в своем воображении,

[2] *Лат.* — Слово Божье.

совершенно без сил, изнуренным и слабым, покуда не был одолен, тогда он упал и заснул.

8. Так подпал он вновь магии, и пришел конец его великолепию, ибо сон предвещает смерть и одоление. Земное царство одолело его, оно хотело властвовать над ним, царство звезд хотело владеть Адамом и делить с ним свои чудеса, ибо кроме него не было твари, столь высокой рангом как человек, который мог достигнуть звездного царства, потому Адам был привлечен и по-настоящему испытан, сможет ли он стать господином и королем над звездами и элементами. Дьявол суетился, он также мнил низвергнуть человека и подчинить своей силе, чтобы этот престол, в конце концов, остался его королевством, ибо он хорошо знал, если человек выйдет из Божьей Воли, он станет земным. И он так же хорошо знал, что пропасть Ада стоит в земном царстве, потому он теперь так засуетился. Ибо если бы Адам родил магически [второго человека], то Рай остался бы на земле; это было дьяволу не всё равно, он не выносил этого, это было не по вкусу в его царстве, ибо пахло не серой и огнем, но любовью и сладостью. Тогда дьявол подумал: «Это растение ты не ешь, иначе ты не останешься господином огня!»

9. Так что падение Адама заключалось целиком в земной эссенции, он потерял божественную эссенцию, из которой вытекает божественная любовь, и заполучил земную эссенцию, откуда изливаются гнев, злоба, яд, болезнь и несчастья, и утратил он свое небесное зрение (Augen). И он больше не мог есть на

райский манер, но воображал себе запретный плод, в котором смешались Зло и Добро, каковы ныне все плоды земные. И так оживились и качествовали в нем четыре элемента, ибо его воля с воображением дала приют земному царству в огне души. Значит, он вышел из Духа Божьего в дух звезд и элементов; они его приняли и радовались в нем, ибо они стали теперь в нем живы и сильны, до сего пребывали они в подчинении и принуждении, а теперь получили они власть.

10. То-то посмеялся дьявол и поглумился над Богом, но он еще не знал [о том], что было скрыто, он еще ничего не знал о змееборце, который должен был отнять у него его трон и разбить его царство. Итак, Адам погрузился в сон, в магию, ибо увидел Бог, что не мог он выстоять, потому сказал Он: «Не хорошо быть человеку одному; мы[3] сотворим ему помощницу, соответственную[4] ему». Быт 2:18, через которую он мог бы себя устраивать и множиться; ибо Он видел падение и пришел ему на помощь другим путем, ибо Он не хотел, чтобы образ Его погиб.

11. Разум говорит: «Почему Бог позволил расти дереву, из-за которого Адам был искушен? Должно быть, была Его воля на то, чтоб Адам был искушен». Так он (разум) хочет приписать падение Воле Божьей и думает, что Бог хотел, чтобы Адам пал, [что] Бог хочет для одних людей рая, а для других ада, иначе Он

---

[3] В переводе Лютера — «Я» (Gen. 2:18).

[4] Обозначение рода «помощника» (см.: Быт 2:18) также — в переводе Лютера (ebenda).

предотвратил бы беду и сохранил бы Адама, чтобы он был благим и остался в Раю. Так же судит и нынешний мир. Ибо, говорит он, не сотворил бы Бог зла, и не было бы ничего злого, ибо происходит все лишь от Него, и один Он есть Творец и создал Всё; так сотворил Он зло и добро, иначе не было бы так! И это он (разум) хочет попросту удержать, и он думает, если бы не было ничего такого, во что человек да и дьявол втрескались бы и стали злыми, то дьявол остался бы ангелом, а человек — в Раю.

12. Ответ. Да, любезный разум, теперь ты попал в цель, в самую точку, так что промахнуться не получится, если ты не слеп. Слушай, почему ты не скажешь и свету: зачем ты терпишь огонь? Каким блаженным ты был бы, не будь ты внутри огня! Я построил бы мою хижину рядом с тобой; но ты живешь в огне, и я не могу. Прими же свет: выйди из огня, так будешь ты прекрасен и благостен; и коль последует свет за тобою, обретешь ты сокровище великое. Как возликуешь ты, ибо сможешь жить в свете, не обжигаем огнем. Так далеко заходит разум.

13. Но посмотри же магическими глазами, понимай — и божественными и телесными, и будет это тебе показано, если не совсем ты еще слеп и мертв. Смотри, я дам понять тебе это в сравнении, потому что иначе разум — глупец и не смыслит ничего в Духе Божьем. Так вот, предположим, что у меня была бы сила изъять свет из огня, чего на самом деле быть не может, и посмотрим, что из этого выйдет. Узри, если я отде-

лю свет от огня, то, во-первых, потеряет свет свою эссенцию, из которой он светит; во-вторых, потеряет он и свою жизнь, станет немощным, и, в-третьих, будет он схвачен тьмою, и одолеет она его, и погаснет он сам в себе, и станет Ничто, ибо это есть вечная свобода и бездна, посему, покуда светит он, то это есть благо, а когда гаснет, он превращается в ничто.

14. Но смотри дальше! Что останется мне от огня, если я заберу из него свет и блеск? Ничто, лишь иссушающий голод и тьма; он потеряет эссенцию и муку, и, изголодавшись, тоже станет Ничто: его бывшая сера (Sulphur) есть смерть, пожирает себя, ибо эссенция содержится в ней. И поскольку теперь ее не существует, то она есть Ничто, бездна, где нет ни следа.

15. Так что, дорогой ищущий ум (Gemüth), задумайся над этим еще раз! Бог есть вечный свет, и Его сила и мука обитают в свете, свет обуславливает кротость, а из кротости возникает сущность; та же сущность есть Божественная сущность, а мука света есть Дух Божий, который есть начало, иначе нет другого Бога, как этот. В свете есть сила, а сила есть царство. И вот, однако, в свете и силе есть воля любви, она не желает ничего злого, она желает разве только сущности, но из своей собственной эссенции, то есть из любви и сладости, ибо это сходно со светом. Но вот свет берет начало свое в огне, и без огня не было бы ничего, без огня он (свет) не имел бы эссенции; огонь дает жизнь и движение и есть природа, но имеет иную волю, чем свет, ибо он есть алчность и хочет лишь по-

глощать, он лишь берет, и возносится в высокомерии, а свет не берет, но он дает, чтобы огонь поддерживался. Мука огня есть ярость, его эссенции горьки, его жало враждебно и не благостно, он враждебен самому себе, он поглощает сам себя; и если свет не придет ему на помощь, то пожрет он себя, так что из него получится Ничто.

16. Так что, мой дорогой ищущий ум (Gemüth), рассмотри это, тогда ты скоро успокоишься и достигнешь своей цели. Бог есть от вечности сила и свет и зовется Богом по свету и силе света, по духу света, не огненному духу; ибо огненный дух зовется яростью Его, гневом, и зовется не Богом, а поглощающим огнем могущества Божьего. Огонь зовется природой, а свет не зовется природой. Он, правда, имеет качество огня, но — превращенным: из ярости в любовь, из пожирания и поглощения — в порождение, из враждебности и горького горя (Wehe) — в кроткое благотворение, любовное желание и вечное исполнение, ибо желание любви зачинает в себе кротость света и есть Дева, беременная умом и мудростью Божественной силы.

17. Итак, мы ясно сознаём, *что* есть Бог и что Природа, к тому также — основание и бездна (Grund und Ungrund), а также глубина вечности; и, значит, сознаем, что вечный огонь магического происхождения и рождается в вожделеющей Воле, как это разъяснено во второй или в третьей части книг[5]. Если же вечное

[5] Бёме продолжает ссылаться на предыдущие книги, надеясь, что у читателя будет возможность к ним обратиться, хотя ни

безусловное имеет магическое свойство, то имеет магическое свойство и то, что рождено из вечности, ибо все возникло из вожделения. Небо и земля суть из магии, и душа (Gemüth) с чувствами, если уж мы хотели это знать про себя.

18. Что же, однако, может свет, если огонь что-то схватывает и поглощает, если вещь, охваченная огнем, тоже из магии? Ведь если она имеет жизнь, силу света и разум, почему же она бежит в огонь? Был же дьявол ангелом, а Адам образом Божиим: оба заключали в себе огонь и свет, к тому же божественный ум. Почему вообразился дьявол в огонь, а Адам — в землю, ведь они были свободны? Не свет и сила Божья влекли дьявола в огонь, но ярость природы. Почему дух согласился? Что магия себе сотворила, то она и имела. Дьявол создавал для себя ад, он его получил; Адам сделался земным, — таков он и теперь. Бог же не тварь и не делатель (Macher), но Он есть Дух и Открыватель. Когда случилось творение, то мы вынуждены это вот так представить себе и познать: огонь и одновременно свет пробудились в вожделении и возжелали отражения или образа вечности; так для нас в истинном познании, что ярость как природа огня не является

одна из этих книг («О трех принципах Божественной сущности», «О тройственной жизни человека»), также и будущих (кроме сборника «Путь ко Христу»), в которых также неоднократно описывается тот же, как он это часто называет, *процесс*, — не была напечатана при его жизни. Видно, что он воспринимает написанное как единый корпус, обращенный к адептам и хранителям его учения.

делателем, он не сделал из себя ничего, что было бы существенно, ибо этого и быть не может, но он создал дух и муку. Так вот, однако, никакая тварь не сидит в одной только эссенции. Если должна быть тварь, то она должна быть из сущности, как из силы или серы (Sulphur), она должна состоять в духовной соли (Sal), затем из муки огня возникает ртуть (Mercurius) и истинно эссенциальная жизнь; к этому она (тварь) должна быть наделена блеском, но внутренне должен присутствовать разум или сознание.

19. Итак мы знаем, что всякая тварь стоит в духовной сере (Sulphur), ртути (Mercurio) и соли (Sale)[6], и это делает не только дух, должна быть сера, в которой стоит Fiat, как терпкая матрица центра природы, где сохраняется дух, то есть, должна быть сущность, ибо, где нет сущности, там нет и творения, поскольку творящий дух — неосязаемая сущность, но он должен вовлечь в себя сущность своим воображением, иначе его не было бы.

20. Коль скоро дьявол вовлек в себя дух свирепости, а человек — земное, что могла с этим сделать любовь божественной сущности, была же дьяволу представлена и предложена любовь и кротость Бога с божественной сущностью, как и человеку. Кто станет винить Бога?

---

[6] Sulphur, Mercurius, Sal — алхимическое представление трех принципов природы: силы (сущностности, терпкого стяжения духа в субстанцию), подвижности (изменчивости, вечного движения), сохранения (консервации, соединения огня и воды, духа и материи).

Уж если яростная эссенция в дьяволе была настолько сильна, что поборола эссенцию любви, что делать с этим Богу? Если хороший отросток сажают, но он пропадает, при чем тут земля: она ведь дает ему соки и силу. Почему отросток не втягивает (zeucht[7]) их в себя? Ты говоришь: «Его эссенции слишком слабы!» Но что может поделать с этим земля и тот, кто посадил этот росток? Ведь его воля только в том, что он хочет вырастить хорошее дерево на радость себе и хочет насладиться его плодами. Знал бы он, что отросток пропадет, никогда не сажал бы его.

21. Итак, нам нужно осознать: Не так, как тот, кто сажает хорошее дерево, сотворены ангелы, но движением Бога с обоими Принципами, т.е. света и тьмы, в которой сокрыт огонь. Но в творении и в движении огонь все же не горел, как не горит он еще и сегодня, ибо он имеет свой собственный принцип. Зачем Люцифер пробудил его? Воля возникла из самой твари, а не извне, он хотел стать князем огня и света, он хотел загасить свет и отбросил от себя кротость, он хотел быть господином огня. Поскольку он презирал свет и свое рождение в кротости, то и был справедливо исторгнут. Потому потерял он и огонь, и свет, и во тьме бездны место его; если хочет он огня, то должен он его в себе высечь и возжечь злобой своей

---

[7] Еще один пример распространенной у Бёме смысловой игры этимологически связанными значениями: важные для него глаголы ziehen (тянуть, втягивать) и zeuchen (zeugen, зачинать), обозначающие характер духовно-эссенциальных процессов, часто подменяют друг друга, привнося в текст оба значения.

в воображении, который огонь горит для него все же не по-настоящему, а только в эссенциальной яростной муке, как четыре формы (Gestalten) в центре природы дают в себе самих. Первая форма терпкая, твердая, грубая и холодная; вторая форма в центре — горькая, колючая, враждебная; и затем страх, горе и мука — это третья форма; и со страхом, как в движении и жизни, высекает он огонь в твердой терпкости, между твердостью и горьким жалом, так что он появляется как молния: это и есть четвертый вид. И как нет кротости или сущности кротости, так нет и света, одна только молния, ибо страх алчет свободы, но слишком остёр, и достигает ее лишь как молнию, это огонь, в котором нет ни постоянства, ни основы. И так должен дьявол жить во тьме, и иметь в себе лишь яростную молнию, и весь образ его обители — только яростная молния и эхо громовых ударов. Таким предстает адское качество в муке.

22. Итак, нам необходимо здесь же понять и о древе искушения, которое Адам пробудил своим воображением — он вожделел, и матрица Природы представила ему то, чего он желал, но Бог запретил ему это, он не должен был этого касаться, Бог не хотел этого; но земная матка хотела заполучить Адама, ибо она распознала в Адаме Божественную силу. Поскольку с воспламенением дьявола она стала земною, но все же не совсем умерла, то она тосковала по тому, какой была прежде, то есть по свободе, чтобы избавиться от тщеты, а Адам заключал в себе свободу.

23. Так привлекла она Адама, чтобы Адам вообразился, и возжелал Адам страстно против запрета Божьего и воли, это так, как сказал Павел: «Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти» (Гал 5:17). Плоть Адама была наполовину небесной и наполовину земной, значит и дух Адама с воображением привнес власть в землю, так что дала ему матрица природы то, чего он хотел. Он должен был быть испытан, сможет ли он и на месте Люцифера остаться как ангел, потому Бог его и создал не просто как ангела, чтобы, если он не устоит и таки падет, Он мог помочь ему, чтобы он не пропал все же в ярости, как Люцифер. Потому он был создан из материи и дух его был введен в материю как в Sulphur воды и огня, чтобы Бог, таким образом, мог снова зажечь в нем жизнь. Как прекрасный благоуханный цветок растет из земли, таков был и замысел Бога, потому что ведал Он, что Адам может не устоять. Потому и Павел говорит: «Мы были предопределены во Христе Иисусе прежде, чем была заложена основа мира»[8], это значит, когда пал Люцифер, тогда основание мира сего не было еще заложено, но человек был уже увиден в мудрости Божьей, но поскольку он должен был быть создан из всех трех Принципов, то уже была опасность из-за разожженного сульфура материи. И, хотя он был создан выше земли, но сульфур был все же извлечен из земной матки, как прекрасный

[8] Ср.: «<...> Он избрал нас в Нем прежде создания мира, <...> Предопределив усыновить нас Себе чрез Иисуса Христа <...>». — Еф 1:4–5.

цветок из земли, и уже была опасность, и в сем месте образовалось прелестное имя *Иисуса*, как Спасителя и Возродителя, ибо человек есть величайшая тайна, какую соткал Бог. Он несет фигуру знамения, как от вечности Божество рождает себя из ярости, из огня через погружение, через смерть в другой Принцип иного качества. Значит, и он (человек) будет вновь рожден из смерти и процветет из смерти в другом принципе иной силы, где он полностью избавится от всего земного.

24. И очень хорошо нам, что мы земной частью возвращены земле, коль скоро мы сохраняем, однако, и божественную часть, ибо мы очистимся полностью и придем полностью совершенными без единого дьявольского влечения снова в Царство Божье, и являемся гораздо большей тайной, чем сами ангелы. Мы превзойдем их и в божественной сущности, ибо они — языки пламени, просвеченные светом: мы же достигаем великого источника кротости и любви, который струится в святой Божественной сущности.

25. Потому совершенно ложно и несправедливо поступают те, кто говорит, что Бог не желает, чтобы все люди были на небе. Он хочет, чтобы все спаслись; дело за самим человеком, что не хочет он позволить себе помочь, и если кто-то имеет злую наклонность, то это не от Бога, а от матери природы. Ты хочешь винить Бога? Ты лжешь! Дух Божий не отступается ни от кого. Отбрось злобу свою и войди в кротость, вступи в истину, в любовь и предайся Богу, так будет тебе помощь, ибо того ради Иисус был рожден, чтобы помочь. Ты говоришь: «Меня

держат, так что я не могу». Верно, ты хочешь этого, дьявол тоже этого хотел. Если ты рыцарь, почему ты не борешься против зла? А если ты сражаешься против добра, то ты враг Божий. Ты полагаешь, Бог возложит на дьявола ангельский венец? Если ты враг, то ты не друг; если хочешь быть другом, оставь враждебность и иди к Отцу, так ты станешь сыном. Потому что, кто винит Бога, тот обманщик и убийца, как и дьявол. Если же ты сам себе создатель, почему ты создаешь себя злым? И если ты сама злая материя, то Бог подарил тебе свое сердце и дух. Прими это в создание свое, так ты сделаешь себя добрым, но если возьмешь ты жадность и гордыню, а с ними сладострастие земной жизни: что с этим делать Богу? Тебе еще нужно, чтобы Бог сидел в твоей презрительной гордыне? Нет, это не его мука. Ты говоришь: «Я [из] злой муки и не могу, меня держат»: пусть так, но оставь свою злую муку и войди духом воли своей в дух любви Божьей и предайся милосердию Его, ты избавишься от злой муки. Злая мука происходит от земли, когда земля получает тело, то пусть она заберет свою злобу, ты же являешься и остаешься духом в воле Божьей, в любви Его. Распрощайся со злым Адамом, и произрастет в тебе новый и добрый из старого, как прекрасный цветок вырастает из смердящего навоза. Только смотри, чтобы ты сохранял дух в Боге, злое тело, напичканное злыми аффектами, не стоит многих забот. Если оно склонно ко злу, то делай ему тем меньше добра, не давай ему причин для похоти: держать в узде — лучшее лекарство, но пить и «жрать от пуза» значит совсем отпустить злого осла

в навозную яму, где он испачкается в дерьме, как свинья. Быть трезвым, вести умеренную жизнь — это лучшее слабительное для злого осла, не давать ему, чего он вожделеет, заставлять часто поститься, чтобы он не мешал молитве, — ему на пользу, он не хочет, конечно, но разум должен быть господином, ибо он несет образ Божий.

26. Правда, эта латынь не по нраву миру разума с его плотской радостью, но, поскольку это ему не по вкусу и [он] предпочитает вместо этого суетное злое сладострастие земное и лакает его, то гнев в нем оживляется; он постоянно исходит вместе с Адамом из Рая и — с Люцифером в бездну: тогда ты, наконец, будешь досыта пить и жрать [всё], чего ты здесь по своей воле набрался. Но Бога ты не должен винить [в этом]; иначе ты обманщик и враг истины. Бог не желает зла, в Нем нет ни одной злой мысли: у Него лишь одна мука — любовь и радость, но Его ярость, то есть Природа, имеет много мук. Потому пусть каждый смотрит, что он делает. Каждый человек есть свой собственный Бог и свой собственный дьявол; к какой муке склонится он, и предастся, та погоняет и ведет его, ее мастером он станет.

27. Великая беда в том, что человек настолько слепнет, что не может всё же познать, что такое Бог, тогда как он ведь живет в Боге; а еще есть люди, которые это запрещают, не должно, мол, исследовать, что есть Бог, и хотят быть учителями от Бога; да-да! учителями от дьявола они являются, чтобы он со своим фальшиво-блестящим царством не был обнаружен и узнан.

ГЛАВА VI

О СНЕ АДАМА, КАК СОЗДАЛ БОГ ИЗ НЕГО ЖЕНЩИНУ И КАК ОН ПОЛНОСТЬЮ СТАЛ ЗЕМНЫМ, И КАК БОГ С ПРОКЛЯТИЕМ ОТНЯЛ У НЕГО РАЙ

1.

Когда человек приходит в полное изнеможение, то впадает в сон, как в магию: у него такое ощущение, словно он не в этом мире, ибо все его чувства прекращаются, круговорот эссенций успокаивается, он как будто эссенциален, а не субстанциален, он уподобляется в себе чистой магии, ибо он ничего не знает о своем теле, он лежит словно мертвый и всё же не мертв, но дух недвижим. Тогда бездействуют эссенции, и зряч лишь дух души, тогда всё вырисовывается в астральном духе, что являет звездное небо; и предстоит магически как зеркало в душе, в котором дух обширного мира любуется собой и вводит в эссенции то, что видит в зеркале, и эссенции взбухают в нём [духе], как если бы они работали в духе, рисуют и в духе то, что суть сны и фантазии.

2. Итак, нам нужно узнать, когда земное [качество] (Irdigkeit) боролось с Адамом, и он в него же воображался, то был он вскоре от него заражен, стал в своей душе (Gemüthe) темен и суров, ибо земное начало качествовать, как вода, которая от огня начинает закипать, мука звезд стала подвижна и была теперь господином тела. Как вполне справедливо говорит Мо-

исей: «Бог погрузил его в глубокий сон»[1], то есть, поскольку дух воли его вообразился по земному, то Бог позволил ему пасть, ибо своим воображением он ввел земное в небесную существенность, а этого Дух Божий, который есть Дух света, не желал, ибо дух Адама был тварью и исходил из духа любви Божией, так что покидал он Его неохотно, но земное уже пленило его. И поскольку он Его покинул, то впал в изнеможение и стал подвластен третьему Принципу — созвездиям и четырем элементам. Так он лежал в земной магии и был все-таки не совсем земным — он лежал в Мистериуме, сокрытый между царством Божьим и царством этого мира, поскольку оба Fiat'а, как божественный, так и земной, были в нем возбуждены, и два царства, Божье и адово, теперь впервые боролись за человека. И вот теперь, если бы и драгоценное имя Иисуса не было запечатлено в Адаме еще до его сотворения, в существенности Божьей, где стояла дева мудрости Божьей, из которой (существенности) Адам был создан, то спать бы ему и поныне и пребывать в земной смерти.

3. И в этом-то подоплека [того], что второму Адаму — Христу — пришлось до третьего дня покоиться в земле во сне первого Адама и вновь пробудить

[1] Бёме вновь не вполне точен в обращении с Писанием. В тексте Лютера Бог не Адама погрузил в сон («ließ ihn in einen tiefen Schlaf fallen»), а низвел сон на Адама («ließ <...> einen tiefen Schlaf fallen auf den Menschen», Gen. 2:21), т.е. не человек «падает» (fallen) в сон, а сон «падает» на человека. Ср.: «И навел <...>на человека крепкий сон», Быт 2:21.

первого Адама от земного [сна] (aus der Irdigkeit), ибо у Христа тоже были душа и дух от Адама, и драгоценное Слово Божества Духом Божьим пробудило умершую сущность сульфура, тело, умершее в Адаме, вновь в Христовой плоти и вновь обняло его силой величия Божьего, и с тем — всех нас.

4. Все те, кто верой и воображением своим входят в плоть и кровь Христа, в Его смерть и упокоение в земле, все они прорастают духом и волей своей в Божественной сущности, как прекрасный цветок в Величии Божьем, и Бог — вечное Слово и Сила — в последний день Духом Своим пробудит их умершее тело, которое подчинилось земле в Адаме, в Себе. Ибо душа и плоть Христовы, что суть и наша душа и плоть, — пойми это правильно — часть, которую Адам получил от божественной сущности, — отделил Бог смертью Христовой от земной муки, пробудил и вновь ввел в Божественную сущность, как было то до времен мира, и нас в Нем и с Ним. И недостает нам ныне лишь самоотверженности, что мы позволяем дьяволу удерживать нас, ибо наша смерть сокрушена, наш сон стал жизнью, жизнью во Христе, а через Христа — в Боге, а через Бога в Вечности с нашей основой в бездне, как в Величии вне огненной природы.

5. Ах, слепота, что мы не знаем себя! О ты, бедный человек, знал бы ты себя, кто ты есть, как возрадовался бы ты! Какую отставку дал бы ты темному дьяволу, который днем и ночью тщится сделать наш

дух (Gemüth) земным, дабы не узнали мы истинной родины своей, из которой вышли! О, несчастный испорченный разум, если бы ты узнал хоть искорку твоего изначального величия, как затосковал бы ты по нему! Сколь безмерно очарователен облик божественной сущности! Как сладка вода вечной жизни из Величия Божьего! О, драгоценный Свет, возьми нас снова, мы сейчас спим с Адамом в земной муке! О, приди, драгоценное Слово, и разбуди нас во Христе! О, драгоценный Свет, только разрушь своим явленьем дьявольскую власть, что держит нас в плену! Разбей власть Антихриста и алчности, избавь нас от зла (Übel)! Пробуди нас, Господи, ибо долго спали мы в сетях дьявола, в земной муке! Дай нам еще раз узреть Спасение Твое, восставь новый Иерусалим! Ибо сейчас день, почему мы должны спать днём? Приди же ты, сокрушитель смерти, могучий герой и рыцарь, и разбей дьяволу его царство на земле! Дай нам, твоему больному Адаму, живительный напиток с Сиона, чтобы нам подкрепиться и вернуться на нашу истинную родину! Виждь: горы и холмы с долинами полны великолепия Господа. Он рвется в рост, как растение: кто воспрепятствует этому? Аллилуйя!

6. И вот, когда Адам заснул, то лежал он в Мистериуме, как в чудесах Божьих, что Он с ним сделал, то было сделано. Так, воображенное имя Иисуса повторно привело в движение Fiat в двух видах, то есть в обеих тинктурах — огня и воды. Ибо этот первый образ в Слове жизни подпал теперь под власть имени

Иисуса, и Слово жизни было теперь иным творцом, разумей, воображенное имя Иисуса, который тогда захотел стать человеком, Он отделил две тинктуры друг от друга как тинктуру огня и тинктуру света, но, однако, не полностью в силе, а в существенности, ибо в существенности тинктуру света содержался сульфур Венеры, любви, в которой Адам должен был и мог сам себя оплодотворять. Тинктура огня давала душу, а тинктура света дух, как фигуру по внешнему образу. Огненная жизнь воображалась наподобие жизни света, а жизнь света по жизни огня, как по эссенциальной силе, из которой исходит свет; это было в Адаме едино, ибо был он и мужчиной и женщиной. И Слово жизни взяло тинктуру Венеры с небесным и земным Fiat'ом от Адама и также ребро из бока его скелета, как и половинный крест T в голове его, что есть характер Святой Троицы, означенный Словом жизни, как суровым именем Бога, которое (слово) несет такой характер T, означает крест Христа, на котором Он должен был претерпеть смерть (Tod[2]) и снова родить Адама, и вновь ввести его в Ternarium Sanctum. Всё это вобрал в себя Fiat со всеми эссенциями человеческого качества, хотя и с качеством душевного огня, но в тинктуре Венеры, не по власти центра; и выделился в целостную форму человека.

7. Так была создана женщина со всеми членами и женскими свойствами, каковые имеет поныне, ибо

[2] Автору важно знаковое присутствие T (крестообразной конфигурации этой буквы, ср. также: t) в ключевых словах.

Дух Majoris[3] Mundi[4] имел теперь самый сильный Fiat и сформировал женщину по такому образу, какой мог быть возможен, ибо ангельской формы больше не было, отныне предстояло нам рождаться подобно животному. Итак Адаму, поскольку он попал под власть земной магии, была дана форма животного и образ мужских членов, и рожденье Адама было передано Fiat'у, который создал подобие ему из него. Если бы остался в небесном настрое, то сам рождался бы небесным образом; ныне же это делал земной Fiat и, его внешнее тело стало зверем, и утратило небесный ум и силу всемогущества.

8. Так что, дорогой читатель, ты должен знать, что не напрасно второй Адам Христос дал себя распять и пронзить свой бок копьем, не зря пролил свою кровь. В этом и кроется ключ. Адамово тело (его бок) было повреждено из-за ребра для женщины; в тот же бок надлежало попасть копью Лонгина с яростью Божьей, ибо она (поврежденность эта) вошла из земной части Марии которая от Адама, в бок Христу, и кровь Христа должна была залить ярость и снять ее с первого Адама, ибо второй Адам имеет и небесную кровь, она должна была залить Турбу, дабы первый Адам снова исцелился.

9. Да будет это сказано вам, о дети человеческие, ибо познано это в Ternario Sancto, а не во мнении или предположении; это ст*о*ит вам души и тела. Смотрите, что вы делаете.

---

[3] *Лат.* — высший (ср. ст. к magnus). Относится к слову «Дух» как определение (в постпозиции).

[4] *Лат.* — мира. Бёме, т. обр., говорит о «высшем духе мира».

10. Итак стал человек плодиться подобно животному, ибо Адам сохранил свой лимб[5], а Ева — свою матрицу Венеры, ибо тинктуры были разделены. Теперь, каждая тинктура — это целая магия, как вожделеющее влечение, в котором рождается центр природы, и это в сульфуре. Затем, в сульфуре есть опять же вожделеющая магия с тинктурой, и все же не может обрести жизни, покуда не войдет тинктура огня в тинктуру Венеры, а тинктура Венеры не может пробудить огонь, она слишком слаба. Поскольку же это невозможно в себе, а обе тинктуры в равной степени жаждут жизни: здесь начинается воспаленное воображение мужчины и женщины, так что одно жаждет смешаться с другим, ибо сила эссенций хочет быть живой, а тинктура побуждает к тому и жаждет этого. Ведь тинктура принадлежит жизни вечной, и, однако, заключена в существенность, так что она хочет жить, как жила от вечности, и потому тоскует мужчина по женской матрице, а женщина по мужскому лимбу.

11. У женщины водная тинктура, а у мужчины огненная. Мужчина сеет душу, а женщина дух, и оба сеют плоть, как сульфур, потому мужчина и женщина — суть Одно тело, и вдвоем создают одно дитя, и потому должны оставаться вместе, коль они однажды смешались, ибо они стали одним телом. А кто смешивается с другими или

---

[5] *Лат. limbus — рубеж, край,* — «в католическом вероучении, промежуточное состояние или место пребывания не попавших на небеса душ, не совпадающее, однако, с адом или чистилищем», — Энциклопедия Кольера. См.: http://enc-dic.com/colier/Limb-4155/.

расстается, тот ломает природный порядок, уподобляется скоту и не сознает, что в его семени лежит вечная тинктура, в которой заключена божественная сущность, и со временем пробуждается в гневной [её] части. И это такой поступок, который тенью следует за человеком, и его мука однажды оживится в совести; ибо тинктура в семени происходит из вечности: она непреходяща, она является в образе духа и вступает человеку в его магию, из которой она породила и вывела человека.

12. Запомните это, блудницы и распутники! Что вы творите в укромном месте, зачастую с великой лживостью, то поразит вас в совесть и станет грызть вас злобным червем. Тинктура есть вечная сущность и охотно пребывала бы в Божьей любви. Но если вы в побуждении созвездия через дьявольское заражение вливаете ее в ложный нечистый сосуд, в мерзость и беспорядок, то едва ли она достигнет Божьей любви, напротив, возвращается она воображением вновь в первое место, то есть в вас. Если она исказилась в ложном сосуде, так что нет ей покоя, то будет она колоть вас и язвить вашу совесть в адской бездне. Это не ерунда и не шутка. Не будьте, значит, совсем как звери, ибо зверь имеет тинктуру только от этого мира, но вы как раз — не так, у вас она от вечности: что вечно — не умирает. Даже если вы загубите сульфур, то дух воли в сульфуре вступит в Мистериум с благородной тинктурой, и каждый Мистериум возьмет свое, и раз в последний день, когда Дух Божий станет подвижен во всех трех Принципах, Мистериум должен раскрыться, тогда вы увидите прекрасные дела ваши.

13. Так нам яснее ясного великое милосердие Божье к человеческому роду, ибо хотел Бог помочь человеку. Иначе, если бы Бог желал качества животного, то, наверное, с самого начала создал бы самца и самку. Он не создал бы одного с обеими тинктурами. Но Бог хорошо распознал падение человека, а так же обман дьявола, который с Евой был обращен в насмешку. Дьявол думал, когда Адам впал в сон: «Вот я господин и князь Земли», но семя женщины воспрепятствовало ему в этом.

14. Нам надо познать пробуждение Адама из его сна: Он заснул небесному миру, а проснулся земному миру. Дух большого мира пробудил его, тогда он увидел женщину и узнал ее, что она была его плотью и костью, ибо Дева мудрости Божьей еще пребывала в нем, и он смотрел на нее и воображался в нее, ибо она получила его матрицу и тинктуру Венеры, и вскоре поймала одна тинктура воображением другую, потому взял ее Адам к себе и сказал: «Ее будут звать женою (Männin[6]), потому, что взята она от мужа (vom Manne)». И Еву нельзя признать чистой девой, также как и дочерей ее. **Турба** разрушила девственность и сделала чистую любовь земной, земное воображение разрушает истинную девственность, ибо Мудрость Божья есть чистая Дева,

---

6 Бёме дословно цитирует слова Адама из Библии в переводе Лютера, где наименование женщины с помощью суффикса и умлаута образовано прямо от наименования мужчины: «Man wird sie Männin heißen, darum, daß sie vom Manne genommen ist». — Gen. 2:23.

в которой Христос зачат и в истинном девственном сосуде стал человеком, как далее должно следовать.

15. Потому не могла земная Дева оставаться в раю, хотя они оба еще были в раю и оба еще несли в себе райскую муку, но — смешанную с земным влечением. Они были наги и имели свои животные органы для продолжения рода, но не знали их и не стыдились, ибо дух большого мира еще не возымел над ними власти, пока не вкусили они от плода земного, тогда открылись их глаза, ибо отошла от них небесная Дева Мудрости Божьей, тогда лишь они ощутили царство звезд и элементов. И поскольку ушел Дух Божий, то явился дух земной в яростной муке, и приступил к ним дьявол и заразил, и повел их в ярость и злобу, как это происходит еще сегодня, ибо ярость Божья, которую разжег и пробудил Дьявол из вечной природы, была заложена в земном центре. И не может быть рождена никакая жизнь без пробуждения (земного) центра, он будет разбужен; ибо этот Принцип стоит в огне, в котором стоит всякая жизнь, а центр Природы держит ярость в своих образах. Потому говорится: преклонись и приди к кротости, и оставь жизни причитающееся ей! Ибо жизнь есть огонь, а *образ* жизни, будучи подобием Божиим, пребывает в *свете*, как в огне любви, но не несет в себе светового огня центр Природы. Потому мнит себя дьявол и поныне более великим господином, чем тварь в огне любви. Да, он, конечно, суровее, но он живет во тьме и пожирает в себя суровую существенность, потому он и является врагом любви.

16. Нам надо узнать, что дьявол повинен в том, что человек был создан на его место, и надо нам узнать, что он виноват в падении человека, хотя Адам и его Ева, когда Бог разделил Адама, не могли устоять. Правда, они были в раю и должны были, как ангелы, есть плоды Рая, но они не наслаждались ими, ибо древо познания добра и зла было им милее, и Ева, как только она была создана, вообразилась в древо искушения. И хотя Адам сразу открыл ей запрет, все-таки хотелось только этого древа, ибо земные эссенции были в Адаме и Еве еще не очевидны, они еще были в плену, потому они вырастали в страстном желании, ибо хотели властвовать. Это происходило через дьявольское заражение, через его растущее ложное воображение; потому лег он на древо в образе змия и хвалил Еве плод: он будто наделяет умом. Да, конечно, умом, чтобы распознать добро и зло, весьма ничтожным, чтобы управлять двойственной мукой в твари. Лучше бы этого не познавать. Он говорит ей, смешивая правду с ложью, что станет она умной и ее глаза откроются. Да, конечно, достаточно; она скоро увидела, что она с земной мукой подпала духу мира сего, что она нага, и узнала свои животные члены, обрела кишечник в теле и смрадное бренное тело, исполненное скорби и нужды, в страхе и утруждении, как изложено в книге «De Tribus Principiis», и как мы ныне видим перед глазами, что за райские мы ангелы , как мы принуждены рождаться и кормиться в страхе, тревоге и горе, что должно было происходить иначе.

17. Итак, мы достаточно знаем о падении Адама, и почему он не мог остаться в раю, чем был рай, который еще есть и поныне. Он больше не приносит райского плода, и у нас больше нет райской муки и глаз, мы его не видим, ибо Бог проклял землю из-за человека, чтобы рай больше не прорастал из земли, ибо он стал для нас Мистериумом, и все же он все еще там же, и в тот же Мистериум отходят души святых, когда земное тело расстается с душой. Он в этом мире, но все же и вне этого мира, ибо мука этого мира не затрагивает его. Весь мир был бы райским, если бы Адам остался в невинности, но когда Бог наложил проклятие, тогда ушел Рай, ибо проклятье Божие есть исход. Его уход не есть исчезновение, но вхождение в другой Принцип, то есть в самого Себя. Дух Божий исходит от Бога в существенность, но когда эта существенность стала земной и дьявол поселился в ней, который был врагом Божьим, тогда вступил Дух Божий в свой собственный Принцип, то есть в Любовь, и ушел из земного. Там ныне предстоит Он человеку в свете жизни. Кто жаждет войти в Божью любовь, тот духом воли попадет в рай; там прорастет Рай в духе воли его, и вновь примет в свой образ небесную сущность, где правит Святой Дух.

18. Пусть будет это вашей жемчужиной, о, дети человеческие, ибо это есть истинное обоснование. Кто ее ищет и находит, тот испытывает от нее чистую радость. Это жемчужина, которая лежит в поле, где кто-то продает все, что имеет, а покупает жемчужину, о том говорит Христос. Мф 13:45–46.

19. Итак, должен быть познан нами еще Херувим, который изгнал Адама и Еву из Рая, суровый ангел; [он] означает отсекателя (Abscheider[7]), отделяющего земную жизнь от райской, где тело и душа должны разделиться.

20. Нам известно, правда, что Адам и Ева были изгнаны из того места, где росло древо искушения, ибо росли в том саду и райские плоды, которых им нельзя больше было ни видеть, ни вкушать, ибо не принадлежит небесное земному; были и звери изгнаны из-за злого дерева, хотя они были не способны к наслаждению райским плодом, но от злого древа мог есть каждый зверь, ибо оно было земным. Итак, они должны были покинуть Рай, ибо Бог посредством духа большого мира одел их в шкуры звериные вместо небесного платья ясности, сказал наставление, какими должны быть их дела и поступки в этом мире, что им отныне следовало есть, и как им предстояло кормиться в скорби и горе, покуда не станут сами землею, из коей были отчасти взяты.

---

[7] Собственно, *отрезатель*. По-видимому, авторский неологизм, обусловленный легкостью образования в немецком языке наименования агента действия от любого глагола, чем и пользуется Бёме, нередко и с успехом, оперируя затем изобретенными словами. Современный словарь указывает на значение «резак» — выступ на наковальне для отбивания лишней части поковки, что, скорее всего, было в ходу и во времена автора.

ГЛАВА VII

О ПРЕДСКАЗАННОМ СЕМЕНИ ЖЕНЩИНЫ И ЗМЕЕБОРЦЕ

1.

И вот, когда Адам и Ева, уже как мужчина и женщина, пребывали в раю и все еще имели небесную муку и радость, хотя и в смешении, — дьявол не мог этого стерпеть, ибо его зависть была слишком велика, потому что Адама он привел к падению и лишил его ангельского образа, теперь же он смотрел на Еву, как женщину от Адама, и думал, что они могут зачать в Раю детей, и остаться в Раю; [и сказал себе:] «ты совратишь ее, чтобы она вкусила от запретного плода, так она станет земной, так ты сможешь захватить ее сердце и ввести в нее твое воображение, так заполучишь ты ее в твое царство и останешься еще князем в третьем Принципе, на земле»; что он потом ведь и сделал: и склонил ее к запретному плоду, так что она дотронулась до дерева и сорвала яблоко, и ела его, и дала Адаму, и когда Адам увидел, что Ева не упала тотчас и не умерла, ел и он, ибо влечение было в обоих.

2. Это был кусочек, от которого удалились Небо и рай, там встал херувим, как отсекатель, с обнаженным разящим мечом перед райскими вратами и не пу-

стил их больше в Рай: меч его есть ангел-истребитель, который сечет человека зноем, холодом, болезнями, нуждой и смертью и, под конец, отделяет земную жизнь от души.

3. Когда этот меч в смерти Христа должен был быть снова разрушен, то содрогнулась земля, и солнце потеряло свой свет, скалы расщепились от сильной мощи Бога, который, стало быть, вновь разбил смерть. И тотчас открылись могилы святых, и восстали из смерти их тела, ибо меч был разбит и ангел, охранявший Рай, устранен. И вошли тела святых вновь в Рай.

4. И вот, когда Адам и Ева вкусили от земного плода, оказались среди убийц, которые их избили и ограбили, и бросили полумертвыми. Их исход из Рая это путь из Иерусалима в Иерихон, ибо они сошли с небес в этот злой испорченный мир, в юдоль грехов, где вскоре в их душах (Gemüthe), в центре природы, колесо чувств (Sinnen) начало качествовать в земной муке; где каждое чувство (Sinn[1], смысл) противно другому, где зависть, гордыня, жадность, гнев и распря в достатке и в избытке били ключом, ибо был погашен благородный свет любви, который делал яростный исток ласковым, дружелюбным и нежным, в котором действовал Дух Божий и отдыхала прекрасная Дева мудрости Божьей: они исходили от прекрасной мудрости.

5. Бог создал Адама в благонравную Деву мудрости Своей, а получил он вместо нее злую превратную зем-

[1] Слова, адекватного этому по объему значения, в русском языке нет.

ную жену, с которой надлежало жить Адаму в зверином обличии, в тщетной скорби, страхе и нужде, и прелестный сад наслаждений, что он в себе носил, обратился отвратительным садом шипов и чертополоха, в котором он все же как будто искал девственного плода. Но с ним было как с вором, который, будучи призван охранять дивный сад наслаждений, был изгнан из него за воровство, и все же охотно хотел бы поесть того же плода, но не может войти, а бродит кругами снаружи, протягивает руку за плодом, который садовник вырывает из руки, и он должен уйти печальным и не может утолить своего желания — так же у него получается и с женщиной.

6. Пока он был в Божьей любви, и женщина в нем была благонравной Девою, в Божьей сладости и мудрости, то он вкушал плоды ее и мог вполне наслаждаться своей собственной любовью в тинктуре Венеры, ибо тинктура огня имеет в тинктуре света великое радостное наслаждение — это было в нём, он был мужчина и женщина. Ныне же он должен ходить снаружи того же сада и касаться тинктуры Венеры только одним членом, потому что внутренние тинктуры проникают друг в друга в семени и работают для жизни, но внешнее тело недостойно наслаждаться действием внутреннего царства радости, где сеется жизнь души: этим наслаждаются лишь внутренние эссенции, ибо берут начало в вечном, но внешнее животное — осёл, следует лишь звериному влечению, он не знает о радости эссенций, когда одна тинктура входит в другую, что там происходит, когда все же есть хоть

что-то от Рая, но земная эссенция скоро примешивается к ним, и это только радостный блик, в котором зарождается воля к жизни, которая затем побуждает к дальнейшему и оплодотворяется сульфуром, покуда не сможет достигнуть Принципа и высечь огонь в центре, поскольку он (огонь) есть истинная жизнь, и снова рождается душа.

7. Когда же прекрасный образ удалился от Божьей любви, то оказалось, что он перешел в другую муку, там начались страх и ужас перед яростью Божьей, ибо она начала качествовать в них, [они] посмотрели друг на друга и увидели свой звериный образ и что они наги. То-то тогда, должно быть, танцевал дьявол и насмехался над Богом, ибо они испугались себя, спрятались за деревьями и брали листья смоковницы и прикрывали ими свой срам, ибо небесная Дева ушла; они узнали падение и устыдились; то есть, душа, которая из вечного, стыдилась животного облика, как это случается еще и сегодня, что мы стыдимся своих животных органов. И отсюда идет, что женщина прикрывает свой срам платком, дабы дух души, что смотрит из глаз, не смущался, ибо он знает матрицу Венеры и от этого тотчас начинает воображаться (imaginieren) в мужчине, что не так легко случается, если женщина одета в черное и прикрывает глаза, разве только [обоюдным] воображением (Einbildung), но в итоге ловят обе тинктуры, мужская и женская, друг друга рано или поздно в глазах, сквозь которые смотрит дух.

8. И вот когда Адам и Ева, значит, застыли в ужасе пред гневом Божьим, воззвал Бог к Адаму и сказал: «Адам, где ты?» И он сказал: «Здесь я, мне страшно, ибо я наг.» И Он сказал: «Кто сказал тебе, что ты наг? Не ел ли ты от дерева, которое Я запретил тебе?» И он сказал: «Женщина дала мне, и я ел»; и сказал Он женщине: «Почему ты сделала это?» Она сказала: «Змий обманул меня, чтобы ела я». Быт 3:9–13.

9. Здесь мы понимаем великую любовь Божью [в том], что Бог вновь воззвал к Адаму, что он должен себя познать, искать и найти, и вновь вернуться к Богу, ибо Адам был в Боге, но вышел из любви Божьей, из второго Принципа, из святого Рая Божьего во внешнее земное царство этого мира звезд и элементов, в третий Принцип. Поэтому сказал Бог: «Где ты, Адам?» Разве не видишь ты, что ты более не на небе? Он снова обратил свой приветливый лик в своей части в Адаме, пойми: в ту часть, которую он получил от небесной сущности, и снова взглянул на нее Духом Своим, и сказал змию, старому дьяволу: «За то, что ты сделал это, будь ты проклят!» И к тварной змее, которая отныне должна была быть тварью (ибо обратился дьявол в змия, потому должна была остаться и змея): «Ты будешь ходить на чреве и есть землю»; поскольку он (змий) совратил человека, так что он стал земным, то и образ дьявола (змея) тоже должен был быть земным и жрать, как яд, яростную земную муку: это должна была теперь быть его мука.

10. И здесь нам надо знать, что дьявол сформировал свой змеиный образ от звезд и стихий посредством

своего воображения, ибо он обладал великой силой, покуда Господь не проклял его совсем и не положил, как границу разделения (Scheideziel), дорогое имя Иисуса, тогда ослабла великая власть его, ибо сказал Он Адаму и Еве: «Семя женщины будет поражать змия в голову, а ты, как змея, будешь жалить его в пяту», Быт 3:15, то есть, в ярости Божьей будешь ты его убивать, но он прорастет из смерти и, поразит тебя в голову, то есть, возьмет твою власть и пересилит ярость любовью. И здесь на этом месте в слове обетования о женском семени вообразилось в свете жизни драгоценное имя Иисуса, со своим характером, и в том же характере драгоценная Дева мудрости Божьей, в которой Христос, как разрушитель смерти, должен был стать истинным человеком и отобрать у смерти ее власть, и сломать дьяволу его ядовитое жало. Этот уж должен был растоптать давило ярости и гнева и войти в гнев, как центр огня, и погасить огонь своей небесной кровью и водой кротости из родника духа Божьего.

11. И знайте твердо, что кабы не вообразилось слово обета в свете жизни, когда пали Адам и Ева в земную муку, то стал бы дух души дьяволом лютым, а тело — злым зверем, каково оно во многом еще и поныне: если бы стихийная (elementisch) вода не смирила разгул ярости, то узрели бы, как некоторые оказались свирепым дьяволом.

12. И теперь нам надо осмыслить, что мир до вочеловечения Христа был спасен в этом запечатленном слове и имени Иисуса. Кто обратился волей своей

к Богу, те получили слово обета, ибо душа была принята в него. Ибо весь закон Моисея о жертве есть сплошь не что иное, как образец человечества Христа. Что Христос свершил в своем человечестве своей жертвой, потопив гнев Божий в крови и любви своей, то Моисей совершал в своей жертве кровью животных, ибо в Завете было слово обета, и потому поставил Бог перед собой фигуру (Figur[2]) и в Завете примирился с подобием, ибо имя Иисуса было в Завете, которое своим воображением примирило гнев и ярость природы Отца. Иудеи этого, правда, не понимали, но Завет понимал это хорошо; ибо животный человек был не достоин этого знать, покуда не рожден был Христос. Так разнесся звук, который, впрочем, скоро заглушил Антихрист в Вавилоне, ибо животный человек злобы недостоин дорогого имени Иисуса, Он и не принадлежит животной части, но божественной части: зверь должен оставаться в дикой земле и в Судный день быть поглощен огнем Божьим. Но небесная часть должна быть введена в Божественную силу, потому это мерзость пред Богом, когда человек этак красуется зверем. Зверь не есть образ, как жертва Моисея не была примирением, но — Заветом милости и словом жизни в Завете.

---

[2] «Фигура» у Бёме означает репрезентацию во внешнем и тварном мире духовно-эссенциального смысла, заложенного в «сущности» и/или имеющего быть/совершиться в будущем. Так, жертвоприношение, совершаемое по закону Моисея, *фигуративно* представляет (являет в *подобии*) будущую жертву Христа.

13. Обрезание иудеев, которым они должны были обрезать только мальчиков, тот закон заключал в себе, как следует: Адам был единый человек, которого сотворил Бог, и в нем был образ Божий. Еву, жену его, Бог не хотел создавать, она должна была родиться только из единого, но поскольку он пал и Бог вынужден был создать для него женщину, то Завет пришел в согласие с обетованием [в том], что они все должны были снова возродиться и заново родиться из единого, из второго Адама, не из женщины Марии, но из Христа, небесного Адама. Ибо считаться должна кровь первого мужчины, как первая кровь Адама, которую он получил из сущности Божьей, а не земная кровь женщины, в которой Адам стал земным, и для него потребовалось придумать женщину, потому обрезанию и подвергалась лишь мужская часть, и именно на члене, который пред Богом есть мерзость и стыд души, ибо зачатие не должно было быть скотским, потому обрезание было знаком и прообразом [того], что этот член должен быть у человека снова отрезан и не появляться с ним в вечности. И пришлось Христу принять образ мужской, хотя внутренне Он стоял в девическом образе, чтобы намерение Божье исполнилось, ибо качество мужчины, то есть — огня, должно править, а женское качество, то есть — света, должно смягчить его огонь и привести в кроткий образ Божий.

14. Кровь женщины не примирила бы гнев Божий, это должна была сделать только кровь мужчины, ибо женщина принадлежит мужчине и станет в Царстве

Божием мужеской девой, каким был Адам, не женщиной. Женщина будет спасена в Завете мужчины, ибо Завет заключается ради мужчины, как мужеской девы, дабы она снова примирилась. Потому говорит Павел: «Женщина спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием». 1 Тим 2:15. И не только этим, но и Заветом мужчины, ибо она есть часть Адама. Потому каждая женщина должна подчиняться мужчине, а он должен быть господином. Бог дает и мужчине девственную мудрость, он должен управлять женщиной не как тиран, но как собственной жизнью: он должен любить жену свою, как собственное тело, ибо она есть плоть и тело его, образ из него, его помощник, его розарий. Хотя земной и слабый, он все же должен знать, что он сам причина тому, и быть с ней терпеливым, не давать воли своей ярости, дабы не погубить ее.

15. И женщине следует знать, что она спасется в Завете и крови мужчины и что она есть ребро и тинктура Адама и мужчины, и мужчине своя; она должна быть смиренной, как служит телу орган, так должна и женщина служить мужчине, и любить его как саму себя. Её любовь должна быть отдана ему без остатка, ибо так достигнет она небесной Девы с божественным умом и духа Завета.

16. А девам безмужним и мужчинам без жен говорится, как и вдовам, что они повенчаются с заветом Христовым. Пред ним они должны быть скромны и смиренны, ибо Христос есть невеста мужчины, его

чистая Дева, которую утратил Адам, для дев же и вдов безмужних он также и жених, ибо его мужество это их мужество, чтобы перед Богом они явились муже-девами. Ибо образ наш рождается теперь в воле и вере, где в итоге наше сердце и воля, там и наше сокровище и образ.

17. Посему остерегайтесь блуда и ложной любви, ибо истинный образ этим разрушается. Блуд есть величайший порок, который человек творит в себе самом: другие грехи выходят из него наружу как фигуры, но блудница остается в нем, ибо он создает ложный образ, в котором узнается не Божья дева, но — зверь. Позволь тебе это сказать, человек! За этим кроется столь великий ужас, перед которым содрогается небо с его воображением: оно с трудом входит в личину зверя, потому и рождается так много звероподобных людей, что должно быть разъяснено в конце.

ГЛАВА VIII

О ДЕВЕ МАРИИ И ВОЧЕЛОВЕЧЕНИИ ИИСУСА ХРИСТА, СЫНА БОЖЬЕГО

1.

Многие подвизались писать о Деве Марии и мнили о ней, что она не является земной дщерью. Хотя им был представлен отблеск вечной девственности, но настоящей цели они так и не достигли, ибо некоторые просто полагали, что она не была дочерью Иоахима и Анны, поскольку Иисус зовется семенем женщины, коим и является, и сам Он свидетельствовал, что пришел Он свыше, с неба, так должен был Он родиться целиком от Девы небесной, но в том было бы мало пользы нам, бедным детям Евы, которые стали земными и носим наши души в сосуде земном. Где была бы наша бедная душа, если бы не вобрала она в себя Слово вечной жизни? Если бы Христос принес душу с неба, то где бы осталась наша душа и Завет с Адамом и Евой, что семя женское поразит змия в голову? Хотел бы Христос прийти и родиться полностью от неба, тогда не вправе был бы Он родиться человеком на земле. Но где остался бы Завет, в котором обетованное имя Христа воплотилось в свет жизни как в тинктуру души уже в Раю, где пал Адам, даже прежде, чем Адам

был сотворен? Как сказал Петр [в первом послании] 1 Петр 1:20: «Мы причащены (versehen) во Христе, прежде чем было положено основание мира»[1]. Ибо Бог в мудрости своей предвидел падение, потому воплотилось тотчас имя Христа в Слове жизни, окруженном Девой мудрости, в образ Адама с распятием. Ибо и душа есть порождение креста: когда потом возгорается огонь души, то он создает в своей вспышке крест, это око с распятием и тремя Принципами, со знаком Св. Троицы, как изложено в третьей книге о тройственной жизни и еще больше в четвертой части о сорока вопросах о душе[2].

---

[1] Бёме вновь неточно цитирует Евангелие. Ср. 1. Petr. 1:20 в пер. Лютера: «Der zwar zuvor versehen ist, ehe der Welt Grund geleget ward, aber geoffenbaret zu den letzten Zeiten um euretwillen», то есть: «Который хотя был предназначен заранее, прежде чем было положено основание мира, но явился в последние времена ради вас», что почти дословно совпадает с русским каноном (ср.: 1 Петр 1:20). Для него важнее повторить ту мысль, которую в главе 5 (п. 23) он подкреплял (без конкретной ссылки) словами ап. Павла (Еф. 1:4–5) о Божественном предызбрании «нас в Нем» и Божьем предусыновлении «нас Себе чрез Иисуса Христа», — мысль о *нашем присутствии* в Божественной Воле *до* основания мира. Поэтому глагол *versehen*, употребленный Лютером в послании ап. Петра (в д. сл. *предназначить*), приобретает у него оттенок смысла, закрепившегося в церковном словоупотреблении: *соборовать*, *причащать*.

[2] См.: *Бёме Я.* О тройственной жизни человека. Уфа: Изд-во «ARC», 2011; *Бёме Я.* Истинная психология, или Сорок вопросов о душе. СПб.: Оранта-Пресс, Изд-во «Алетейя», 1999.

2. Мы должны понять, что Мария, в которой Христос стал человеком, была действительно дочерью Иоахима и Анны по внешней плоти, и как внешний человек рождена из семени Иоахима и Анны, но по воле она была дочерью обетованного Завета, ибо она была целью, которую наметил Завет. В ней стоял центр Завета, и потому она была высоко признана Святым Духом в Завете и прославлена прежде и среди всех женщин от самой Евы, ибо Завет открывался в ней.

3. Вам следует понять нас высоко и основательно! Слово обета, которое подобно зеркалу стояло пред иудеями как прообраз, в который Бог, гневный Отец, воображался и тем гасил Бог свой гнев, двигалось теперь на эссенциальный манер, что происходило впервые от вечности. Ибо когда князь Гавриил принес Марии весть [о том], что она зачнет во чреве, и она согласилась с тем и сказала: «Да будет мне по слову твоему», — то подвигся этим центр Св. Троицы и открыл Завет, это значит, вечная девственность, которую утратил Адам, открылась в ней в Слове жизни, ибо Дева мудрости Божьей обняла Слово жизни как центр Св. Троицы — так сдвинулся центр, и вулкан небесный изверг огонь любви, так что порожден был Принцип пламенной Любви.

4. Пойми это верно! В эссенции Марии, в девственной эссенции, которая погублена в Адаме, из которой он должен был родить девственный образ по мудрости Божьей, — вспыхнул Божественный огонь, и был разожжен Принцип Любви. Ты должен понять: [это произошло] в семени Марии, где зачала она Дух души

как тинктуру Венеры, ибо в тинктуре Венеры, как в потоке любви, был разожжен первородный огонь Адамов в Слове жизни, и в ребенке Иисусе обе тинктуры были совершенны, как в Адаме, и Слово жизни в Завете, понимай: Св. Троица, явилось как центр и Принцип в части Отца. Христос стал человеком в Боге и одновременно в Марии, во всех трех Принципах, ибо вместе с этим и в земном мире. Он взял на себя рабский образ, чтобы стать сильнее смерти и дьявола, ибо он должен был стать князем в месте мира сего, на ангельском княжеском престоле, на троне и в силе бывшего ангела и князя Люцифера, над всеми тремя Принципами. Итак, если Ему следовало: 1) быть господином над внешним миром, то Он и должен был жить во внешнем мире и иметь его эссенцию и качество; точно так же, если 2) Ему надлежало быть Сыном Божиим, то должен Он был быть рожден из Бога, если Ему предстояло 3) погасить гнев Отца, то должен был Он также быть в Отце; если Ему следовало 4) быть Сыном Человеческим, то должен был Он быть из человеческой эссенции и сущности и должен иметь человеческую душу и тело, как все мы имеем.

5. И понятно, что Мария, как и Христос от матери своей, оба были человеческой эссенции, телом, душой и духом, и что Христос получил свою душу из эссенции Марии, но без мужского семени. Самая великая тайна Божья открылась в этом, первый человек с его сокровенностью, который пал в смерть, — он был здесь рожден снова живым, понимайте: в Принципе Божьем. Ибо Божество подвиглось этим и разожгло огонь в Принци-

пе Отца, так мертвый сульфур, умерший в Адаме, снова ожил, ибо Слово несло в себе небесную сущность и раскрылось в небесной сущности в девственном образе Божественности. Это чистая скромная Дева, в которой Слово жизни стало человеком: и так внешняя Мария была прославлена высокоблагословенной небесной Девой и благословлена среди всех женщин этого мира. В ней снова стало живым то в человечестве, что было мертво и закрыто; и этим она была возвышена наравне с первым человеком до падения и стала матерью престольного князя. Не в ее возможности это было, но в Божьей возможности. Если бы центр Божий не подвигся в ней, была бы она такой же, как все дочери Евы, но Слово жизни с Заветом обетования тут наметило цель, потому благословенна она среди всех женщин и перед всеми детьми Евы. Не то чтобы она была Богиней, которую следовало бы почитать за Бога, ибо она не есть цель, и она также говорила: «Как будет это, когда я мужа не знаю?» Но Слово жизни в центре Отца, которое с движением Божества вошло в человечество и открылось в человеческой эссенции, — есть цель: в этом смысл, ради чего нам стоит спешить во второе рождение.

6. Это более великое чудо, чем в первом Адаме, ибо первый Адам был создан из трех Принципов, и его дух был введен ему Духом Божьим, сердце Божье не должно было двигаться отдельно, ибо двигался Божий Дух из сердца Божьего. Теперь двигался центр или сердце Бога, пребывавшее от века в спокойствии, и божественный огонь был взметен и разожжен или разбужен, как кому по нраву.

Драгоценные Врата

7. Итак мы должны верно понимать вочеловечение Христа, Сына Божьего. Он стал человеком не единственно в Деве Марии, так что Его божественность или божественная сущность оказалась в ней взаперти, нет, человек, это выглядит иначе: не дай рассудку одурачить тебя, мы узнаем иное. Как мало [свойственно] Богу жить лишь в одном месте, — напротив, Он есть полнота всех вещей, — так же мало [справедливо, что] Бог двигался только в одном кусочке, ибо Бог не частичен, но повсюду целостен. Где Он открывается, там Он открыт весь. Потому Он и неизмерим, для Него не изобретено место, Он сам себе устраивает место в твари. И все же весь Он рядом с тварью и вне твари.

8. Поскольку Слово подвиглось к открытию жизни, то открылась она в Божественной сущности, как в воде жизни вечной, оно вошло и стало сульфуром, это плоть и кровь, оно создало небесную тинктуру, которая охватывает и заполняет Божественность, в которой мудрость Божья пребывает с божественной магией. Пойми это верно! Божество жаждало стать плотью и кровью! И хотя чистое ясное Божество остается духом, оно стало еще духом и жизнью плоти, и действует во плоти, так что мы можем сказать, что когда мы своим воображением входим в Бога и полностью предаемся Ему, то мы вступаем в плоть и кровь Бога и живем в Боге, ибо Слово стало человеком, а Бог есть Слово.

9. Мы не отменяем, следовательно, тварности Христа, [не говорим], что Он не должен был быть тварью. Мы дадим вам сравнение с солнцем и его светом, итак, допустим: Мы уподобляем солнце Христу как твари, оно ведь является телом, а всю глубину мира уподобим вечному Слову в Отце. Теперь же мы видим, что солнце светит во всей глубине и дает ей тепло и силу. Теперь мы, однако, не можем сказать, что в глубине вне тела солнца нет его силы и сияния; если бы их не было, то она (глубина) и не ловила бы силу и сияние солнца; только сила и сияние одного способно охватить силу и сияние другого (подобного себе). Глубина с ее сиянием сокрыта. Если бы Бог захотел, то вся глубина была бы одно сплошное солнце, дело было бы только в разжигании, если бы вода была поглощена и стала духом, тогда сиял бы повсюду блеск солнца; так был бы, однако, разожжен центр огня, как в месте солнца.

10. Знайте же и это! Мы понимаем, что сердце Бога от вечности пребывало в покое; но, придя в движение и предавшись существенности, стало явлено во всех местах, хотя в Боге все же нет ни места, ни цели, как только лишь в креатуре Христа, где Св. Троица открылась вся в одной фигуре, а значит через тварь и по всему небу. Он ушел и приготовил нам место, где мы должны видеть Его свет и жить в Его существенности, и вкушать от Его божественной сущности; Его сущность заполняет небо и Рай. Мы же изначально были созданы из божественного бытия: отчего же мы

не пребываем в нем? Как этот мир наполняют вода и воздух, и мы все ими наслаждаемся, так же в потаенности пребывает божественная сущность, которой мы наслаждаемся, если мы всерьез воображаемся и волей предаемся ей. Это плоть и кровь Христа в Божественной силе, ибо в креатуре Христа содержится её плоть и кровь, и это сущность, сила, дух, Бог и полнота, совершенно не отделимые ни от какого места, но [пребывающие] в Его Принципе. Какой-нибудь хряк может сказать: «Эх, как бы нам Его сожрать!» О, ты, осел! Сначала приди туда, чтобы ты его хотя бы достиг, ибо ты не сможешь ухватить Его внешним ртом. Он на один Принцип глубже, и все же — внешний. Он был в Деве Марии и после своего рождения в этом мире, явится также в Судный день во всех трех Принципах перед всеми людьми и дьяволами.

11. Он воистину взял на себя земную муку, но в Его смерти, когда Он преодолел смерть, Божественная мука поглотила земную и отняла у нее правление, не так чтобы Христос что-то отменил (abgelegt), но внешняя мука была преодолена и как бы поглощена, и жизнь Его теперь — в Боге. Таким надлежало быть и Адаму, но [он] не устоял, потому должно было Слово родиться человеком и стать субстанциональным, чтобы мы получили силу, чтобы мы могли жить в Боге.

12. Так Христос вернул обратно то, что потерял Адам, и еще намного больше, ибо Слово стало человеком повсеместно, пойми, оно открылось во всём в божественной сущности, в которой стоит наше веч-

ное человечество, ибо в той же телесной сущности мы должны стоять в вечности, в которой стоит Дева Божья: мы должны облечься Божьей Девой, ибо Христос облёкся ею, Он стал человеком в вечной Деве и в Деве земной, хотя земная не была Девой истинной. Но небесная, божественная [Дева] сделала её в благословении [такой] Девой, то есть в откровении Слова и Завета, ибо та часть Марии, которая из небесной сущности была унаследована ею от Адама, которую Адам сделал земной, эта часть получила благословение: значит умерло в ней лишь земное, другое [пребывавшее в ней от вечного] вновь стало целомудренной и смиренной Девой, не в смерти, но в благословении: когда Бог был явлен в ней, тогда облеклась она прекрасной Девой Божьей и стала мужеской Девой в небесной части.

13. Так что Христос родился из истинной чистой целомудренной небесной Девы, ибо приняла она в благословении лимб Божий в свою матку, в свое семя, но ничего чуждого, один лимб Божий открылся в ней в Божьей силе; кто умер в Адаме, тот с движением Божьим стал живым, и вошла Божья эссенция в Слове жизни в ее лимб, и в нем открылся центр души, так что Мария зачала душу и с нею дух, как небесное и земное; и это был истинно образ Божий, подобие Св. Троицы, по ней и из нее, и из всех трех Принципов.

ГЛАВА IX

О ДЕВСТВЕННОСТИ МАРИИ; ЧЕМ ОНА БЫЛА ДО БЛАГОСЛОВЕНИЯ И ЧЕМ ОНА СТАЛА В БЛАГОСЛОВЕНИИ

1.

Нам, бедным детям Евы, в высшей степени нужно это знать, ибо в том лежит наше вечное спасение, ибо это врата Еммануила, и вся христианская вера заключается в них, то врата великой тайны, ибо здесь лежит сокровенность человека, в которой он есть Божье подобие и образ.

2. Ибо вся наша религия состоит из трех частей, определяющих наше поведение и учение, так, во-первых, о Творении: какой эссенцией, сущностью и качеством является человек, вечен ли он или не вечен, и как это возможно; что, собственно, представляет собой первоначальное человеческое состояние, откуда он произошел в начале?

3. И потом, во-вторых, поскольку так много говорят и учат о его падении, и мы видим, что мы из-за падения смертны, также подвержены злобе и яростной муке, — чем же, собственно, было его падение?

4. И потом, в-третьих, поскольку Бог хочет снова принять нас в милость, ради чего Он дал нам Закон и Учение и подтвердил их великим чудотворством, что же, собственно, есть новое рождение, при том что мы

видим, что должны умереть, — в какой силе и духе мы можем быть рождены заново и восстать из смерти?

5. Это всё мы и находим отраженным в этих двух образах, как то в вечной святой девственности, и в поврежденной земной, а второе рождение четко и ясно находим в образе Христа. Ибо в вечной девственности, как в существенности Божьей, где образ и подобие Бога от вечности отражались, как в зеркале, и были познаны Духом Божьим, создан был Адам — первый человек. Девственность была его свойством, как тинктура истинной любви в свете, которая вожделеет тинктуры огня, как качества эссенций, чтобы она могла быть горящей жизнью в силе и величии и могла быть родильницей в эссенции огня, чего в эссенции света без огня быть не может.

6. И узнаем девственность в мудрости Божьей, в вожделеющей Воле Божественной сущности от вечности; не женщину, которая рождала бы, но фигуру в зеркале мудрости Божьей, чистый смиренный образ без сущности и все же в эссенции, но открывающийся не в эссенции огня, а в муке или качестве света.

7. Этот самый образ претворил Бог в сущность, и это — во всех трех Принципах, чтобы он был подобием Божественности и вечности, как целостное зеркало основы и бездны, духа и также сущности, и был создан из вечного, не для бренности. Но поскольку земное и бренное тяготело к вечному, [то] вошло земное влечение в вечное небесное и заразило небесное качество, ибо оно жаждало пребывать в вечном и все же испортилось в ярости Божьей.

8. Так земная мука испортила небесную и стала для небесной Турбой, как то можно увидеть по земле и камням, которые хотя имеют свое первоначальное состояние в вечном, но погибли в ярости и муке огня; и создал Fiat землю и камни из вечной сущности, чего ради назначен день разделения, когда каждая вещь должна вернуться в свой эфир и быть испытана огнем.

9. Так же и человек. Он был создан в девственности в Божьей мудрости, но был охвачен яростью и гневом Божьим, потому стал он тотчас испорченным и земным. И когда земля прейдет и будет испытана огнем, и войдет снова в то, чем она была [прежде], так же и человек — он должен снова войти в девственность, в которой он был сотворен. Но поскольку человеку было не по силам восстать из яростной смерти и войти в новое рождение, ибо его девственность была вместе [с ним] заперта в смерти, чего ради Бог и создал из него женщину, — то должно было Божество подвигнуться и запертое вновь отворить и сделать живым.

10. И это случилось в Марии, в сокровенной Деве, понимай: в девственности, которую унаследовал Адам из мудрости Божией, не из земной части третьего Принципа, но из небесной святой части, второго Принципа, который был заперт в земной смерти в гневе Божьем земным воображением и погружением, и был словно мертв, как и земля казалась мертвой, потому подвигло себя сердце Божье и сломило смерть на кресте, и породило жизнь заново.

11. И для нас рождение и вочеловечение Христа — главная суть, что подвиглось всё бездонное сердце Бо-

жье, и с тем, значит, небесная существенность, которая была заперта в смерти, снова ожила, так что теперь мы с полным основанием можем сказать: Бог сам воспротивился своему гневу, открывшись вновь центром своего сердца, которое заполняет вечность без основания и предела, и отняв у смерти ее силу и сломав жало ярости и гневу, так как любовь и кротость проявились в гневе и погасили могущество огня.

12. И еще много больше великой радости для нас, людей, в том, что, Бог открылся в нашей мертвой и безжизненной девственности и так дальше во всём. И что Слово или сила Божьей жизни снова вошли в человечество, как в умершую и как бы покинутую деву, и снова открыли девственную жизнь, — тому мы радуемся, и входим своим воображением в Центр, коль скоро в нем открылся Бог в человечестве, как в вочеловечение Его Сына, и так становимся в нашем воображении, которое мы вводим в Его вочеловечение, беременны Его открывшимся Словом и Силой небесной Божественной сущности, хотя ничего чужого, но всё же — чужды земному. Слово открылось повсюду и в свете жизни каждого человека, и недостает лишь того, чтобы предался ему дух души, так зачнет он вновь вечную девственность, не подобие новой одежды, но из своей собственной эссенции: в нем (духе души) родится Бог. Ибо Мария, как все дочери Евы, была рождена земной, но Завет любви Божьей показал на ее эссенции, что в этом месте Бог хотел снова открыть в ней жизнь.

13. И по земной жизни до благословения, прежде чем подвиглось сердце Бога, [мы] совсем не можем сказать о девственности Марии, что она была полностью совершенною девой, после первой до падения, напротив, она была природной дочерью Евы. Но мы с основанием говорим, что в Марии, так же как во всех детях Адама, вечная девственность лежала в Завете обета подобно как в смерти, и все же в Боге и нетленно. Ибо имя Иисус из центра или сердца Бога от вечности также запечатлелось в Деве мудрости Божьей как зеркало и противостояло центру Отца, как центру огня и гнева, ибо стоит не в ярости и не в эссенции огня, но в любви в свете и в эссенции света, и человек в той же эссенции был в имени Иисуса усмотрен (versehen), прежде чем были заложено основание мира, поскольку Адам еще пребывал в эссенции небесной без природной или тварной сущности. Ибо в мудрости падение было познано прежде, чем человек стал тварью, и это — по качеству огня, не по качеству света, а по первому Принципу.

14. Итак, после нашего глубокого познания мы теперь говорим о Марии, что до времени открытия и благовещения ангела она была девой, как Ева, когда она вышла из Рая, прежде чем познала Адама. Тогда, хотя она была девой, но истинная девственность была в ней скрыта и заражена земным влечением, и в ней было открыто животное качество, ибо земное воображение разбило небесное качество, так что она была женщиной, а не скромной девой без изъяна, ибо она

была лишь частью в небесной девственности — другой ее частью был Адам. И значит не рождалась от Евы чистая истинная дева, которая была бы целиком в сущности, Турба во всех разрушила девственность, пока не пришел Герой-победитель, который был целиком мужеской девой в мудрости Божьей по небесной сущности, и земное было присуще Ему, но небесное господствовало над земным, ибо таким должен был быть Адам, но он не устоял.

15. Потому мы с основанием говорим, что Мария была дочерью Иоахима, рожденной от Анны, и эссенциально обладала сущностью по земной части, и затем мы говорим, что она была дочерью Завета Божьего, что Бог заложил в Нее цель возрождения, что весь Ветхий Завет предвидел эту цель (что Бог хотел снова открыть вечную девственность) и ее предрекали все пророки, и эта самая цель была благословлена, ибо Бог в милосердии Своем с Заветом Обета предался этой цели, и Слово Обета в Завете противостояло гневу в свете жизни. И блажен стал первый мир до и после потопа в этом Завете, который Бог установил пред собою как зеркало, ибо вечная девственность явилась в Завете как в зеркале Божьем, и в нем возрадовалась Божественность. Ибо пока Израиль соблюдал Завет и вершил дела Завета, это принималось Богом, как будто человечество пребывало в зеркале мудрости Божьей: и пусть оно было одновременно земным и злым, Бог все же еще обитал в Израиле в своем Завете, в мудрости Божьей, по любви Его и милосердию.

16. Так что дела Закона были пред Богом в зеркале, пока жизнь не была вновь рождена из Завета, пока не пришло исполнение, тогда прекратились дела в зеркале и начались дела исполнения во плоти и крови в небесной сущности, ибо в Марии было начало. Когда ангел принес ей весть и она сказала: «Да будет мне по слову Твоему», Лук 1:38, то тотчас центр жизни в Слове Божьем, то есть, сердце Бога в ее умершем небесном семени, подвигся, и сделал его снова живым, и наступило зачатие. Ибо все три Принципа Божества были возбуждены, и божественная тинктура возникла в умершей небесной сущности: не то чтобы Бог стоял без сущности, но человек был мертв для небесной сущности, а теперь сердце Божье с живой божественной существенностью вошло в смерть и пробудило умершую существенность. На этот раз она не устранила земную муку, но вступила в земную муку как господин и победитель муки, ибо истинная жизнь должна была быть введена через смерть и гнев Божий, что произошло на кресте, когда смерть была сокрушена и ярость пленена и погашена любовью, и побеждена.

17. Итак, мы понимаем теперь, чем Мария стала с зачатием, именно истинной чистой Девой по небесной части. Ибо когда подвиглось сердце Бога, и в ней занялся день, то светил в ней свет ясности и чистоты Божьей, ибо ее умершая девственность, как мудрость Божья, открылась и ожила, ибо она была исполнена божественной девственности, как мудрости Божьей. И в этой мудрости и Божественной сущности, так же

и в умершей, а теперь живой сущности стало Слово плотью в сульфуре с центром природы из эссенций Отца и эссенций Марии, из смерти — жизнь, плод в совершенстве обеих тинктур, ибо обе тинктуры были лишь одной. И поскольку Адам стал мужчиной, то и Христос стал мужчиной по внешнему миру, ибо не образ Евы должен сохраниться в женской тинктуре, но образ Адама, когда он был мужчиной и женщиной. Но поскольку все же по власти внешнего Fiat'а должен проявиться признак одного и чтобы Герой-борец снова был укоренен во всех трех Принципах, то получил Он признаки мужские, ибо мужчина наделен тинктурой огня как качеством Отца. Ведь Отец это крепость и мощь всех вещей, а Сын это Его любовь. Так стало Слово человеком в женской эссенции, но стало мужчиной, чтобы его любовь могла погасить гнев и ярость в Отце, ибо тинктура Венеры имеет качество воды (den Wasserquall[1]), а женщина обладает тинктурой Венеры. Так что должен был огонь быть потушен водой вечной жизни, и эссенции Отца, горящие в огне, — опять же погашены.

18. Теперь, однако, мы признаём Марию, мать Христа, по плоти, душе и духу, за истинную смиренную Деву в благословении, ибо это ее благословение,

---

[1] Еще один пример смысловой пластичности словоупотребления Бёме: der Quall — поток, но употреблено в контексте, в котором он чаще говорит о качестве (Qualität, Eigenschaft) или муке (die Qual, Quaal!), благодаря чему возникают смысловые обертоны, придающие слову многослойность и наглядность.

что Бог открылся в ней, она выносила в теле своем Слово жизни, которое в ней подвиглось. Не Мария подвигла Слово, но Слово подвигло Марию, оба — плод, который она родила, и еще ее душу, хотя и часть умершей сущности, так что душа ее тотчас была охвачена божественной живой сущностью, не по земной части как по третьему Принципу, а по небесной части, то есть по второму Принципу, так что земное было ей лишь присуще. Ибо ее душа должна была также вместе со Словом жизни, которое стало в ней человеком, через смерть и гнев Отца войти в небесную божественную муку; потому ее внешний человек должен был умереть земной муке, чтобы он жил Богу: и потому, что она была благословлена и носила цель в Завете, ее тело осталось нетленным, ибо небесное поглотило земное и держит его в вечном плену для славы Божьей и чудес. Во веки не должно быть забыто, что в ней Бог стал человеком.

19. Если, однако, некоторые говорят, что она якобы целиком отошла в смерть и совсем истлела, тем хорошо бы посмотреть на свой разум иначе, ибо, что благословлено свыше, то нетленно. Ее небесная часть божественной сущности, которая ее благословила, нетленна, иначе следовало бы, что Божья сущность в благословении пала бы и умерла бы еще раз, как случилось в Адаме, из-за коей смерти Бог стал человеком, чтобы вновь принести жизнь. Хотя во внешней жизни, то есть в земной муке она умерла, но она живет по благословению в Божественной сущности, а также

в своей собственной сущности, не в четырех элементах, но в корне четырех элементов, который держит заключенными в себе те четыре, в Раю и в чистом элементе, в Божественной сущности, в жизни Бога.

20. Потому мы говорим, что является Мария величайшей из дочерей Адама, так как Бог вложил в нее цель Завета Своего, и она единственная среди всех дочерей Евы удостоилась благословения, как чистый девственный нрав, который во всех дочерях Евы был разрушен. В ней же стояла девственность в Завете, пока Слово жизни свыше не благословило ее; так она стала истинной чистой смиренной Девой, в которой был рожден Бог. Ибо говорил Христос иудеям: «Я от вышних, а вы от нижних; Я не от сего мира, а вы от мира сего». Ин 8:23[2]. Если бы Он стал человеком в сосуде земном, а не в чистой, небесной, целомудренной Деве, то ведь Он был бы от мира сего, но, следовательно, Он стал человеком в небесной Деве, и земная мука была Ему лишь присуща, ибо эссенция души была заражена земной мукой в нас, бедных детях человеческих, и Он должен был нашу душу в небесной эссенции в себе ввести сквозь огонь Божий в Ternarium Sanctum, ибо ради души это и делалось, коль скоро она была взята из вечного, то не желала она покидать Бога.

21. Потому, когда спрашивают, что за материя то была, в которую вошло Божье Слово и сердце и создало себе тело, была ли то материя чуждая, ко-

[2] Бёме меняет последовательность слов в цитате. Ср.: «вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира», Ин 8:23.

торая пришла с неба, или были то эссенция и семя Марии, — то наш ответ таков, что Божье сердце никогда не существовало без эссенции, ибо Его обиталище от вечности в свете, а сила в свете есть сердце или Слово, которое Бог говорил от вечности, а речь была Дух, который с говорением исходит из силы света, из Слова говоримого в сказанное, а сказанное есть чудо Божье и мудрость: это несет в себе Божественное зеркало мудрости, в которое смотрит Дух Божий и в котором Он открывает чудеса.

22. И вот поймите, что Слово из сердца Бога Отца, — окруженное чистой небесной Девой мудрости, живущее в небесной сущности, — открылось вместе с тем в эссенции и сущности Марии, как в ее собственном семени, понимай: в человеческом семени, и приняло в себя умершее и слепое к Богу семя Марии, и пробудило его к жизни: живая сущность проникла в полумертвую эссенцию Марии, приняла полумертвую как тело, не тленное, которое когда-нибудь должно прекратиться, но — вечное, которое должно пребыть навеки, ибо здесь родилась снова вечная жизнь.

23. Так сущность вечности в Боге, во всей Его безосновной глубине, и сущность умершего Адама в человечестве стали вполне единой сущностью, так что тварность Христа сразу заполнила своей сущностью всего Отца, который не имеет предела и основания. Но тварная душа была и осталась тварью, и по третьему Принципу, то есть применительно к творению, тот же Христос есть сотворенное существо и царь людей,

тогда как по второму Принципу Он также дитя безосновного Отца. Что есть Отец в своей бездонной глубине, то есть Сын в своей тварности. Ибо сила в твари с силой вне твари это одна сила, одна сущность, в которой живут ангелы и люди, она дает Рай, и радостное блаженство, но в человечестве она дает также плоть и кровь, и потому она есть и остается тварью, но не сотворенной, а рожденной, одной своей частью из Бога от вечности, а второй частью от человечества. И стали Бог и человек одной персоной, одним Христом, одним Богом, одним Господом, одной Св. Троицей в человечестве и в то же время повсюду, так что, когда мы видим Христа, мы видим Св. Троицу в одном образе. Его стать похожа на образ, и из нас, людей, наш Первосвященник и Царь, наш брат, наш Еммануил; Его сила это наша сила, если мы, однако, верой в Него заново рождаемся из Бога. Он не чужд нам и не страшен, но он — наша тинктура любви. Он со своей силой есть отрада нашей души, наша жизнь и наслаждение нашей души; когда мы Его находим, то мы находим нашего помощника, так же как должен был найти Его Адам, и он дал себя обмануть, и нашел, наконец, женщину, тогда он сказал: «вот, это плоть от плоти моей и кость от костей моих»; и он взял ее в спутницу. Быт 2:23.

24. Так что, когда наша душа находит Его, она говорит: «вот моя Дева, которую я потеряла в Адаме, когда она стала земной женщиной; теперь я вновь нашла мою дорогую Деву из моей плоти, теперь я не хочу никогда отпускать ее от себя, она моя, моя плоть и кровь,

моя крепость и сила, которые я потеряла в Адаме: я хочу сохранить их. О, радушное объятие! Дружеское слияние, красота, плод, сила и добродетель».

25. Так находит бедная душа тинктуру ее потерянного света и ее дорогую Деву, а для женщины тут обретается благородный жених, какого когда-либо желала матка Венеры, но находила его лишь в земном мужском сульфуре, и должна была зачинать от земного семени. Здесь же она получает тинктуру истинного огня и истинного мужчины, так что она тоже становится подлинной мужеской Девой, каковым был Адам в его невинности.

ГЛАВА X

О ВОЧЕЛОВЕЧЕНИИ ИИСУСА ХРИСТА, СЫНА БОЖЬЕГО, И [О ТОМ], КАК ОН ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ, КАК ВСЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ДЕТИ, ЛЕЖАЛ ЗАПЕРТЫМ В МАТЕРИНСКОЙ УТРОБЕ, И КАК, СОБСТВЕННО, БЫЛО ЕГО ВОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ

1.

Много диспутаций устраивалось вокруг вочеловечения Иисуса Христа, но почти вслепую, и из этого понаделали разных мнений, чтобы мнениями морочить людей и оставить втуне истинное вочеловечение, в котором заложено наше вечное спасение. Причиной для всех было, что искали это во внешнем уме и искусстве, а не в истинной цели. Если бы вошли в вочеловечение Христа и были рождены от Бога, то не было бы нужды диспутировать, ибо Дух Божий охотно открывает вочеловечение Христа каждому в нем самом, и без Него ничего не найдешь, ибо как мы хотим искусством разума найти в этом мире то, что находится не в этом мире? Во внешнем разуме мы едва ли найдем и отблеск этого, но в Духе Божием истинное обретение.

2. Вочеловечение Христа — это такой Мистериум, о котором внешний разум не знает ничего, ибо оно произошло во всех трех Принципах и не может быть изъяснено, [для этого] необходимо основательно знать первого человека в его творении до падения, ибо Адам должен был породить из себя второго чело-

века с характером Св. Троицы, в котором имя Иисуса стояло [бы] воплощенным, но этого не могло быть. Потому должен был прийти второй Адам, которому это было по силам, ибо Христос есть девственный образ с характером Св. Троицы: Он зачат в Божьей любви и рожден в этот мир. Адам имел божественную существенность, и его душа была из первого Принципа, из качества Отца; она должна была воображением направиться в сердце Отца, как в Слово и Дух любви и чистоты, и вкушать от существенности любви, так удержала бы она в себе Божью сущность в Слове жизни, и была бы оплодотворена силой из сердца Божьего, отчего она потом вообразилась бы из себя самой в своей существенности и сама бы обременила свою существенность, так чтобы через слияние воображения и воли души полное подобие первого образа возникло и было зачато в силе существенности.

3. Но поскольку этого в Адаме не могло быть из-за земности, присущей ему, то свершилось это во втором Адаме, Христе: так уж Он был Божьим воображением и наитием зачат в образе первого Адама.

4. И нам понятно, что, поскольку первый Адам вложил свое воображение в земность и стал земным, и сделал такое вопреки замыслу Божьему, все же умысел Божий должен был устоять. Ибо здесь вложил Бог мысль свою в дитя Адама и ввел свое воображение в испорченный образ, оплодотворил его своей божественной силой и существенностью, и отвратил волю души от земности к Богу, так что Мария понесла такое дитя,

каким должен был забеременеть Адам, чего не смогла сделать его собственная способность, но погрузился [он] в сон, как в магию, когда и создана была из Адама женщина, чего не должно было делать, напротив, Адам должен был сам себя в матке Венеры обременить и родить магически. Но поскольку это было невозможно, Адам был разделен, и собственная воля его к великой власти была сломлена и заключена в смерть, потому что он не хотел вложить свое воображение в Дух Божий, так его великая власть должна была покоиться в смерти и предоставить духу Божьему вложить в него Свое воображение и делать с ним, что Он хочет.

5. Того ради Дух Божий пробудил для него из той самой смерти жизнь и стал духом этой жизни, чтобы образ и подобие Божье (как от вечности было познано в мудрости Божьей) могли всё же родиться и сохраняться, ибо они пребыли до времен мира от вечности в девственном зеркале Божьей мудрости, и это в двух видах, то есть по первому Принципу, Отца в огне, и во втором Принципе Сына в свете, но были явлены всё же только в свете, а в огне подобно, как в магии, как в возможности. Подобно тому, как звездное небо вписывает человеку во сне в дух (Gemüth) фигуру по его возможности, так же явился и образ в центре природы огня, совсем не видимый, но в мудрости, в зеркале Божественности, он явился, словно картина, подобная тени, но без материальной сущности, и все же существовал в эссенции духа, который, глядя на себя в зеркале мудрости, узнавал и видел этот образ и некогда вложил

в него свою Волю — ввести его в существенность, дабы имел Бог образ или подобие в сущности, чтоб не нужно было Ему больше созерцать Себя как в зеркале, но — воспринимать в сущности. И потому, раз первый образ вообразился в суровый мир и стал через это земным и мертвым, ввел Дух Божий свою Волю и жизнь в смерть и снова принял в себя из смерти первую жизнь, чтобы первая жизнь пребывала пред Ним в полном послушании, и Он один был бы волей и делом.

6. Итак, нам ведомо, что Бог вошел в полумертвый образ (Bildniß), плененный смертью, понимай: в Марию, и как раз в тот самый девственный образ (Gestalt), который лежал заключенный в смерти, в котором Адам должен был забеременеть и в девственном зачатии родить образ по нему: в той самой закрытой и полуубитой девственной матке стало Слово Божье или сердце, как центр Св. Троицы, образом человека без повреждения его сущности. И поскольку первая живая девственная матка в Адаме не желала быть послушной Богу, то теперь, когда она вновь была разбужена из смерти, она стала Ему послушна и предалась смиренно и охотно Воле Божьей. Так был теперь снова обрисован (figuriret[1]) истинный девственный образ в послушании Божьем, ибо первая воля, которая вообразилась против Воли Божьей, должна была остаться в смерти, а пробуждена была чистая послушная воля, которая осталась в небесной кротости и сущности, которая больше не позволила в себе источаться образу

[1] Орфография автора.

в огне в части Отца, но осталась в одной муке, потому как Божество ведет свою жизнь лишь в одной муке, то есть в Свете, в Св. Духе, и всё же, однако, господствует над всеми тремя Принципами.

7. Так что нам следует еще понять о вочеловечении Христа. Когда Дух Божий вновь пробудил в Марии девственную жизнь, которая лежала в земной эссенции плененной в смерти и ярости, то обратилась эта жизнь теперь только в одну волю, а именно — в любовь Божью, и предалась Духу Божьему, так что стала эта жизнь беременна истинным девственным образом, который должен был быть у Адама, но не случился; ибо одно воображение зачало другое. Божье воображение зачало воображение в смерти, и вернуло его к жизни, и эта жизнь вновь вообразилась в Бога и забеременела Богом, и из Божества и человечества стала одна персона; Божество было присуще небесной существенности, которая пребывала извечно в царстве, силе и величии, как царство Рая и ангельский мир, как Дух и седьмой образ (Gestalt) в центре Природы, как со всеми обстоятельствами изложено в третьей части или книге о тройственной жизни: а человечество было присуще царству мира сего. Но, поскольку воля человечества предалась Божеству, то этот девственный образ в Иисусе Христе стал в этом мире лишь гостем, и его Божество было Господом над этим миром. Ибо так должно было быть и в Адаме, что меньший и бессильный подчиняется большему и всесильному; но воля Адама вошла в меньшее и бессильное, потому он совсем обессилел и впал в сон, и вернулся

в Творца. И этот образ со Христом остался стоять в божественной существенности, и земная мука лишь примкнула к Нему в рабском служении и образе (Weise), уже не как господин, как над Адамом и Марией, Его матерью, до высшего благословения и открытия Божьего, но как раб, ибо теперь этот образ в Божьем Духе и власти был господином над третьим Принципом мира сего.

8. Вот разум говорит: «Как же это происходило в этом вочеловечении? Разве жизнь сразу с момента зачатия расшевелилась сверх естественного хода, так что часть Марии, то есть семя жены, сразу же ожила?» Нет, ибо это было эссенциальное семя, и оживилось [оно] в свое настоящее естественное время, душой и духом, как все дети Адама, но часть Божества, окруженная божественной сущностью и мудростью, жила из вечности в вечность. Божеству ничего не прибавлялось, не убавлялось, чем оно было, тем осталось, а чем оно не было, тем оно стало. Оно предалось небесной Божественной сущностью в эссенцию и сущность Марии, и стали эссенция Марии и эссенция Божественная одной персоной, но эссенция Марии была смертной, а Божья эссенция — бессмертной. Потому эссенции Марии должны были умереть на кресте и через смерть войти в жизнь: этому способствовали эссенции Бога, иначе это было бы невозможно. Выходит, нам помогла эссенция Бога, и помогает еще до сих пор через смерть Христа войти в эссенцию и жизнь Бога.

9. Так что мы видим вочеловечение Христа естественным, как у всех детей человеческих. Ибо небес-

ная, божественная существенность с ее жизнью вступила в полузагубленную земную; Господь подчинился рабу, дабы раб ожил; и вместе с тем через девять месяцев стал совершенным человеком, и одновременно остался истинным Богом, и в то же время родился в этот мир тем же способом, что и все дети Адама, тем же путем, как все люди. И это не затем, что Ему было нужно; Он мог родиться магически, но Он хотел и должен был излечить наше нечистое животное рождение и вхождение в эту жизнь: Он должен был войти в этот мир нашим входом и ввести нас из этого мира в Божий вход, и вывести нас из земной муки.

10. Ведь если бы Он родился магически божественным способом, Он не был бы естественным в этом мире, ибо небесной сущности пришлось бы поглотить земную муку, тогда Он не был бы таким же как мы: как тогда хотел бы Он претерпеть смерть и разбить ее? Но, значит, это не так! Он воистину семя женщины и пришел в этот мир естественным путем, как все люди, и, однако, через смерть вышел божественным путем в божественном могуществе и существе. То была Его божественная живая сущность, которая выстояла в смерти, разбила ее и насмеялась над ней, и вывела раненное полумертвое человечество через смерть к вечной жизни. Ибо земная часть, которую Он принял от Своей матери Марии в Свою божественную сущность, умерла на кресте земной муки. Значит, была душа в Божественной сущности и вступила, как князь-победитель, к дьяволу в его ад, то есть в гнев Божий, и погасила его Божьей

любовью и кротостью Божественной сущности любви. Ибо вошел огонь любви в огонь гнева, и затопил гнев, в котором дьявол хотел быть Богом; так дьявол с тьмою был взят в плен и потерял свое господство, ибо жало и меч херувима, ангела-истребителя, были здесь разбиты, и в этом была причина, что Бог стал человеком, чтобы Он ввел нас из смерти в вечную жизнь, и погасил гнев, горевший в нас, Своей любовью.

11. Все же вы должны правильно понять нас, как Божий гнев был погашен: не смертной кровью Христа, которую Он пролил, за что насмехались над Ним иудеи, но — кровью вечной жизни из божественной сущности, которая была бессмертна и имела родник воды вечной жизни; эта (кровь вечной жизни) пролилась на кресте вместе с кровью внешней, и поскольку внешнее пало в смерть, то пало с ним и небесное, но оно было бессмертным.

12. Так приняла земля кровь Христа, отчего сотряслась она и задрожала, ибо ярость Божья была теперь в ней преодолена, и вошла в нее живая кровь, которая пришла из Божественной сущности с неба, которая (кровь) открыла могилы святых и раскрыла смерть, и проложила дорогу сквозь смерть, чтобы смерть была выставлена напоказ, ибо, когда тело Христа восстало из смерти, тогда Он носил смерть на своем теле напоказ, ибо власть ее была разбита.

ГЛАВА XI

О ПОЛЕЗНОСТИ: ЧТО ПОЛЬЗЫ НАМ, БЕДНЫМ ДЕТЯМ ЕВЫ, В ВОЧЕЛОВЕЧЕНИИ И РОЖДЕСТВЕ ИИСУСА ХРИСТА, СЫНА БОЖЬЕГО

Любвеобильнейшие врата

1.

Мы, бедные дети Евы, все умерли в Адаме, и хотя бы мы в то же время и жили, то жили бы мы только этому миру, и смерть ждала бы нас и глотала одного за другим, и некому было бы помочь нам, если бы Бог не породил нас вновь из Своей сущности, мы не явились бы в вечности вновь во плоти, а наша душа вовек пребывала бы в муке гнева Божьего со всеми бесами. Но вочеловечение Иисуса Христа стало нам твердыней, ибо ради нас Бог стал человеком, чтобы наше человечество вновь из смерти ввести в Себя, а наши души избавить из огня гнева Божьего. Ибо душа сама в себе есть огненная мука, и содержит первый Принцип — терпкую суровость, которая в самой себе производит лишь огонь. Но если рождение души лишается кротости и любви Божьей, или еще хуже, если заражается оно совсем суровой материей, то остается она мукой во тьме, суровой терпкостью, пожирающей саму себя и всё же вновь и вновь рождающей в вожделении голод. Ибо то, что не имеет

ни начала, ни основы, то не имеет и конца, оно само себе основа и рождает само себя.

2. И все же мы не хотим сказать, что душа-де не имеет начала — она имеет начало, но лишь по твари, не по эссенции; ее эссенция от вечности, ибо божественный Fiat сплотил ее в центре вечной природы и возвел в субстанциальную сущность, притом с целым ✠ с характером Святой Троицы, как подобие тройственного Духа Божественности, в котором живет Бог; происходит ли это в любви или гневе, то есть в свете или огне: во что она воображается, тем и беременеет, ибо она есть магический дух, мука в себе самой. Она — центр вечности, огонь Божественности в Отце, однако не в свободе Отца, но в вечной Природе: она не перед сущностью, а в сущности, но Божья свобода вне сущности, свобода живет в ней. Ибо в сущности открывается Бог, и не было бы Бога без сущности, но была бы вечная тишина без муки, но в муке рождается огонь, а из огня — свет, где затем разделяются две сущности и имеют двуразличную муку, то есть одну яростную, алчущую, жаждущую в огне, и другую кроткую, милую, щедрую в свете, ибо свет дарит, а огонь отбирает. Свет дарит кротость, а из кротости исходит существенность, которая есть пища огня, иначе он был бы в себе самом яростным темным голодом, каковым является дух, если не имеет сущности света, подобно изнурительной злобе. Но если же он получает сущность кротости, то он втягивает ее в себя и живет в ней, и пользует ее в пищу и также во плоть, ибо он

заражается ею и беременеет, ибо ее сущность — это его исполнение, так чтобы голод был утолен.

3. Так рассмотрим же человеческую душу: она была взята из центра Природы, не из зеркала вечности, сиречь из муки этого мира, но из вечной эссенции Духа Божьего, из первого Принципа, из качества Отца согласно Природе, не от сущности или чего бы то ни было, но Дух Божественности сам вдохнул ему жизнь, понимай: в Адама — образ из всех трех Принципов. Он вдохнул ему для жизни центр Природы, то есть огненный поток и кротость любви из Божественной сущности, то есть второй Принцип с небесной божественной существенностью, и так же вдохнул ему дух этого мира, как зеркало и прообраз мудрости Божьей с чудесами.

4. И вот, однако, был дух мира сего испорчен разжиганием и злобой, которые запустил в него дьявол, ибо дьявол живет в этом мире и постоянно разносит заразу во внешней природе и качестве, хоть и властен только в ярости и терпком вожделении, но он вкладывает свое воображение с его ложной тинктурой также и в любовь и отравляет душе ее лучшую драгоценность, и [так он] заразил душу Адама своим воображением с его злым духом голода, так что душа Адама возжелала земной муки, от какового желания она забеременела земной мукой, так что внешнее царство было введено во внутреннее, отчего погас свет в огне первого принципа, и его (Адама) божественная существенность, в которой он должен был жить вечно, была заключена в земную смерть.

5. И стало так, что этому образу и душе нечем было помочь, однако сподвиглось Божество по второму Принципу, то есть свету вечной жизни в ней, и зажгло заключенную в смерти существенность сиянием любви, что свершилось в вочеловечении Христа. И это есть наивеличайшее чудо, которое сотворил Бог, что Он себя вместе с центром Св. Троицы водвиг в женское семя, ибо не в огне, как тинктуре мужчины, хотело явить себя сердце Бога, но в тинктуре духа, как то Венеры, в любви жизни, дабы огонь в тинктуре мужчины был укрощен в кротости и любви Божьей, ибо из запертой смерти волей-неволей должна была вновь прорасти жизнь вечная: здесь процвели корень Иессея и истинный жезл Аарона и принесли прекрасные плоды, ибо в Адаме, когда он стал земным, Рай был заключен в смерти, но во Христе он вновь процвел из смерти.

6. От Адама все мы унаследовали смерть, от Христа мы наследуем вечную жизнь. Христос есть девственный образ, который Адам должен был породить из себя с обеими тинктурами. Но раз он не смог, то был он разделен и должен был рождать из двух тел, пока не пришел Силох[1], то есть сын Девы, рожденный от Бога и

[1] Силох, или (*евр.*) Шилох (Шилом и др.), слово из предсмертной речи Иакова (Яакова), в которой он возвещает сыновьям (двенадцати коленам Израилевым) их будущее, употреблено в части, относящейся к Иуде (Йегуде), прочтение и понимание его крайне затруднено (о разночтениях см.: Живая Тора: Пятикнижие Моисея / Новый перевод на англ. яз., основанный на традиционных еврейских источниках, с примечаниями... Раби Арье Каплана. / Пер. на русск. яз. Гедалии Спинаделя. —

человека. Он стенорушитель, о котором говорили пророки, Он прорастает стрелой, Он зеленеет, как лавровое дерево в Божьей сущности: своим вхождением в человеческую полу-убитую эссенцию Он сокрушил смерть, ибо Он процвел одновременно в человеческой и божественной эссенции. Он привнес с собой в наше человечество девственную целомудренность Божьей мудрости, Он обдал эссенцию нашей души небесной существенностью. Он стал героем в борьбе, которую вели друг с другом два царства, как то Божий гнев и любовь, Он предался гневу добровольно и погасил его любовью, понимай: в человеческой эссенции. Он пришел из Бога в этот мир и принял нашу душу в себя, чтобы из земности этого мира вновь ввести нас в себе в Бога. Он родил нас в себе снова, чтобы мы снова смогли жить в Боге, из своей воли Он породил нас, чтобы мы нашу волю вложили в Него — так ввел Он нас в себя к Отцу, в наше первое отечество, в Рай, из которого

Н.-Йорк, Иерусалим: Изд-во Мознаим, б. г. [1980]. С. 153). По одной из традиций прочтения, это слово именует грядущего героя (мессию), пришествие которого пророчит Иаков. В русском переводе: «Не отойдет скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель и Ему покорность народов» (Быт 49:10). Мартин Лютер перевел это слово как «Герой» (Held), что часто встречается у Бёме и его последователей (И. Г. Гихтель) как именование Иисуса Христа. Бёме, очевидно, примыкает к той традиции, которая прочитывает это слово как имя собственное и понимает слова Иакова как одно из ветхозаветных пророчеств пришествия Христа. Следующие слова в тексте Бёме можно понять как толкование значения этого имени.

вышел Адам. Он стал нашим родником, Его вода течет в нас. Он наш родник, а мы в Нем Его капли, Он стал полнотой нашей, чтобы мы в Нем жили в Боге. Ибо Бог стал человеком: Он ввел свою безусловную и неизмеримую сущность в человечество; свою сущность, которая заполняет небо, явил Он в человечестве. Так что человеческая сущность и Божья сущность стали одной сущностью, полнотой Бога. Наша сущность есть движение в Его небесах, мы Его дети, Его чудо, движение в Его безусловном теле. Он Отец, а мы Его дети в Нем: мы живем в Нем, а Он в нас; мы Его инструмент, с помощью которого Он ищет и делает что хочет; Он есть огонь и также свет в каждой сущности; Он сокрыт, но творение делает Его явным.

7. Итак мы познаем, что Бог есть Дух, и Его вечная Воля магическая, то есть вожделеющая, из ничего он постоянно делает сущность, и это — в двоякой муке, в огне и свете: из огня получаются ярость, возвышение, высокомерие, нежелание присвоиться свету, жгучая суровая воля, по которой Он зовется не Богом, но яростным поглощающим огнем. Этот огонь не явлен в чистой Божественности, ибо свет поглотил огонь в себя и дает огню свою любовь, свою существенность, свою воду, так что в сущности Божьей [огонь] есть лишь любовь, радость и блаженство, он в ней неразличим. И огонь, следовательно, является первопричиной вожделеющей Воли и любви, а так же света и величия: иначе не было бы никакого существа, как подобное пространно выведено в [наших] предшествующих сочинениях.

8. И теперь нам понятно, в чем заключается наше второе рождение, (в то время как в этом мире мы всё же укрыты земной хижиной и подвержены земной жизни), а именно — только в воображении, что мы своей волей входим в волю Божью и целиком Ему присваиваемся и предаемся, что зовется верой. Ибо слово "вера" не историческое, напротив, оно есть приятие сущности Бога, вкушать от сущности Божьей, вводить Божью сущность воображением в огонь души, утолять ею свой голод и, значит, надевать Божью сущность, не как платье, но как тело души. Душа должна иметь в своем огне Божью сущность, она должна вкушать от хлеба Божьего, если хочет быть чадом [Его].

9. Так и будет она вновь рождена в Духе и сущности Бога, который с поля ярости и гнева пересадил ее на поле любви, кротости и смирения Божьего, и расцветет новым цветком та, что восходит в любви Бога, как на пашне Божьей. Этот цветок, который растет в любви Божьей, есть истинный праведный образ Его, которого желал Бог, когда творил Адама по подобию Своему, его и породил нам вновь Сын Божий и Человеческий. Ибо Его новое рождение из Божьей и нашей сущности это наше второе рождение; Его сила, жизнь и дух — всё наше, и [мы] не смеем больше ничего делать к тому, как только просто духом воли своей войти через Него в сущность Бога, так наша воля заново родится в Божьей воле и воспримет божественную силу и сущность: не чуждую, но нашу изначальную, с которой мы в Адаме вошли в смерть, ее пробуждает в нас вновь Перворожденный из умерших,

который есть Христос. Он — Бог, но рожден от нас, чтобы оживить нас из смерти, не чуждой жизнью, какой бы мы здесь в этом мире не имели, но нашей собственной жизнью, ибо Божий промысел должен победить, прекрасный цветок и образ должен вырасти на испорченном поле, но не только на нем, но и на поле чистом.

10. Из Девы должны были мы родиться вторично, не из мужа гнева, не из тинктуры огня, но из Девы любви, из тинктуры света. Нашим предаваньем[2] [в него] мы облачаемся Девой Христа, мы становимся тем самым Девой целомудрия, невинности и чистоты в Святой Троице, в ангельском мире, зеркалом Св. Троицы, в которой (Деве) Бог созерцает себя, которую взял Он себе в супруги. Он наш муж, которому мы во Христе обручены, обвенчаны и совоплощены, теперь мы — Мария в Завете милости, из которой рождается Бог и человек. Мария была первой в высоком благословении; ибо в ней была цель, на которую указывал Завет. Она была признана в Боге в дорогом имени Иисуса, прежде чем было положено основание мира, не то, чтобы она вывела жизнь из смерти, но Бог желал в ней вывести жизнь из смерти. Потому она все-таки была благословлена, и была она облачена в чистое девственное целомудрие, и из той самой девственности, из которой был рожден Христос, должны родиться мы все, ибо мы должны стать Девами и последовать за Агнцем Божьим, иначе мы не увидим Бога. Ибо Иисус говорит: «Вы должны родиться заново, если хотите увидеть Царство Божье,

[2] «Действ. по гл.» «предаваться», — В.И. Даль.

через воду и Святой Дух». Вода есть девственность, ибо Дева несет [в себе] тинктуры света и воды, то есть любовь и кротость, а Дух, из которого мы должны быть рождены, это тот, который с оживлением Бога предал себя женскому семени, который разбил смерть, который из воды породил светозарный цветок, ибо Он есть дух и жизнь цветов, не по огненной муке ярости, но по муке света в кротости и смирении.

ГЛАВА XII

О ЧИСТОМ ДЕВСТВЕ, КАК МЫ, БЕДНЫЕ ДЕТИ ЕВЫ, ИЗ ЧИСТОЙ ЦЕЛОМУДРЕННОЙ БЛАГОВОСПИТАННОСТИ В ВОЧЕЛОВЕЧЕНИИ ХРИСТА ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРИНЯТЫ И ЗАНОВО РОЖДЕНЫ В БОГЕ, ИНАЧЕ НЕ УЗРИМ БОГА

1.

Мы, бедные дети Евы, не находим в себе ни одной истинно чистой, благонравной, целомудренной мысли, ибо матерь наша Ева, которая была женщиной, произвела [из себя] нас всех женского и мужского пола. Мы стали в Адаме и Еве мужчинами и женщинами, если только мы не входим в небесную девственность с нашей вожделеющей волей, где Бог родил нас из Христа опять девами. Не по земной жизни, в которой нет ни благонравия, ни чистоты, но по жизни небесной Девы, в которой Христос стал человеком, которою Мария облечена была с покровом Св. Духа, у которой (небесной Девы) нет основания, предела и конца, которая повсюду предстоит Божеству и есть зеркало и отражение Божества, — в эту Деву, в коей живет Св. Троица, где мы до времен мира увидены Духом Божиим и познаны в имени Иисус, мы должны войти с духом нашей воли. Ибо наш истинный образ, в котором мы являемся Божьим подобием, померк для нас с Адамом и Евой, что произошло через страсть и воображение; и сокрылся от нас ясный лик Бога, ибо мы потеряли небесное благонравие.

2. Но поскольку Бог из Своей милости и любви вновь открыл нам Свой светлый лик в вочеловечении Христа, то дело лишь за тем, чтобы так же, как в Адаме мы вообразились в земную похоть, отчего мы стали земными, вложили мы теперь нашу вожделеющую волю вновь в небесную Деву и ввели в нее вновь стремление свое — так покидает наш образ земную женщину и принимает девственную эссенцию и качество, в которых живет Бог, где образ души может вновь достигнуть лика Божьего.

3. Внешний разум говорит: «Как это возможно, чтобы мы могли вторично родиться из Девы, из которой родился Христос?» — Он понимает Марию просто, но мы [ведь] понимаем не Марию, которая была тварной девой, как будто мы и в нематериальном девственном послушании станем тварными девами. Но поскольку мы входим в вочеловечение Христа не по внешней жизни в четырех элементах, но по внутренней, в одном элементе, где огонь Божий поглощает в себя четыре элемента, и, однако, в свете Его, то есть во втором Принципе, в котором внешние мужчина и женщина должны пройти через смерть в Христово воскресение, в Деву в едином элементе, где все четыре лежат сокрытые втуне, мы процветём в истинной девственной мудрости Божьей. В нас должны умереть мужчина и женщина и мы должны распять испорченного Адама. Он должен умереть со Христом и быть брошен в гнев Божий, который поглотит земных мужа и жену, и через вочеловечение Христа даст

душе девственный образ, ибо муж и жена есть лишь один образ с любовью своей. Теперь вкладывает мужчина свою любовь в женщину, а женщина в мужчину, но поскольку обе любви превращаются в одну, то нет более жажды смешения в едином образе, но образ любит сам себя.

4. Таким от начала был сотворен образ в девственной мудрости Бога, как из божественной существенности, но раз уж существенность стала земной и пала в смерть, то Слово, ставшее человеком, пробуждает её вновь; следовательно, земная мука остается смерти во гневе, а пробужденное остается в Слове жизни, в девственном целомудрии. И здесь, в этом мире, мы несем в себе двойственного человека в одной персоне: как то девственный образ, рожденный из вочеловечения Христа, и земной образ, мужской или женский, заключенный в смерти и в гневе Божьем. Земной должен нести крест, сносить от гневной муки преследования и поношения, и будет, наконец, предан смерти, затем поглотит его гнев в квалифицирующем (qualitätisch) Божьем огне. И если Слово жизни, которое в Марии стало человеком, находится в земном образе, тогда восстает Христос, который принес Слово жизни от Бога, из смерти и выводит эссенцию квалифицирующего огня, понимай: человеческую эссенцию, из смерти, ибо Он воскрес из мертвых, и живет в Боге; и Его жизнь стала нашей жизнью и Его смерть — нашей смертью. Мы будем погребены в Его смерти, но процветем в Его воскресении и преодолении в Его жизни.

5. Только верно уловите смысл! Адам был девственным образом, у него была собственная любовь, ибо Дух Божий вдохнул ему ее. Ибо что иное может выдохнуть из себя Дух Божий, как не то, что Он Сам есть? Но вот Он есть все, но всё же не зовется Богом каждого истока (Quall), но во всех источниках (Quallen) есть только единый Дух, который есть Бог, то есть согласно второму Принципу, в Свете, и все же нет света без огня. Но в огне он не есть дух любви или Св. Дух, но ярость природы и причина Св. Духа, гнев и огонь поядающий, ибо в огне дух Природы обретает свободу, и вместе с тем эссенциальный огонь порождает природу, он сам и есть природа.

6. Мы признаем лишь одного Св. Духа в свете. Хотя всё есть единая сущность, мы всё же понимаем, что материя, которая рождается из кротости света, вместе с тем как бы бессильна и темна, — её втягивает в себя и поглощает огонь, — но из материальной муки, из огня [она] порождает могучий Дух, который свободен от материи и от огня, хотя огонь держит его, он (огонь) все же не постигает его муки, как мы это видим, что свет живет в огне и всё таки не имеет муки огня, но нежную муку любви, которой также не было бы, если бы материя не умерла в огне и не была поглощена.

7. Итак, рассмотрим первого Адама. Он был задуман из эссенции и существенности света, но поскольку он должен был стать творением и полным подобием Божьим, по всей сущности, по трем Принципам, то он был посредством Verbo Fiat во всех сферах всех трех Прин-

ципов схвачен и возведен в существо. И хотя все три Принципа были в нем свободны и стояли один в другом, каждый в своем порядке, и было истинно полное подобие Божье из и по сущности всех сущностей (nach und aus dem Wesen aller Wesen), — но нам следует узнать то, как третий Принцип, или мука этого мира, разожженный Люцифером, стал злым, яростным и жаждущим, и эта мука в Адаме вскоре возжаждала второго Принципа, то есть небесной материи, из чего в Адаме возникла похоть. Ибо мука чистой любви из Св. Духа отвергла это. Но поскольку любовь вошла в земную муку, чтобы насытить свою воспаленную жажду, то чистая нематериальная любовь заразилась вожделеющей земной испорченной похотью. Теперь погас второй Принцип, не то что бы умер, чтобы обратиться в Ничто, но был захвачен яростной жаждой. И коль уж Бог есть Свет, то, значит, чистая мука любви стояла в смерти, заключенная вне света Божьего, теперь образ был испорчен и схвачен в ярости Божьей, и собственная любовь потеряла свою власть, ибо она была заключена в испорченную земность, и любила земное.

8. Так что из этого образа должна была быть создана женщина, и две тинктуры, т.е. эссенция огня и водная эссенция матки должны были быть разделены, как то на мужа и жену, так чтобы любовь ожила все же в двоякой муке, и, значит, одна тинктура другую любила и желала, и смешивались, отчего род продолжался бы и сохранялся.

9. Однако, этот род людей не мог в земной муке познавать и созерцать Бога, ибо чистая любовь без порока

была заключена в земную жаждущую муку и была пленена в яростном гневе вечной Природы, которую разжег Люцифер, ибо ярость втянула в себя любовь вместе с земностью. Так пребывало в этой плененной любви девственное благонравие мудрости Божьей, которое было введено Адаму в тело его вместе со вторым Принципом, с небесной сущностью, и более того, с тем духом кроткой существенности, который был вдохнут Адаму.

10. Теперь уж нечего было поделать, разве что возбудилась бы Божественность в Деве Божией по второму Принципу в заключенной в смерть девственности, и стал бы из первого образа другой. И нам ведомо и достаточно понятно, что первый образ должен был быть отдан ярости, дабы утолила она свою жажду; и должен был идти в тленность, как в эссенциальный огонь, хотя эссенция не разлагается и не умирает, чего ради Бог и определил день, когда Он проведет эссенцию первого и ветхого Адама через огонь, дабы избавилась она от суетности, как то дьявольской похоти и гнева вечной Природы.

11. И понимаем дальше, как Бог снова ввел в нас жизнь своей святой сущности, когда подвигся Он своим собственным сердцем или Словом и силой божественной жизни в заключенной в смерть девственности, как в истинной чистой любви; и снова воспламенил ее самоё и ввел свою небесную существенность с чистой девственностью в заключенную в смерть девственность, и родил из небесной и заключенной в смерти девственности новый образ.

12. И затем, в-третьих, мы понимаем, что этот новый образ должен был через смерть и ярость огня снова быть введен в небесную божественную существенность в Ternarium Sanctum, ибо земная похоть, которой завладел дьявол, должна была остаться в огне гнева и была отдана в пищу дьяволу, где втуне надлежит ему быть князем, по муке ярости вечной природы, ибо дьявол питает ярость, а ярость питает дьявола.

13. Поскольку Слово вечной жизни снова подвигло себя в нашей заключенной в смерть холодной любви и девственности и взяло на себя нашу испорченную девственность, и стало внутренним и внешним человеком, и ввело центр, то есть огонь нашей души, в свою любовь, то мы познаем введенную в нас Его любовь и Его девственность как нашу собственную девственность, ибо Его любовь и девственность помолвилась с нашей холодной любовью и девственностью и предалась ей, так что Бог и человек должны быть вечно одной персоной.

14. Теперь разум говорит: «Это произошло в Марии, как только в одной персоне, но что же с того мне? Христос не родился также и во мне».

15. Ах, наша великая нищета и слепота, что мы ничего не хотим понимать! Как ослепила нас земная тяга к осязанию и как совратил нас дьявол через и вместе с мерзким Антихристом в Вавилоне[1], что мы не желаем

[1] Собирательное понятие «Вавилон» Бёме употребляет часто для обозначения сферы рационально-приземленного спекулятивного мудрствования, фарисейства «ученых», корыстно-

даже задуматься! Смотри же, жалкий ничтожный разум, кто ты есть!? Не что иное как блудная баба пред Богом. Как мне назвать тебя иначе, когда ты же перед чистой девственностью в Боге вероломен и клятвопреступен! Разве не имеешь ты плоть, душу и дух Адама и не происходишь от Адама? Разве не возник ты из воды и огня Адама? Ты же дитя Адама. Делай что хочешь; ты должен молчать; ты плаваешь в мистериуме Адама, как в жизни, так и в смерти.

16. Так стало Слово Божие (в заключенной в смерть девственности Адама) человеком, взволновалось сердце Божье в девственности Адама и ввело ее из смерти через огонь Божий в Божественную муку; Христос стал Адамом, но не разделенным, а девственным Адамом, каким Адам был до своего сна. Он ввел испорченного Адама в смерть, в огонь Божий, и вывел чистого, девственного сквозь огонь из смерти: ты его сын, — если только не останешься лежать в смерти, как гнилое бревно, которое не может качествовать, не дает в огне эссенции, а становится темным пеплом.

17. Теперь говорит разум: «Как это возможно, что я, будучи членом [тела] Христа, дитем Божьим, не чувствую и не ощущаю Его?» — Ответ: «Да, здесь зарыта собака, дорогое загаженное бревнышко! Понюхай в твоей груди: чем ты воняешь? Дьявольской похотью, как преходящим сладострастием, жадностью, тщеславием и властолюбием. Услышь, это платье дьявола!

го (папистского) толкования Писания и т.п., что, вместе с тем, связывает с упадком нравов и греховностью «внешней жизни».

Сними с себя эту шкуру и брось ее прочь! Вложи твое вожделение в жизнь, Дух, плоть и кровь Христа, вообразись в это, как вообразился ты в земную похоть, так облачишься ты Христом в твоем теле, в твоей плоти и крови; ты станешь Христом, Его вочеловечение тотчас оживет в тебе, и родишься заново во Христе».

18. Ибо Божественность или Слово, которое ожило в Марии и стало человеком, оно стало человеком одновременно и во всех умерших людях со времен Адама, которые передали и препоручили свой дух Богу или обетованному мессии, — и сошло также на тех, кому еще предстояло родиться от испорченного Адама, и которые еще только могли бы позволить этому Слову пробудить себя, ибо первый человек несет в себе и последнего. Адам — ствол, мы все — его ветви, но Христос стал нашим соком, силой и жизнью. Вот если усыхает одна ветка на дереве, что может тогда сок и сила дерева? Ведь сила дает себя всем ветвям: почему же не втягивает (zeucht) ветка сок и силу в себя? Всё дело в том, что человек впитывает (zeucht[2]) в себя дьявольскую силу и эссенцию, вместо божественной

[2] Глагол ziehen (in sich) — тянуть, втягивать (в себя) — чрезвычайно важен для Бёме в описании эссенциальных, тинктурных взаимодействий, замещений, смешений и т.п. Употребляемая им (устаревшая теперь) форма 3 лица ед. ч. zeucht близка, а иногда прямо совпадает (zeugt) с аналогичной формой от глагола zeugen — зачинать (и подменяется ею), что зачастую ведет к важному слиянию смыслов: по Бёме, уже вожделение есть вбирание в себя соответствующей эссенции и, следовательно, зачатие в себе вожделенного субстанциального качества.

эссенции, и позволяет дьяволу совратить себя в земной похоти и сладострастии. Ибо дьявол знает ветку, которая выросла в его тленной земле и еще растет. Потому, как был он в начале лжецом и убийцей, таков он и сейчас, и заражает людей, поскольку он знает, что под внешним правлением звезд подвержен человек его магическому притяжению: так остается он постоянным отравителем характеров (Complexion), и где учует он искорку, которая ему служит, всегда предъявляет ее человеку, если человек в нее воображается, вскоре он (дьявол) его заразит.

19. Потому сказано: «Бодрствуйте, молитесь, будьте трезвы, ведите умеренную жизнь, ибо дьявол, ваш противник, ходит вокруг, как лев рыкающий, и ищет, кого он проглотит» (1 Петр 5:8[3]). — «Так что не стремитесь к скупости, деньгам, имуществу, власти и славе, ибо мы во Христе не от мира сего, ибо того ради пошел Христос к Отцу, то есть в божественную сущность, чтобы мы последовали за Ним своим сердцем, разумом и волей; так пусть Он будет с нами во все дни до скончания мира» (Мф 28:20[4]), но не в муке этого мира. Мы должны пробиться из муки этого мира, из земного человека, предать волю свою в Его волю, и ввести в Него наше воображение и желание; так в Его

---

[3] Ср. с каноническим (аналогично у Лютера): «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как лев рыкающий, ища, кого поглотить».

[4] Ср.: «Я с вами во все дни до скончания века». У Лютера: «<...> до скончания мира».

девственности, которую он вновь возбуждает в нас, мы станем беременны и зачнем Слово, которое оживает в Нем, в нашей заключенной в смерть девственности и будем снова рождены во Христе в нас самих. Ибо как через Адама смерть приступила к нам, так приступает Слово жизни из Христа к нам всем. Ибо движение Божества в вочеловечении Христа продолжается и открыто для всех людей: недостает лишь того, чтобы войти, — человек позволяет дьяволу удерживать себя; Христос не должен сам сходить со своего места и вторгаться в нас, когда мы рождаемся в Нем вновь, ибо Божественная сущность, в которой Он был рожден, везде и повсюду содержит в себе второй Принцип. Где можно сказать: здесь присутствует Бог, там также можно сказать: повсюду присутствует и вочеловечение Христа, ибо оно началось в Марии и качествует за собой вспять до Адама и перед собой до последнего человека.

20. Теперь говорит разум: «Только вера достигнет его (вочеловечения)». — Да, верно, в истинной вере начинается оплодотворение, ибо вера есть дух и вожделеет сущности, а сущность и без того содержится во всех людях; и недостает лишь того, чтобы ее уловил дух веры, а когда она схвачена, из нее расцветает и растет прекрасная лилия, не только дух, но девственный образ рождается из смерти в жизнь. Жезл Аарона, который сух, расцветает из сухой смерти и берет из смерти свое тело, из полумертвой девственности — прекрасная новая девственная жизнь: и сухой жезл Аарона предвестил это, как старый Захария, так и Авраам со своей

старой Сарой, которые все для внешнего мира были все равно, что мертвы, и более не плодовиты. Но обетование в новом возрождении должно было сделать это, жизнь должна была процвести из смерти. Не старый Адам, который был земным, должен быть господином, и не Исав перворожденный, которому, правда, принадлежало бы наследство, если бы Адам остался, но второй Адам — Христос, который сквозь смерть прорастает из первого Адама, должен остаться господином. Не мужчина или женщина должны занять царство Божье, но Дева, которая рождается из смерти мужчины и женщины, должна быть царицей небес. Один пол, не два; одно древо, не многие: Христос был ствол (потому что Он был корнем новой жизни), который процвел из смерти, который вывел умершую деву из смерти, как прекрасную ветвь; и все мы ветви и растем на одном стволе, который есть Христос.

21. Итак, мы ветви Христа, Его побеги, Его дети, а Бог — нам всем, и Отец Христу, в Нем мы живем, снуем и существуем. Мы несем на себе плоть и кровь Христа, коль скоро мы приходим к новому рождению, ибо в духе Христа мы рождаемся вторично. Кто в Марии в умершем человечестве без прикосновения мужчины стал живым человеком, тот и в нас самих, в нашей умершей девственности, станет новым человеком; и не хватает только, чтобы мы бросили в смерть ветхого Адама, как шелуху, чтобы отступила от нас мука земной жизни и мы, наконец, вышли из страны дьявола.

22. Но не только это, ибо ветхий Адам не должен быть так целиком и полностью отброшен, но лишь кожура, оболочка, под которой скрыто лежит семя. И из старой эссенции должен процвести новый человек в Божественном движении, как прорастает колос из зерна, как учит нас Христос. Потому эссенция должна быть брошена в гнев Божий, должна быть преследуема, мучима и высмеяна, и распята: ибо из огня Божьего гнева должен прорасти новый человек, он должен быть испытан в огне. Мы подпали эссенции гнева, но любовь Божья восстала в гневе и погасила гнев любовью в крови небесной существенности в смерти Христовой, так что гневу досталась оболочка, т.е. испорченный человек, понимай: земная мука, а любви достался новый человек, потому не должен больше никакой человек проливать небесную кровь, но лишь земную, смертную. Ибо Христос, который был зачат без мужчины и женщины, Он один мог это сделать, ибо в Его небесной существенности не было земной крови. Но он пролил Свою небесную кровь в земную, чтобы освободить нас, бедных земных людей, от ярости. Ибо Его небесная кровь должна была в Его кровопролитии смешаться с земной, чтобы Турба в нашей земности, которая держала нас в плену, потонула, и гнев любовью небесной крови был погашен. Он отдал за нас Свою жизнь смерти, сошел за нас в ад, в огненную муку Отца, а из ада снова в Бога, чтобы сокрушить смерть, утопить гнев и проложить нам путь. Когда Христос висел и умирал на кресте, тогда висели

мы с Ним и в Нем на кресте и умерли в Нем, и восстали в Нем из смерти, и живем вечно в Нем, как члены тела. И значит, женское семя растоптало змию голову, Христос совершил это в нас, а мы во Христе: божественная и человеческая эссенции совершили это.

23. Теперь, стало быть, дело за тем, чтобы мы Ему следовали. Христос, правда, сокрушил смерть и погасил гнев, но если мы хотим сподобиться Его образу, то мы должны следовать Ему и в Его смерти, взять на нас Его крест, стерпеть гонения, издевательства, насмешки и убиение. Ибо ветхая оболочка принадлежит гневу Божьему, она должна быть развеяна, потому что не старый человек должен жить в нас, а новый; старый будет отдан гневу, ибо из гнева процветает новый, как свет сияет из огня. Старый Адам должен, следовательно, стать деревом для огня, чтобы новый расцвел в свете огня; ибо в огне он должен сохраниться. Ничто не вечно, что не может сохраниться в огне и что не начинается в огне.

24. Наша душа из Божьего огня, а тело — из огня света, но понимай всегда под телом немую существенность, которая не есть дух, но эссенциальный огонь. Дух намного выше, он берет начало в огне ярости, яростной муки; а его истинная жизнь и тело, которое он имеет в себе, это свет кротости, который живет в огне и дает огню свою кроткую пищу или любовь, иначе огонь не существовал бы; он должен что-то пожирать. Ибо Бог Отец говорит также: «Я есмь Бог гневный, ревнующий, яростный, огонь поядающий»

(Втор 4:24[5]), и называет себя всё же также «милосердным, милым Богом» (1 Ин 4:8) по Его свету, по Его сердцу. Потому Он говорит: «Я милосерден»; — ибо в свете рождается вода вечной жизни, которая гасит огонь и ярость Отца.

[5] Отсылка Бёме касается только огня, что же до гнева, ревности и ярости Бога, то подтверждение Его компилируемой здесь речи, прямое и косвенное, находится в многочисленных местах Ветхого и Нового Заветов. Напр., Исх 20:5, Евр 12:29 и др. Так же приблизительно соответствует тексту Бёме и то место, к которому отсылает следующая его ссылка.

ГЛАВА XIII

О ДВОЙСТВЕННОМ ЧЕЛОВЕКЕ, КАК О ВЕТХОМ И НОВОМ АДАМЕ; О ДВУРАЗЛИЧНЫХ ЛЮДЯХ, КАК СТАРЫЙ ЗЛОЙ ОТНОСИТСЯ К НОВОМУ; КАКУЮ ВЕДЕТ КАЖДЫЙ РЕЛИГИЮ, ЖИЗНЬ И ВЕРУ, И ЧТО КАЖДЫЙ ПОНИМАЕТ

1.

Всё, что в ветхом Адаме[1] учат, пишут, проповедуют или говорят о Христе, от искусства ли это или как угодно, — это из смерти и не имеет ни разума, ни жизни, ибо ветхий Адам мертв для Христа, это должен делать только новый, который рождается из Девы, который один понимает слово нового рождения и идет к двери Христа в овчарню. Ветхий Адам хочет войти через искусство и исследование. Он полагает, что Христос достаточно постижим в букве, будто тот поставлен и призван Богом учить, кто изучил искусство и языки, кто много читал, Дух Божий должен говорить через его проповедь, хоть пусть он будет лишь старый порченный Адам. Но Христос говорит: «Это воры и убийцы, и пришли только грабить и красть. Кто не дверью входит в овчарню, но входит где попало, тот вор и убийца» (Ин 10:1[2]). И далее говорит Он: «Я дверь к овцам; кто войдет Мною, тот найдет пажить, и овцы последуют за ним» (Ин 10:9). «Ибо кто не со Мной, тот против Меня».

---

[1] Т.е., – по внешнему разуму.

[2] Бёме цитирует перевод Лютера. Ср. с русским каноном: «<...> входит во двор овчий, но перелазит инде, тот вор и разбойник».

2. Учитель обязан и должен родиться во Христе, или он вор и убийца, и сто*и*т только сам по себе, чтобы проповедовать ради полноты брюха; он делает это для денег и славы, он учит своему слову, а не Слову Божьему. Если же он вторично рожден во Христе, то он учит Слову Христа, ибо он стоит в древе Христовом, и подает звук свой из древа Христова, в котором он стоит; потому на земле такая извращенность, что люди набирают себе учителей, от которых у них зудят уши, что охотно слышит старый злой Адам, что служит его возвышению и плотскому удовольствию, что служит власти и роскоши.

3. О, вы, учителя от дьявола, как вы хотите устоять перед гневом Божьим? Почему вы учите, если вы, ведь, не Богом посланы? Вы посланы из Вавилона, из великой блудницы, из матери великого [духовного[3]] блуда на земле. Не из Девы рождены вы, а из жены гулящей, ибо вы не только учите человеческому вздору, но и преследуете посланных учителей, которые рождены из Христа. Вы спорите о религии, а ведь спора в религии нет; это только дары разные, но говорит лишь Од*и*н Дух. Подобно тому, как древо имеет разные ветки, а плоды различную форму, и совсем не похожи друг на друга; и как земля приносит разнообразные травы и цветы, а она, земля, их единая мать, так же и с теми, кто говорит из Духа Божьего: каждый говорит из чуда своих даров, но их древо и их поле, на котором они стоят, есть Христос в Боге, а вы, духовя-

[3] Так в издании Г. Вера.

затели (Geistbinder[4]), не переносите этого, вы вашему Христу, которому сами, ведь, не познав, учите своим земным языком, хотите заткнуть рот, и привязываете Его к вашему закону. О, истинная церковь Христа не имеет закона, Христос есть храм, куда мы должны войти; груда камней не создаст нового человека, но храм Христов, где учит Дух Божий, — он будит полумертвый образ, так что он начинает цвести. Годится одинаково всё, Бог не требует искусства или велеречия, но кто к Нему приходит, того Он не отталкивает. Христос пришел в мир, чтобы призвать бедных грешников и спасти их; и Исайя говорит: «Кто так наивен, как Мой раб?»[5] Потому ничего не значит остроумие этого мира, оно рождает лишь высокомерие и спесивый разум, он хочет превосходства и господства. Но Христос говорит: «Кто во имя Мое не оставит дом*а*, пол*я*, добро, деньги, жену и дитя, тот недостоин Меня». Всё, что есть в этом мире, не должно быть так дорого, как дорогое имя Иисуса, ибо всё, что имеет этот мир, —

[4] Один из устойчивых мотивов Бёме — тщетные попытки человека «связать» Дух Божий, то есть приспособить Его к своим земным потребностям и целям.

[5] На самом деле (идентично с переводом Лютера): «Кто так слеп, как раб Мой, и глух, как вестник Мой, Мною посланный?». Но в продолжении того же стиха — удивительное разночтение. У Лютера: «Wer ist so blind, als der Vollkommene? Und so blind, als der Knecht des Herrn?» («Кто так слеп, как *совершенный?* И кто так слеп, как раб Господа?»), а в нашем каноне: «Кто так слеп, как *возлюбленный*, кто так слеп, как раб Господа?» (Ис 42:19). (К*урсив* пер. — С.Ш.)

все земное, но имя Иисуса — небесное, и из имени Иисуса мы должны снова родиться из Девы.

4. Поэтому дитя Девы противостоит старому Адаму; этот выказывает себя в жажде временных удовольствий, почестей, власти и могущества и является яростным драконом, который хочет только жрать, как его изображает Откровение Иоанна, изрыгающим огонь или мерзким отвратительным драконом, а дитя Девы стоит на луне и на нем корона с двенадцатью звездами, ибо оно попирает земное, то есть Луну, ногами, оно выросло из земной Луны, как цветок из земли. Потому девственный образ стоит на луне, в него стреляет яростный дракон струей воды, извечно хочет потопить девственный образ, но земля приходит Деве на помощь и поглощает ту водяную струю, и ведет Деву в Египет, это значит, девственный образ должен в Египте отдаться в услужение: и земля, как ярость Божья, заслоняет девственный образ, она проглатывает струю дракона. Хотя дракон осыпает девственный образ своей мерзостью, порочит и оскорбляет [его], всё же это никак не вредит дитю Девы, ибо ярость Божья принимает на себя поношение, которое изливается на чистое дитя, ибо земля во всё время означает ярость Божью. Так что стоит девственное дитя на земле, то есть на земной Луне, и всегда должно спасаться бегством в Египте от земного дракона. Оно здесь может быть только в услужении фараону, но оно стоит на луне, не под луной. Князь Иисус (Josua) [Навин] или Иисус (Jesus) ведет его через Иордан в Иерусалим;

ему остается лишь пройти сквозь смерть в Иерусалиме и покинуть Луну. Оно в этом мире всего лишь гость, чужак и паломник, оно (дитя Девы) должно идти сквозь страну дракона; когда дракон выстрелит в него своим лучом, оно должно склониться и ступить под крест, так примет гнев Божий огонь дракона.

5. Нам понятно, что ветхий Адам ничего не знает о Новом Адаме и не понимает; он всё воспринимает по-земному: он не знает, где Бог и что есть Бог, он лицемерит перед самим собой, приписывает себе благочестие и полагает, что служит Богу, но служит лишь древнему змию, он жертвует и сердцем тяготеет к дракону, он хочет задешево быть набожным и с земностью вознестись на небо, однако насмехается над детьми неба: этим он показывает, что в небе он чужой, он всего лишь господин на земле и бес в аду.

6. Средь таких терний и волчцов должны расти дети Божьи, они неузнаны в этом мире, ибо гнев Божий покрывает их. Дитя Божье и само не вполне знает себя, оно видит лишь старого Адама, который облекает его, который всегда хочет утопить дитя Девы: разве только дитя Девы удостоится взглянуть в Ternarium Sanctum, тогда оно знает себя, когда возложат на него благородный прекрасный рыцарский венец, тогда принужден старый Адам смотреть вслед [новому] и не знает, что с ним делается. Он даже очень радуется, но танцует как под чужую дудку: когда игра прекращается, наступает конец его радости, и остается он старым Адамом, ибо он принадлежит земле, а не ангельскому миру.

7. Едва доходит дело в человеке до того, что девственный образ начинает прорастать из старого Адама, что душа и дух человека предаются послушанию Богу, как поднимается борьба с ним, ибо старый Адам в гневе Божьем борется против нового Адама. Старый хочет быть господином в плоти и крови, и дьявол так же не может терпеть девственную ветвь, ибо ему не позволено прикасаться к ней, но старого Адама он волен касаться, заражать и обладать им. Поскольку его собственное жилище во тьме бездны ему не по нраву, то он охотно живет в людях, ибо он враг Божий и кроме как над человеком власти не имеет, потому завладевает он человеком, ведет его по своему усмотрению в гнев и ярость Бога, чтобы насмехаться над Божьей любовью и кротостью; ибо он мнит еще, раз он есть яростный поток огня, что он выше смирения, потому что может ужасно яриться. Но, поскольку ему нельзя касаться девственной ветви, то он идет на тщетную хитрость и плутни и скрывает ее, чтобы она не была узнана в этом мире, не то слишком много подобных веточек может вырасти в его мнимой стране, ибо он к ним злобен и враждебен, он нападает насмешками и мучениями своих высокомерных слуг на нового человека, чтобы его преследовали, высмеивали и держали за дурака. Это он творит среди умно-разумного мира, среди тех, которые называют себя пасторами Христовыми, на которых смотрит мир, дабы росток лилии не был узнан. Иначе люди увидели бы его, и выросли бы перед ним слишком много подобных росточков, так, возможно, он мог бы потерять свое господство над людьми.

8. Но благородная ветка лилии растет в терпении, в кротости и берет свою эссенцию, силу и аромат с поля Божьего, то есть из вочеловечения Христа. Дух Христа ее эссенция, божественная сущность ее тело. Не из чужого качества, но из своей заключенной в смерти, а в Духе Христа расцветающей эссенции, растает девственная ветка лилии: она ищет и жаждет красоты не этого мира, но ангельского мира, ибо она и растет не в этом мире, в третьем Принципе, но во втором Принципе в райском мире. Оттого великая борьба идет в крови и плоти, во внешнем разуме. Старый Адам не знает нового и всё же находит, что Он ему противостоит; Он не желает того, чего хочет старый, Он постоянно ведет старого к сдержанности, это причиняет старому Адаму боль — ветхий Адам хочет только наслаждений, богатства и временной славы, он не выносит насмешек и креста; но новому это по нраву, что он должен нести на себе знаки Христа, что он похож на образ Христа. Потому старый часто пребывает в полной печали, ибо он видит, что должен остаться в дураках, но все же не понимает, что с ним происходит, ибо не знает он Божьей воли, у него есть лишь воля этого мира: что блестит, то он хочет иметь, он всегда хочет быть господином, которому кланяются. Но новый склоняется перед своим Богом, он ничего не вожделеет и ничего не хочет, но тоскует лишь по своему Богу, как дитя по своей матери, он бросается на колени к своей матери и предается своей небесной Матери в духе Христовом. Он жаждет пищи и питья

своей вечной Матери, и питается в лоне материнском, как ребенок во чреве вкушает от матери. Ибо, пока он сокрыт в старом Адаме, то он еще в вочеловечении: но когда старый умирает, то рождается из старого новый; он оставляет сосуд, внутри которого он лежал и взрастал девственным дитем, земле и суду Божьему. Он же рождается как цветок в Царстве Божьем, потом, когда придет день возвращения, все его дела, которые он в старом Адаме свершал для добра, должны последовать за ним, а злоба старого Адама должна быть зажжена в огне Божьем и отдана в пищу дьяволу.

9. Вот разум говорит: «Если новый человек в этом мире пребывает в старом лишь в вочеловечении, значит он несовершенен?» — Ответ: это не иначе, как с ребенком, когда сеется семя с двумя тинктурами друг в друге, мужской и женской, и из него возникает ребенок, ибо, как только человек обращается и поворачивается к Богу всем сердцем, чувствами и волей и сходит с безбожного пути, и целиком всерьез предается Богу, то в огне души начинается зачатие в старом испорченном образе, и душа принимает в себя Слово, которое в Марии подвиглось в центре Св. Троицы, которое в Марию вошло с целомудренной высокоблагословенной небесной Девой мудрости Божьей, в наполовину умершую Деву, и стало истинным человеком. То самое Слово, которое подвиглось или ожило в Марии в центре Св. Троицы, которое повенчалось с полумертвой плененной девственностью, — захватывает душевный огонь; тотчас в образе души в свете души в кротости

как в закрытой девственной существенности начинается зачатие. Ибо человеческая тинктура любви захватывает божественную тинктуру любви, и сеется семя в Св. Духе в образ души, как это подробно описано в нашей книге о тройственной жизни человека.

10. Смотри же! Коль скоро, значит, появляется девственный знак в любви Божьей, то эта ветвь может родиться, ибо в Боге все совершенно, но, поскольку она сокрыта в старом Адаме и содержится пока только как семя в эссенции, то в этом еще есть большая опасность, ибо кто-то получает эту ветвь только в самом конце: и даже если бы он тотчас извлек ее из тела матери, всё же она будет испорчена, а у некоторых поломана и сделана земной.

11. Таково же приходится и бедному грешнику. Если он совершает покаяние, но потом снова становится злым человеком, то с ним происходит то же, что и с Адамом, который был прекрасным, великолепным и светлым образом, созданным Богом, но когда он дал страсти одолеть себя, он стал земным, и прекрасный образ был пленен земной мукой в гневе Божьем, как это обстоит еще и поныне. Но мы говорим это, так как мы получили озарение милостью Божьей и боролись за этот веночек долгое время, чтобы у того, кто всерьез останется стоек, пока его ветвь не станет деревцем, не легко могла быть поломана его ветвь в одной или нескольких бурях, ибо то, что слабо, у того и жизнь слабая. Мы так [ничего] не приписываем Божеству, напротив, это естественно, и всё ведь происходит тоже

естественно, ибо и вечное имеет свою природу, и одно выходит только из другого. Не будь этот мир отравлен злобой и яростью дьявола, то остался бы Адам в этом мире в раю, и не было бы такой ярости в звездах и стихиях, ибо дьявол был князем и большим властителем в месте этого мира: он возбудил ярость. Поэтому Бог создал небо из воды, чтобы огненная природа, то есть огненный небосвод был охвачен водным небом, чтобы его ярость гасилась. Иначе, если бы вода должна была исчезнуть, можно было бы видеть, что стало бы в этом мире; не что иное, как тщетное холодное, терпкое и жгучее горение, и всё же только темное, ибо света не могло бы быть, потому что свет сохраняется лишь в кротости, так что не может быть светящего огня, разве что он должен иметь нежную существенность. Поэтому нам понятно, что Бог превратил небесную существенность в воду, что произошло естественным путем, когда Бог Отец подвигся и дьявол пал, который хотел быть огненным господином над кротостью, так была заперта на засов его ядовитая злоба, так что он теперь есть обезьяна Бога, а не господин, злодей и палач в гневном источнике.

12. Поскольку же мы знаем то, что мы окружены гневом, мы должны правильно воспринимать самих себя и, значит, не ценить себя дешево и поверхностно, ибо мы не только от этого мира, но и от мира божественного, который стоит в этом мире сокрыто и близок к нам. Мы можем одновременно жить и пребывать в трех мирах, если только с девственным образом мы

прорастаем из злой жизни. Ибо мы живем 1) в первом Принципе, в мире Отца в огне, согласно эссенциальной душе, то есть по муке огня в центре природы вечности; и потом 2) с истинным чистым девственным образом мы живем в светозарном райском мире, хотя он в месте этого мира не очевиден, но познается все же лишь в девственном образе в Св. Духе и в Слове, которое живет в девственном образе; 3) мы живем со старым Адамом в этом внешнем испорченном мире страстей, у дьявола, в его разожженной страсти, потому сказано: будь осторожен! Христос говорит: «Будьте просты (einfältig), как голуби, и хитры (listig), как змеи» (Мф 10:16[6]). Блюдите сами себя! В Божьем Царстве нет нам нужды в хитрости, мы только дети в лоне матери, но в этом мире нам следует быть на страже, мы несем благородное сокровище в земном сосуде. Легко потерять Бога и Царство Небесное, что после этой временной жизни больше не достижимо. Здесь мы семена в поле, мы здесь растем, не важно, если стебель ломается, ведь есть еще корень, чтобы вырос второй стебель.

13. Здесь перед человеком открыта дверь милости. Каким бы грешником он ни был, но если человек обращается и приносит честные плоды раскаяния, то он может заново родиться из злобы. А кто намеренно бросает свой корень в огонь дьявола и теряет веру в то, что сможет прорасти, — кто поможет тому, кто

[6] Ср. с православным каноном: «будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». И в переводе Лютера: «seyd klug (умны), wie die Schlangen, und ohne Falsch (без фальши), wie die Tauben».

сам [этого] не хочет?! Но если он обратит свою волю к Богу, то Бог примет его. Ибо кто хочет Божьего гнева, того примет гнев Божий, а кто хочет любви, того примет Божья любовь. Павел говорит: «Кому вы отдаете себя в рабы для послушания, или греху к смерти, или послушанию Божьему к праведности, того вы и рабы» (Рим 6:16). Безбожный Богу — приятный запах в гневе, а святой Богу — приятный запах в Его любви (2 Кор 2:15–16). Ведь человек может сделать из себя, что он хочет: перед ним то и другое — огонь и свет. Если хочет он быть ангелом в свете, то поможет ему Дух Божий во Христе [присоединиться] к сонму ангелов; если же он хочет стать бесом в огне, то поможет ему Божий гнев и ярость, затянет (zeucht[7]) его в бездну чертом. Далее, он получит свой асцендент[8], к чему имеет влечение. Но если он разрушит первое влечение и перейдет к другому, то получит иной асцендент, но первый будет крепко тяготеть над ним; он будет вновь и вновь тянуться к нему, потому благородное зернышко должно чаще становиться под большой пресс; оно должно позволить колоть себя шипами, ибо змей всегда жалит семя женское, дитя Девы, в пятки[9]. Укус змеи присутствует в старом Адаме, он всегда жалит дитя Девы в пяту

---

[7] См. прим. о глаголе *ziehen*: здесь именно такой случай, можно перевести «зачнет его в бездне как черта».

[8] В астрологии — восходящий знак, начало гороскопа, важное для определения мировосприятия и самовыражения человека, его характера и стиля поведения.

[9] Быт 3:15.

в теле матери. Потому эта жизнь в этом мире у нас, бедных плененных людей, это долина скорби, полная страха, крестных мук, нужды, уныния, пыток и терзаний. Мы здесь чужие гости и идем по дороге паломников; мы должны пройти через великую пустыню, дикую глушь, и мы окружены злыми зверями, гадюками и змеями, волками и спесивыми чудовищными зверями. И злейшего зверя мы носим в себе. Наша прекрасная дева получила приют в том же злом и пустынном хлеву.

14. Но вот что мы понимаем и говорим с основанием, что, когда благородная ветка вырастает и становится сильной, тогда в том же самом человеке старый Адам принужден стать рабом, он должен идти позади и часто делать то, чего он не хочет. Ему часто приходится претерпевать крестные муки, насмешки, а также смерть: это он делает неохотно, но его принуждает [к тому] девственный образ во Христе, ибо он хочет с радостью следовать Христу, своему жениху, и стать похожим на Него в крестной муке и скорби.

15. И скажем еще и то, что никто, пожалуй, не будет коронован девственной короной, которую носит жена в Откровении Иоанна, гл. 12:1, с двенадцатью звездами, то есть с шестью духами Природы небесными и с шестью духами земными, пока он не выдержит струю дракона и не убежит так же в Египет, то есть под крест и мучения египетские: он должен нести крест Христа и надеть Христов терновый венец, дать себя как следует высмеять, одурачить и унизить, если он хочет надеть корону Христа и Девы; он должен сна-

чала носить терновый венец, коли хочет он надеть небесную жемчужную корону в Святой Троице.

16. И дадим просвещенным узнать еще одну великую тайну, что, когда засевается жемчужина, он впервые надевает корону в Святой Троице с великой радостью и честью пред Божьими ангелами и всеми святыми Девами, и повсюду взаправду великая радость; но эта корона вновь скрывается, ибо на этом месте Бог становится человеком — как не возрадоваться этому? Старый Адам танцует, но — как осёл под звуки лиры, но корона предназначена вочеловечению.

17. Итак, если ты хочешь быть рыцарем, тогда тебе следует ступать по следам Христа и биться со старым ослом и против дьявола; если победишь и будешь признан и принят как рыцарское дитя Бога, то наденут тебе корону жены с двенадцатью звездами (Откр 12:1), её ты должен носить, пока не родится дева от жены из твоей смерти или с твоей смертью, она должна надеть тройную корону великой славы в Святой Троице. Ибо поскольку девственный образ еще пребывает запертым в старом Адаме, он не получает ангельской короны, ибо он еще пребывает в неопределенности. Но когда он рождается с отмиранием старого Адама, выползает из скорлупы или оболочки, тогда это ангел и уже не может испортиться, и ему надевается истинная предназначенная корона, поскольку Бог стал человеком. Но корона с двенадцатью звездами сохраняет это как вечный знак, ибо не должно быть забыто в вечности, что Бог вновь открыл девственность в земной женщине

и стал человеком. Божественность есть Дух, и святой чистый элемент родился из Слова от вечности; и вошел господин в слугу, чему дивились все ангелы на небе: и это величайшее чудо из случавшихся от вечности, ибо оно против природы, и это Любовь. Шесть земных знаков должны представлять вечное чудо и быть вечной хвалебной песнью [тому], что Бог избавил нас от смерти и нужды; и шесть небесных знаков должны быть короной и славой нашей, что мы небесным превозмогли земное, что мы были женщины и мужчины, а затем стали целомудренными девами с собственной любовью: такими должны остаться в вечности знаки победы, по которым должно узнаваться, что свершил Бог в человечестве и как человек есть величайшее чудо на небесах, которым восторгаются ангелы.

ГЛАВА XIV

О НОВОМ РОЖДЕНИИ. В КАКОЙ СУБСТАНЦИИ, ЭССЕНЦИИ, СУЩНОСТИ И КАЧЕСТВЕ СОСТОИТ НОВОЕ РОЖДЕНИЕ, В КАЧЕСТВЕ ДИТЯ ДЕВЫ, КОЛЬ ОНО СИДИТ ЕЩЕ В СТАРОМ АДАМЕ

1.

В то время как в этом море скорби мы плаваем в земной плоти и крови и стали земного качества (Qual), пока мы заключены в сиянии среди тьмы, — благородный дух (Gemüt) не прекращает выведывать о своем истинном отечестве, куда он должен [будет] уйти; он говорит всегда: где же Бог, или: когда же это должно случиться, что я смогу увидеть Божий лик? Где же моя благородная жемчужина? Где дитя Девы? Я ведь его не вижу, что же это со мной, что я так страшусь и жду именно того, чего, однако, не могу видеть! Я испытываю великую страсть и вожделение к тому, но не могу увидеть ничего, в чем могло бы успокоиться мое сердце; я же чувствую себя постоянно, словно женщина, которая охотно родила бы, как страстно я хотел бы увидеть мой плод, который мне обещан моим Богом! Он (дух, Gemüt) постоянно тянется к рождению: один день окликает другой, а утро — вечер, а ночь — снова день, и надеется в смирении, что взойдет всё же яркая утренняя звезда, которая принесет духу покой, и будет ему, как женщине, которая носит плод, непрестанно надеется его увидеть и ждет с тоской и страстным желанием.

2. Вот так, мои возлюбленные дети Божьи, обстоит с нами дело: нам кажется, мы еще далеки от этого, а всё же, вот, пребываем в рождении; мы рождаем с великой тоской, в трепете и не знаем семени, которое рождаем, ибо оно лежит сокрыто: мы рождаем не для этого мира, как же мы хотим увидеть плод глазами этого мира, ведь плод не принадлежит этому миру.

3. Но поскольку мы достигли истинного познания этой сущности, не по внешнему человеку, но по внутреннему, то обрисуем это себе в подобии, ради читателя и себе на радость.

4. Если мы рассмотрим себя, какие мы всё же двойственные, с двойственными чувствами и волей, то мы не можем прийти к познанию лучше, чем если мы рассмотрим тварь. Мы видим — лежит грубый камень, и в некотором (камне) — чистейшее золото; тут же мы видим, как блестит в камне золото, но камень глух и не знает, что он имеет в себе столь благородное золото, так же и мы, мы суть земной сульфур, но имеем небесный сульфур в земном, где каждый сам по себе. Хотя он в этом времени перемешан, но не взаимодействует один с другим; один другому только вместилище и жилище, как мы познаем это в сравнении с золотом, где грубый камень не есть золото, но лишь его вместилище. И его грубость не создает золото, но — Tinctura solis[1] создает его в грубом камне. Но грубый камень является матерью, а Sol[2] является отцом; ибо Sol бременит

[1] Тинктура солнца (*лат.*).

[2] Солнце (*лат.*).

грубый камень, потому что в нем есть Центр Природы, из которого Sol берет свое начало: если мы пойдем дальше вплоть до Центра, мы можем это представить; но поскольку это было достаточно объяснено в других писаниях, то остановимся на этом.

5. Так же это обстоит и с человеком; земной человек означает грубый камень, тогда Слово, которое стало человеком, — Sol (Солнце), которое бременит испорченного человека, ибо причина та же: испорченный человек хоть и земной, но он вечно имеет в себе Центр Природы, он тоскует по Божьему Sol'у, ибо при его сотворении Божественный Sol был включен в его сущность. Но вот грубый камень перерос Sol и поглотил его, так что Sol смешался с грубым камнем и не может избежать грубого сульфура, должен же очиститься огнем, чтобы грубое отплавилось, тогда останется один Sol. Под этим понимай смерть и тление, когда грубая земная плоть отплавится и останется одна девственная духовная плоть.

6. И поймите нас верно, что мы имеем в виду! Мы говорим не упрощая и истинно, как мы это познали. Не только духом является новый человек, он в плоти и крови, так же как золото в камне — не просто дух, но имеет тело, но не такое, как грубый камень, а тело, которое сохранится в Центре Природы в огне; ибо огонь не может пожрать его тело, потому что золото относится ко второму Принципу. Знал бы ты это, ты, земной человек! Но это остается просто никому не нужным, ибо земля недостойна золота, пусть даже она

несет его в себе и рождает. Так же и земной человек недостоин того сокровища, которое он несет: пусть даже он и помогает его родить, он все еще темная земля по сравнения с чадом Девы, рожденным из Бога.

7. И как золото имеет истинное тело, которое, сокрыто и пленено, лежит в грубом камне, так же и девственная тинктура в земном человеке имеет свое истинное небесное божественное тело из плоти и крови, но не из таких плоти и крови, как земные; оно не поддается огню, проницает дерево и камень, и не может быть схвачено. Как золото проницает грубый камень, не ломая его, и не ломая самое себя, и камень ничего не знает о золоте, — таков и старый земной человек. Если он получает Слово жизни, которое стало во Христе человеком, то он принимает Его в испорченном сульфуре его плоти и крови, в заключенный в смерти девственный центр, поскольку Адам внутри был девственным образом, поскольку дикая земля обволокла его золото чистой божественной существенности, так что небесное должно было пребывать в смерти в центре огня. В него, говорю я, и в нем подвиглось Слово жизни, которое стало в Марии человеком; здесь обрела запертая в смерти существенность живую тинктуру: тогда благородное золото, то есть небесная существенность, начинает прорастать в смерти, и вскоре имеет в себе Дух Святой в Слове жизни, который исходит от Отца и Сына и создает мудрость как небесную Деву, как зеркало и точный образ Божественности перед собой, как чистый сульфур, чистую плоть и кровь, в которых Он

живет, — не земной эссенции, но божественной эссенции, из небесной существенности. Это истинная плоть и кровь Христа, ибо она растет в Христовом Духе, в Слове жизни, которое стало человеком, которое сокрушило смерть, потому что божественная тинктура вновь проросла и породила из себя сущность, ибо все рождено и пришло из божественного вожделения. Но раз уж Бог есть и огонь, и свет, то нам достаточно понятно, откуда что пришло; но не можем сказать ничего иного, как только, что из доброго и любвеобильного пришло добро, ибо добрая вожделеющая воля принимает в своем воображении себе подобное, она себя самое голодом своего вожделения делает подобной Ему.

8. Итак, мы знаем, что, поскольку Божество жаждало иметь зеркало, образ, подобный Себе, то и божественная страсть должна была в своем самозачатии (Selbstschwängerung) породить в своей вожделеющей воле самое доброе и любимое, истинное подобие Добра, чистого Божества. Что к этому, однако, примешалось земное, в том вина вожделеющего гнева, то есть огня, дьявола, который зажег его своим воображением.

9. Итак, теперь мы также в высшей степени осознаем, что Бог не хотел покидать Свое (то есть свое наилучшее и самое любимое, что Он создал себе в подобие в тварном существе); скорее Он сам стал бы таким, как Он создал, чтобы вновь родить погибшее из погибели и обратить [его] в лучшее, поскольку Он хотел бы вечно жить в нем. И [мы] с основанием говорим, что Бог Сам самостоятельно живет в новом человеке, не в блеске

или чуждом сиянии, а сущностно, но в Своем Принципе. Внешний человек не касается и не захватывает Его; плоть и кровь нового человека также не являются Богом, они суть небесная существенность; Бог есть Дух, Бог не портится: хотя существо портится, Бог остается в Себе, Ему не нужно уходить, ибо Ему не требуется и приходить, но Он проявляется в плоти и крови, это его желание — обладать подобием.

10. И если мы, стало быть, верно познаем себя и последуем этому [знанию], то мы обнаружим, что человек (понимай: весь человек) это истинное подобие Божье; ибо по земной жизни и телу он от этого мира, а по девственной жизни и телу он от неба; ибо девственная эссенция имеет небесную тинктуру и создает небесную плоть, в которой живет Бог. Как золото в камне имеет другую тинктуру, чем грубый камень, и эта тинктура имеет иное тело: каждое тело происходит из своей собственной тинктуры, (как мы же знаем, что земля рождена от ярости из центра терпкого огня, как хладного огня, из сульфура суровости в страхе перед огнем, как сообщается в книге «De tribus principiis»[3]).

11. Так что и хороший корпус или тело получится из хорошей эссенции, ибо эссенция создает жизнь, но сама жизнью не является; жизнь берет начало в Принципе, как то в огне, всё равно, холодном или жарком, или в огне света, каждый (огонь) это отдельный Принцип, и всё же [они] не разделены.

---

[3] *Бёме Я.* Описание трех Принципов Божественной сущности. (Прим. пер. — К.К.)

12. Итак, теперь с основанием истины поведем речь о вочеловечении и человечестве и скажем ясными, сухими, прямыми словами, не из иллюзии или предположения, но из собственного истинного познания, данного нам в озарении Богом:

I. Что новый, рожденный вторично человек, который скрыто лежит в старом, как золото в камне, имеет в себе небесную тинктуру и имеет божественную, небесную плоть и кровь; и что дух той самой плоти не есть чуждый дух, но ее собственный, рожденный из ее собственной эссенции.

II. Мы признаем и говорим, что Слово, которое стало в Деве Марии человеком, есть первооснова изначальной тинктуры в сульфуре, и признаем Дух Христов, который во все пределы заполняет небеса, живущим в этой тинктуре.

III. Мы признаем эту небесную плоть как плоть Христову, в которой безраздельно живет Св. Троица.

IV. Мы признаем возможным, что во времени старого Адама эти же плоть и кровь могут быть снова испорчены воображением, как случилось то в Адаме.

V. Мы говорим, что в порче Божеству ничего не убавляется, ничто злое даже не касается Его, ибо что теряет Божью любовь, то достается гневу Божьему. Что выпадает из света, то добыча огня, и Дух Божий сам в себе остается невредим.

VI. Мы говорим, что во всех людях есть возможность нового рождения, иначе Бог был бы разделен и в одном месте не такой, как в другом; и этим призна-

ем, что человека притягивают и огонь, и свет. К чему он весами склоняется, туда он попадает, и всё же может в этом времени вновь вознести ввысь свой рычаг или стрелку весов, и что св. чистая Божественность не хочет зла. Она не хочет и дьявола, еще меньше человека в аду в гневе Божьем; и никогда не хотела: но поскольку нет света без огня, то нам вполне понятно, как дьявол через воображение втрескался в огонь гнева, так же и все люди, клейменые проклятием, которые не слушают советов, а сами полнят жадную муку огня; они позволяют себя притянуть, но могли бы, однако, стоять.

VII. Мы говорим, что истинный храм, в котором проповедует Св. Дух, есть в новом рождении; что всё мертво, немо, криво, слепо и бессильно, что не от Духа Божьего есть или учит; что Св. Дух не примешивается к звуку безбожных уст; что ни один безбожный человек не является пастырем Христовым. Ибо, даже если в праведнике голосом безбожного пробьет час[4], это могло бы случиться и от рёва скота, будь его звучание понятным или было бы названо дорогое Имя Бога. Ибо коль скоро называется Божье Имя и подает звук, то отзывается [ему] другой звук, как в том месте, где оно звучит, как то в праведной душе; но ни один безбожный не пробудит другого безбожного от смерти, ибо это невозможно, они оба в гневе Божьем и лежат еще заключенные в смерти. Если бы мы могли сами восстать из смерти и ожить, то сердцу Божьему не нужно было бы становиться человеком. Потому

[4] Т.е., через безбожника будет воспринято откровение.

мы с основанием говорим, что только это самое Слово, которое стало человеком, пробуждает несчастного грешника от смерти и рождает его для покаяния и новой жизни: потому все крикуны, которые безбожны, бесполезны храму Христову; но те, кто имеет Дух Христа, те – пастыри Христовы.

VIII. Мы признаем и говорим, что все учителя, которые выдают себя за слуг Христа и церкви, и это ради живота и славы, но, однако, не рождены заново, суть Антихрист и жена на драконе в Откровении Иоанна (Откр 17:3-4).

IX. Мы говорим, что всякая неправедная тирания и самовольно присвоенная власть, которой угнетается, истощается, подавляется и мучается бедняк, отчего он тоже легко совлекается и побуждается к самомнению и несправедливости[5], — это отвратительный, мерзкий зверь, на котором скачет Антихрист.

X. Мы знаем и говорим, что близко время и грядет день, когда этот злобный зверь с блудницей пойдет в бездну.

Аминь, Аллилуйя, Аминь.

[5] Т.е., и на угнетаемого тирания действует развращающе.

II ЧАСТЬ

вочеловечения Иисуса Христа.

Как нам нужно войти в страдания, кончину и смерть Христа, и из Его смерти с Ним и через Него воскреснуть и уподобиться Его образу, и жить в Нём вечно.

ГЛАВА I

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖИЗНИ ИЗ ОГНЯ; ДАЛЕЕ: О ВЕЧНОМ ДУХЕ В ВЕЧНОЙ ДЕВЕ МУДРОСТИ БОЖЬЕЙ, И ЧТО ЕСТЬ ВЕЧНОЕ НАЧАЛО И ВЕЧНЫЙ КОНЕЦ

1.

Внешний разум говорит: «Разве не достаточно было бы того, что Бог стал в нас человеком, почему Христос должен был страдать и умереть? Разве не мог Бог просто ввести человека в небо с новым рождением? Разве Бог не достаточно всемогущ, чтобы делать, что Он хочет? Что все-таки за удовольствие Бог находит в смерти и умирании, что Он не только Своему Сыну позволил умереть на кресте, но и мы все должны умереть? Раз уж Бог смертью Сына Своего избавил нас и за нас заплатил, почему же и мы должны умереть и истлевать?» Так летает разум.

2. Пред это зеркало мы хотим пригласить Антихриста, который называет себя слугою и пастырем Христовым, и все высокие школы этого мира с их диспутациями и законами, также всех детей Христа, которые носят крест Христа: все они должны видеть истинное основание — не мнения, чобы кого-то уличить в его незнании, а — к истинному учению, что каждый должен искать и найти себя. Ибо то будет совсем серьезное дело, и постигнет человека — это будет стоить

его тела и души, он не смеет с этим шутить, ибо тот, кто дал это познание, [уже] направил свою трубу; это касается [всего] человеческого рода: каждый должен украсить свой светильник. Придет великий двойной король, из двух ворот. Он один и всё же двое, у Него огонь и свет, он явится на земле и также в небе: это следует принять как чудо.

3. Дорогие дети Христовы, если мы рассмотрим смерть, как мы через смерть должны прийти в жизнь, то мы найдем, конечно, совсем другую жизнь, которая приходит из смерти, и вскоре поймем, почему Христос должен был умереть, почему и мы должны умереть в смерти Христа, в Нём воскреснуть и с Ним и через Него войти в Царство Божье.

4. Если же мы хотим это понять, мы должны рассмотреть вечность в основании и безосновности, иначе нет понимания, мы просто должны это понять, в этом дело. Ибо из вечного основания мы имеем свое происхождение с Божьим образом, как с душой и ее образом, но были введены во временное и тленное, как в муку. Но вот вечность, как безосновность, есть свобода вне муки, потому мы должны снова войти в свободу через умирание и, однако, не можем также сказать, что там нет жизни, это настоящая жизнь, которая там длится вечно без муки; и [мы] даем вам это осмыслить в одном правдивом сравнении, которое, правда, есть сравнение по царству этого мира, но если мы по нему представим Божественный мир, то это будет самая суть.

5. Вы знаете, что наша жизнь стоит в огне, ибо без тепла мы не живем. Огонь же имеет собственный центр, своего собственного создателя в его круге, как то семь образов (Gestalten) или духов природы, и всё же в качестве природы, как истечения (Quällen), признаются только четыре первых образа, в которых огонь пробуждается и возжигается, так что там есть один принцип или центр жизни, где материя горения в духах или образах создает себя сама и постоянно поглощается огнем, а огонь из поглощения дает иное, что лучше, чем первое, что делает огонь; ибо огонь умерщвляет и поглощает сущность, которая создает самый огонь (понимай — эссенциальный огонь в образах для огня), он поглощает ее и из смерти рождает нечто более благородное и лучшее, что он не может поглотить. Это выказывается примером огня и света, что есть не только истинное сравнение, но и сама суть, надо только различать принципы. Конечно, всё в огне, но различает себя самоё по муке.

6. Если мы теперь хотим понять это рассудком, то необходимо сообщить о происхождении огня, что, однако, гораздо продолжительнее, со всеми обстоятельствами описано в книге de tribus principiis[1] и других. Потому здесь мы даем только рассудку лишь короткое понятие и отсылаем читателя к другим сочинениям, если он хочет исследовать семь образов природы[2].

---

[1] О трех принципах.

[2] В особенности об «источных» качествах или образах природы можно порекомендовать кн. «Аврора, или Утренняя заря в восхождении».

7. Огонь содержит преимущественно три образа в качестве центра. Четвертый образ это сам огонь и дает принцип жизни с духом (Geist), ибо в первых трех образах нет настоящего духа, они суть только эссенции, как то: 1) терпкость, это вожделеющая воля, первый и важнейший образ; 2) горечь, колющая, это второй образ, причина эссенций; 3) страх, как круг или центр жизни, вращающееся колесо, которое захватывает чувства, как горькие эссенции, и подобно смерти поглощает [их], и дает 4) из камеры страха, как из смерти, — дух (Gemüth), как второй центр. Вот это, стало быть, поймите.

8. В вечности как в бездне (Ungrund) вне природы есть лишь ничто как тишина без сущности, оно и не имеет ничего, что давало бы нечто, оно — вечный покой, и не с чем сравнить, бездна без начала и конца. И нет ни предела, ни места, и ни стремления или обретения, или чего-нибудь, в чем была бы какая-то возможность. Эта бездна подобна глазу, ибо он не видит себя; она не имеет сущности, ни света, ни тьмы, и является преимущественно магией, и имеет Волю, которой мы не должны ни чаять, ни исследовать, ибо это повергает нас в смятение. Под этой Волей мы понимаем основание Божественности, которое не имеет происхождения, ибо оно держит само себя, о чем мы лучше умолчим, ибо оно вне природы.

9. Поскольку мы всё же пребываем в природе, мы не познаем его в вечности, ибо в Воле Божество само есть всё, и вечная первостать Его собственного духа

и всех сущностей. В Воле Он всемогущ и всезнающ, и все же в этой Воле не зовется и не считается Богом, ибо в ней нет ни добра, ни зла — это вожделеющая Воля, которая есть начало и конец, ибо конец создает и начало этой Воли, а начало опять создает конец. И [мы] находим, что все сущности заключены в один глаз, это подобно зеркалу, в котором Воля рассматривает самое себя, чем же она является, и в этом созерцании она начинает вожделеть сущности, каковой сама является, а вожделение это вовлечение (Einziehen), но ничего ведь нет, что могло бы быть вовлечено, а Воля в вожделении зачинает (zeucht[3]) саму себя, и моделирует себе в своем вожделении, чем она является, и эта же модель есть зеркало, в котором Воля видит, что она есть. Ибо это подобие Воли, и мы осознаем то самое зеркало (где Воля непрестанно себя созерцает и осматривает) как вечную мудрость Божью, ибо она — вечная Дева, не имеющая сущности, и все же [она] зеркало всех сущностей, в котором от вечности увидены все вещи, что могло бы или должно было стать.

10. И вот это зеркало тоже не собственно в*и*дение, напротив, воля, которая вожделеет, это оно, — исходящая страсть воли, которая исходит из воли, она есть дух и создает в страсти вожделения зеркало. Дух есть жизнь, а зеркало есть откровение жизни, иначе

---

[3] Говоря иначе, *втягивает, вовлекает в себя самоё себя.* См. прим. к п. 20 гл. 5 первой части — о смысловых пересечениях глаголов *ziehen (тянуть, втягивать) и zeuchen (зачинать, зарождать).*

дух не познал бы сам себя; ибо зеркало как мудрость это его основание и вместилище, это обретение духа, поскольку дух находит себя самого в мудрости. Мудрость без духа не является сущностью, а дух без мудрости не очевиден самому себе, и один без другого были бы бездной.

11. Итак, мудрость как зеркало Божественного духа сама по себе нема и для Божества как духа является телом, в котором дух живет. Оно (зеркало) есть девственная матка, в которой дух открывается, и существенность Бога, то есть святой божественный сульфур, схваченный в воображении духа, бездны вечности. И это зеркало или сульфур есть вечное первое начало и вечный первый конец, и во всем уподобляется глазу, потому что и дух видит, чем он в нем является и что он желал бы открыть.

12. У этого зеркала или глаза нет основания и границы, как нет основания и у духа, как только в этом оке. Оно полностью целостно, неразделимо, ибо ведомо нам, что бездна не может быть разделена, ибо нет ничего, что делило бы — вне духа нет движения. Итак мы узнали, *что* есть вечный дух в мудрости, и *что* есть вечное начало и вечный конец.

ГЛАВА II

ИСТИННЫЕ ДРАГОЦЕННЫЕ ВРАТА СВЯТОЙ ТРОИЦЫ, ГЛАЗ СВЕТА ЖИЗНИ. О БОЖЕСТВЕННОСТИ ВНЕ ПРИРОДЫ

1.

Когда же мы узнаём, что вечное начало в бездне есть вечная Воля в себе самой, о чьей первостати не должна знать ни одна тварь, то нам, однако, всё же дано знать и познавать в духе ее основание, которое она создает в себе самой, в которой она покоится. Ибо Воля тонка, как Ничто, потому она вожделеет: она хочет стать чем-то, чтобы быть в себе очевидной, ибо Ничто побуждает Волю к вожделению, а вожделение — это воображение, в котором Воля замечает себя в зеркале мудрости, так она воображается из бездны в саму себя и сама в себе в воображении создает основу, и беременит себя воображением из мудрости, как из девственного зеркала, которое без Воли есть нерожавшая матка.

2. Беременность возникает не в зеркале, но в Воле, в воображении Воли. Зеркало вечно остается нерожающей Девой, но Воля беременеет при виде зеркала; ибо Воля есть Отец, и беременность в Отце как в Воле — это сердце или Сын, ибо это основние Воли как Отца, ибо в основании стоит Дух Воли и в основании исходит из Воли в девственную мудрость. Так воображение Воли

как Отец зачинает в себе видение или образ зеркала, как чудеса силы, красок и добродетели, и с тем беременеет блеском мудрости с силой и добродетелью. Это сердце Воли как Отца, в котором безосновная Воля через и в вечное безосновное воображение обретает основание в самой себе.

3. Так мы познаем беременность Отца, как центр духа вечности, где вечный дух непрерывно постигает себя, ибо Воля — это начало и движение или вовлечение (Einziehen) в воображение, как к зеркалу мудрости, это вечный безосновный дух, который изначально стоит в Воле и постигает себя в центре сердца, в силе вовлеченной мудрости, и является жизнью и духом сердца. Если вечная безосновная Воля и была сама по себе нема, то почерпнутое из мудрости (что зовется сердцем или центром) есть Слово Воли, ибо это есть звук или сила и является устами Воли, которые делают Волю откровенной, ибо воля как Отец, который движением духа изрекает силу в зеркало мудрости, и с изречением исходит из Воли Дух, из Слова уст Божьих, как из центра сердца, в изреченное, как в девственное зеркало, и открывает Слово жизни в зеркале мудрости, так что в мудрости становится явной тройственная сущность Божества.

4. Так мы познаем вечную безосновную Божественную сущность и в ней три персоны, отдельные друг от друга, как то вечная Воля, которая есть первопричина всего сущего, которая является первой персоной: она, однако, не есть сама сущность, но причина

сущности, и свободна от бытия, ибо она — бездна. До нее нет ничего, что ее дало бы, но она дает себя сама, об этом мы ничего не знаем. Она есть всё, но при этом едина в себе, без сущности — Ничто; и в этой единой Воле возникает вечное начало через воображение или вожделение, и в вожделении Воля сама себя беременит из глаза мудрости, который пребывает с волей в той же вечности без основы и начала, как сказано выше. Эта беременность есть основание Воли и сущности всех сущностей и есть Сын Воли, ибо Воля рождает этого Сына из вечности в вечность непрерывно, ибо Он ее сердце или Слово, как звук или откровение бездны тихой вечности, Он — уста воли или разум, и, конечно, иная персона, чем Отец его, ибо он откровение Отца, Его основание и сущность, ибо Воля не является сущностью, но воображение Воли создает сущность.

5. Итак вторая персона есть сущность Божества (понимай: сущность Св. Троицы), уста и откровение сущности всех сущностей и сила жизни всех жизней.

6. Третья личность — это Дух, который с обретением Воли через воображение исходит из силы говорения, из уст Отца в глаз как в зеркало мудрости, которое, однако, свободно от Воли и также от Слова. И пусть даже порождает его из Слова, все равно оно свободно, как воздух от огня. Как видно же, что воздух есть дух и жизнь огня, но все же отличен от огня, хотя огонь его и дает. И как видно, что воздух дает живое и созидающее небо, которое сияет и движется, так и Святой Дух есть жизнь Божества и иная персо-

на, чем Отец и Сын; Он исполняет и другую службу, Он открывает мудрость Божью, чтобы явились чудеса, как воздух открывает всю жизнь этого мира, чтобы всё жило и росло.

7. Таков краткий набросок Божества в бездне, как Бог живет в себе самом и есть свой собственный центр и родильница. Но на этом человеческий дух (Gemüth) не успокаивается, он спрашивает о природе, о том, из чего рожден этот мир и всё это создано. Так далее и следует текст Принципа (Principii), куда мы пригласили разум в гости.

ГЛАВА III

ОЧЕНЬ СТРОГИЕ ВРАТА [О ТОМ,] КАК БОГ НЕОЧЕВИДЕН КРОМЕ КАК В ПРИНЦИПЕ ОГНЯ; ДАЛЕЕ О ВЕЧНОЙ СУЩНОСТИ И О БЕЗОСНОВНОЙ ВОЛЕ

1.

Ты показали этим описанием, *что* есть Божество вне природы, из чего следует воспринять, что Божество, что касается трёх персон, с вечной мудростью свободно от природы и что Божество имеет еще более глубокое основание, чем принцип в огне. Но Божество, однако, без принципа было бы не очевидно; понимай Божество вне принципа, подобное виду великих чудес, когда никто не знает или не может познать, *что* бы это было, где все краски, сила и добродетель являются в совершенно ужасающей сущности, которая выглядела бы непохоже ни на одну сущность, но — на ужасное око чудес, где были бы неразличимы ни огонь, ни свет, ни тьма, но — зрелище такого духа в глубочайшей синей, зеленой и смешанных красках, где все краски лежат втуне, и всё же ни одна не была бы узнана среди других, но походила бы на молнию, чей вид всё приводил бы в смятение и поглощал.

2. Итак, нам нужно познать вечную сущность, как вечный дух вне огня и света, ибо он есть вожделеющая воля, которая саму себя обращает в Дух. И этот

дух есть вечная способность бездны, в которой бездна приводит себя к основанию, из которого происходит всё сущее. Ибо каждый образ в духе есть воображение, вожделеющая воля, и жаждет проявиться. Каждый образ вынашивается своим воображением, и каждый образ жаждет проявиться: потому зеркало взгляда является чудом сущности всех сущностей, и чудесам нет ни числа, ни основы, ни конца, это чистое чудо, коего понимание описать невозможно, ибо душевный дух, который из этого чуда исходит, один понимает это.

3. И затем мы постигаем, как эта безосновная Воля из вечности в вечность непрестанно вожделеет, именно открыться, изведать себя, *что* она такое, ввести чудеса в сущность и в чудесах обнаружить себя. А вожделение это воображение, которое Воля в себя втягивает[1] и беременеет, и воображением себя самоё затеняет или созерцает, так что из свободной Воли возникает противоположная воля (Widerwille) — освободиться от затенения, как от тьмы, ибо втянутое является тьмой свободной Воли, поскольку иначе, вне воображения, она была бы свободна, но и все же в себе самой вне воображения была бы ничем, и, значит, в вожделении изначально присутствует противоволие. Ибо вожделение притягивает, а первая Воля тиха и в себе самой сущности не содержит, но беременит себя вожделением, так что полна сущностью, именно чудесами и силой, которые ее затеняют, и создает из себя тьму, в которой затем в вовлеченных силах формируется вторая воля — вы-

[1] Или: «зачинает».

йти из темной силы в свободу. Эта вторичная воля является волей сердца или Слова, ибо она есть первопричина Принципа, отчего колесо страха разжигает огонь; так сквозь страх, то есть через огонь, Он исходит потом сиянием света, то есть величия, в чем становится тогда очевидной сущность Св. Троицы, и получает по всему дорогое имя Божье — Бог. Этим, стало быть, подразумевается:

4. Первая Воля, как Бог Отец, который был и остается вечно свободен от муки страха, какова есть Воля в себе самой, но Его вожделение беременеет, и в вожделении первородствует (urständet) природа с образами, и природа живет в Воле (в Боге), а Воля в природе, и всё же смешения нет, ибо Воля тонка, как Ничто, потому она неосязаема, она не постигается природой. Ибо, если бы она хотела быть постижимой, то в Божестве была бы лишь одна персона. Он, конечно, первопричина природы, но Он был и остается в вечности все же иным миром в себе, и природа также остается иным миром в себе, ибо она пребывает в силе эссенции, из которой происходит Принцип, ибо чистое Божество в величии пребывает не в эссенции или Принципе, но в свободе вне природы; но сияющий из Принципа свет делает неосязаемую и безосновную Божественность откровенной. Он дает сияние величия, и все же не содержит его в себе, а берет из зеркала девственной мудрости, из свободы Бога. Ибо, если бы не было зеркала мудрости, то не могли бы родиться ни огонь, ни свет. Все берет начало от зеркала Божественности. Это еще предстоит понять.

5. Бог в себе есть бездна[2], как первый мир, о котором ничего не знает ни одна тварь, ибо она с духом и телом стоит только в основании. Да и Бог тоже не был бы явен Себе в бездне, но Его мудрость от вечности становилась Его основанием, к которому затем потянуло и вечную Волю бездны Божества, из чего возникло божественное воображение, так что безосновная Воля Божества от вечности в воображении беременела силой видения (Vision) или образом зеркала чудес. Вот в той беременности должна быть понята вечная первостать двух Принципов, как то: 1) вечной тьмы, из которой берет свое начало огненный мир; 2) существенность ярости во тьме, под которой мы понимаем Божий гнев и бездну (Abgrund) природы и тем самым познаем огненный мир как большую жизнь.

6. В связи со вторым мы понимаем, как из огня рождается свет, и как между огненным миром и миром света пролегает смерть, как свет сияет из смерти, и как светозарный мир является в себе иным Принципом и мукой, чем огненный мир, и все же неотделим один от другого, и не могут один другого охватить. И 3) мы понимаем, как мир света наполняет вечную свободу, как первую Волю, которая зовется Отцом; 4) также понимаем в этом серьезно и основательно, как естественная жизнь, которая хочет жить в светозарном мире, должна пройти через смерть и быть из смерти рожденной, но пойми, какая жизнь происходит из тьмы, то есть из эссенции темной существенности, как из души человека, которая в Адаме

[2] Или: «безосновность».

из огненного мира вошла в темную существенность. Потому мы все-таки 5) основательно и истинно понимаем, почему Бог, то есть сердце Бога стало человеком, почему Он должен был умереть, войти в смерть и разбить свою жизнь в смерти, и затем ввести сквозь огненный мир в светозарный мир, и почему мы, наконец, должны последовать за Ним; 6) почему многие души остаются в огненном мире и не могут пройти через смерть в мир света; и что есть смерть, а также, что есть душа. И вот, это следует:

7. Если мы рассмотрим, что есть жизнь, мы обнаружим, что она пребывает, главным образом, в трех частях: в вожделении, душе (Gemüthe) и разуме. Если мы будем исследовать дальше, *что* это такое, что это есть, мы найдем центр как эссенциальное колесо, которое само в себе имеет огненного кузнеца. Если же мы дальше поразмышляем [о том], откуда возникает эссенциальное огненное колесо, то мы найдем, что оно возникает в вожделении вечной безосновной Воли, которая вместе с вожделением образует для себя основание, ибо любое вожделение терпко или притягивает [то], чего воля вожделеет, но нет перед ней ничего, что она могла бы вожделеть, как только себя саму.

8. Это великий глаз чудес без предела и основания, где Всё лежит втуне, и всё же это Ничто, разве что в вожделеющей Воле оно будет превращено в Нечто, что происходит через воображение, в котором оно становится субстанцией, где оно все еще есть Ничто, ибо это лишь затемнение свободной Воли, каковая сущность затемняет свободу или тонкую непостижимую Волю, так

что становятся два мира: первый, который сам по себе неосязаем и неуловим, бездна и вечная свобода; второй, который сам собой овладевает и делается тьмой. И один от другого неотделим, с тем одним различием, что тьма не может достигнуть свободы; ибо та слишком тонка и живет сама в себе, как и тьма живет в самой себе.

Очень строгие врата

9. Итак, здесь мы понимаем: 1) как вторая воля Отца, которую Он обретает в зеркале мудрости, в центре Своего сердца, беременеет существенностью в воображении Отца, и эта беременность в сравнении со свободой первой Воли (которая зовется Отцом) есть тьма, и в этой тьме или существенности лежит в воображении вся сила, краски и добродетели, к тому же все чудеса; и понимаем 2) как сила, чудо и добродетель должны стать явными посредством огня, как в Принципе, в котором Всё вступает в свою эссенцию, ибо в принципе берет начало эссенция. И понимаем 3) очень серьезно, что в Принципе, прежде, чем образуется огонь, есть умирание как великая жизнь страха, которая, правда, не умирание, но терпкая, суровая, умирающая мука, из которой зарождается великая и сильная жизнь, то есть жизнь огня, и затем из умершего — жизнь света, с силой любви, которая живет с любовью в вечной свободе, то есть в первой Воле, что зовется Отцом, ибо того жаждет Отец в Его собственной Воле, которая есть Он Сам, и более ничего. Это вот, следовательно, поймите:

10. Вы видите и знаете, что нет света без огня и нет огня без суровой муки, каковая мука сравнима с умиранием; и существенность, из которой горит огонь, должна, значит, тоже умереть и быть поглощенной. Из поглощения возникают два Принципа двух великих жизней. Первая — в муке, и зовется огонь, вторая — из отжившего, то есть из смерти, и зовется свет, который вне материи и муки, но несет в себе всю муку, но не ярости, ибо ярость осталась в смерти, и жизнь света расцветает из смерти, как прекрасный цветок, и становится больше не достижима для смерти, как вы, конечно, видите, как свет обитает в огне, и огонь не в силах подвинуть его, так же и впрочем нет ничего, что могло бы подвинуть свет, ибо он подобен вечной свободе и живет в свободе.

11. Здесь становится понятно, как Сын является иной персоной, чем Отец, ибо Он (Сын) — это мир света, но живет в Отце, а Отец рождает Его в Своей Воле. Он воистину есть любовь Отца, также чудо, цель и сила, ибо Отец рождает Его в Своем воображении в Себе самом, и проводит Его через Свой собственный огонь, то есть через Принцип, через смерть; чтобы, следовательно, Сын создал и воплотил Собой в Отце иной мир или иной Принцип, чем мир огня во тьме.

12. Итак, вы понимаете также, как вечный дух Отца разделяется в трех мирах, то есть: 1) Он есть исход из воображения первой Воли бездны, которая там зовется Отцом, исходом же Он являет мудрость и в мудрости обитает и носит ее на себе как облачение великого чуда.

13. И затем, во-вторых, Он служит причиной появления существенности тьмы, второго мира, и причиной и духом к возникновению эссенциального огня. Он сам мука в страхе Принципа, а также огненный мир, как великая жизнь.

14. И затем, в-третьих, Он, опять же, сам — тот, кто в умирании Принципа выводит из огня силу, которая из страха и из смерти отделяется от смерти и выходит в свободу, и живет в свободе и создает мир света. Так Он есть пламя любви в мире света. И здесь, на этом месте, начинается дорогое имя Бога Отца, Сына и Святого Духа. Ибо в огненном мире Он зовется не Св. Духом или Богом, но Гневом Божьим, Божьей Яростью, согласно которым Бог зовет себя огнем поядающим; но в мире света, как в Сыне Божьем, Он — сам есть пламя любви и сила святой божественной жизни, здесь Он зовется Богом Св. Духом. И мир света зовется чудо, цель и сила Божества, Его раскрывает Св. Дух, ибо Он есть жизнь внутри него, и всё вместе, чего может достичь наше сердце и разум, не что иное, как только эти три мира: всё заключено в них. Во-первых, вечная свобода, а в ней свет с силой в зеркале мудрости, она зовется Богом Отцом, Сыном и Св. Духом. А второй [мир] это темная существенность воображения в терпкой вожделеющей Воле, беременность вожделения, где всё пребывает во тьме, как в постоянной страшной и ужасающей смерти. А третий — огненный мир, как первый Принцип, который возникает в ужасе, как великая, сильная, всемогущая жизнь, внутри которой живет, но огнем не постигается мир света.

ГЛАВА IV

О ПРИНЦИПЕ И ПЕРВОСТАТИ ОГНЕННОГО МИРА, О ЦЕНТРЕ ПРИРОДЫ, И КАК ОТДЕЛЯЕТСЯ СВЕТ ОТ ОГНЯ, ТАК ЧТО ДВА МИРА ИЗ ВЕЧНОСТИ В ВЕЧНОСТЬ ПРЕБЫВАЮТ ДРУГ В ДРУГЕ

1.

Мы хотим писать не сокровенно, а открыто. Мы познаём и знаем, что каждая жизнь изначально пребывает в страхе, как в яде, который есть умирание, но всё же является и собственно жизнью, как это познается на человеке и на всякой твари. Ибо без страха, или яда, жизни не бывает, как это хорошо видно во всякой твари, в особенности в человеке, который стоит в трех Принципах, как первый — в огне, в котором пребывает великая огненная жизнь, которому (огню) принадлежит умирающий яд, как то желчь, каковой яд создает кладовую страха, где берет свое начало огненная жизнь: а из огненной жизни — второй Принцип, как жизнь света, откуда происходит благородная душа (Gemüth) с чувствами, в которой мы несем свой благородный образ, и понимаем, как изначально стоит в сердце огненная жизнь от смерти желчи. А третий Принцип мы различаем во второй кладовой страха, как то: желудке, где мы запасаем четыре элемента со звездами, ибо вторая кладовая страха это третий центр, то есть царство этого мира, смрад и злой дом муки, в котором порождается третья жизнь,

то есть жизнь звезд и элементов, и через внешнее тело правит посредствам разума третьего Принципа.

2. Но теперь мы очень хорошо понимаем, что в сердце, в центре огня скрыт второй мир, непостижимый для дома муки звезд и элементов, ибо сердце стремится к этому миру, а дух, рожденный и рождаемый из смерти сердечного яда, обладает этим вторым миром, ибо он свободен от яда, которым разжигается огонь, и, тем не менее, живет в огне сердца, но своим воображением он ловит в воображение другой мир свободы и живет в свободе вне муки огня, насколько он, конечно, устремляет желание к Богу.

3. Коль скоро в человеке заключено такое тройное правление, тем более таково оно вне человека, ибо, если бы этого не было, то не смогло бы оно появиться в человеке. Ибо где нет ничего, там ничего и не становится; но если что-то становится, то оно становится из того, что там уже есть. Любое воображение строит в себе лишь себе подобное и является в подобии. Ибо, если сущность всех сущностей есть вечное чудо в трех Принципах, то и порождает она только чудеса, каждый Принцип по его качеству, и каждое качество опять же из его воображения, из чего мы познаем, что вечное есть чистое чудо. Так вот об этом чуде и надо поразмыслить и рассмотреть вид и качество вечной родильницы, ибо не может быть никакого качества, кроме как у нее есть матка, которая и родит.

4. Так вот, мы понимаем в великом Чуде всех чудес (каковым является Бог и вечность с природой) семь

отдельных маток, из которых берет начало сущность всех сущностей. Всё же все семеро это только Одна единая сущность, и нет [среди них] ни первой, ни последней: они все семеро одинаково вечны и безначальны. Их начало это явление чудес вечной единой Воли, которая зовется Богом Отцом, а семь маток не могут быть явлены, чтобы единая вечная Воля, зовущаяся Отцом, не стала вожделеть. Но если она вожделеет, то становится воображением в себе самой. Это желание (Lust) найти саму себя; она и находит себя в воображении, и находит в себе преимущественно семь образов (Gestalten), где ни один не является другим, но и ни один не существует без другого, напротив, каждый порождает другого. Не будь одного из них, не было бы и другого, и тогда Воля осталась бы вечным Ничто, без сущности, сияния и блеска.

5. Поскольку же Воля всё-таки вожделеет, то она втягивается (ist er einziehend) тем, что есть в воображении; но поскольку нет ничего, то она втягивает (зачинает — zeucht) сама себя и беременеет в воображении, а не в Воле, ибо Воля тонка, как Ничто.

6. Ну, а любое вожделение терпко, ибо это его качество. Это первая матка, а втягивание Воли в вожделение это вторая матка, ибо это два образа, которые противны друг другу, ибо Воля тиха, как Ничто, и терпка, как тихая смерть, а втяжение это ее порыв. Этого тихая воля в терпкости не может снести и втягивается (zeucht) гораздо резче в себя, и, однако, втягиваясь, лишь заостряет свою собственную Волю и своим

резким втягиванием хочет закончить и остановить втяжение, но только возбуждает его таким образом. Чем тверже деревенеет терпкость, чтобы сдержать шип, тем только больше становится шип, свирепость и прорыв, ибо шип не хочет позволить себя обуздать, потому все же сурово удерживается своей маткой, чтобы он не мог попятиться. Он хочет [быть] над собой, а его матка — под собой, ибо терпкость зачинает (zeucht) [себя] в себе и тяжелеет, и есть погружение под себя, ибо оно образует в сульфуре (Sulphur) Фур (Phur), а в Меркурии Суль (Sul), и шип образует в Фуре горький образ, как боль, враждебность в терпкости, и всегда хочет вырваться из терпкости, но всё же и не может. Так одно поднимается над собой, а другое [опускается] под себя[1]. И поскольку потом это [разделение] также невозможно, оно начинает вращаться, как колесо, и вращается всегда внутрь себя. Это вот — третий образ, откуда берут начало эссенция и чудо множественности без числа и основания. И под этим колесом понимаются чудеса или сила, которые Воля, а именно первичная безосновная Воля зачинает в себе из зеркала бездны как свой центр или сердце, это здесь воля силы и чудес. И в этом

[1] В этом, кажущемся путанным, описании *самозачатия* мира в Божественной Воле и образования «колеса Меркурия», — источника вечного, непрерывного и всесторонне направленного движения в мире, — читателю необходимо постоянно помнить, что только еще *образующиеся* волящие, с позволения сказать, субъекты пока лишены сущности (Ничто) и едины в «себе» — это местоимение постоянно подразумевает «в себе» оба «противных» друг другу образа.

колесе великого страха берет свое начало вторая воля или воля Сына выйти из страха в тихую свободу первой безосновной Воли, ибо колесо создает Природу, так возникает Природа — центр и разрыв тихой вечности; он не умерщвляет ничего, но создаст великую жизнь.

7. А что мы всё-таки говорим об умерщвлении, это [вы] поймете по пути: это не умерщвление, но чувствительность, ибо жизнь до огня нема, нечувствительна, это лишь голод по жизни, как и материальный мир это лишь голод по жизни, и в своем голоде тяжко работает вплоть до Принципа, чтобы достичь огня, в котором, наконец, возникает внешняя жизнь этого мира, и не может иначе, как только разбивая первую матку как терпкое вожделение, то есть колесо первых трех образов или терпкость, и притяжение терпкости создает сущность страха и муки. Ибо оно есть испуг в себе самом, в котором Ничто должно прийти в чувствительность, ибо это мука яда, из чего происходит ярость и все зло, и вместе с тем это истинный исток чувствительной жизни. Ибо жизнь находит себя именно в муке страха, как это видно во всех тварях, что жизнь обретает свою первородность в застывшей крови, в страхе, обе — тварная и эссенциальная жизнь, как в вонючем навозе в гниении, где в умирании зерна взрастает величайшая жизнь, и всё же в эссенции, понятно, нет умирания, но есть мука страха, ибо матка, немая существенность, должна разорваться, как подсказывает зерно, поскольку эссенциальная жизнь прорастает из разрушения.

8. Подобным же образом дело обстоит и с центром природы. Мука страха есть истинный центр, создающий треугольник в Природе; и огненная молния, как четвертый образ Природы, образует из треугольника крест, ибо в нем содержится Принцип, и разделяется на два мира двух Принципов — на муку и жизнь двух видов, то есть одна мука остается и есть огонь или жизнь страха, а вторая мука возникает в разрушении страха. Это, стало быть, поймите. Первый образ существенности, то есть терпкость, в неосязаемой вожделеющей воле должен в колесе природы полностью предаться муке страха, ибо шип становится очень силён. Так что терпкость опускается, как смерть, и всё же это не смерть, а смертная мука; ибо шип становится господином и обращает терпкость в свое качество, то есть в свирепую молнию, в муку страха, которая от шипа и терпкости горька, как свойственно яду. Ибо у яда или умирания преимущественно три образа: терпкий, горький и огненный страх, который сам себя создает в себе, и нет у него творца, кроме сильной воли к великой жизни в огне.

9. Итак, поймите нас верно! В бездне нет жизни, но как раз в такой сущности и рождается вечная жизнь. В бездне нет движения или чувства; и так вот рождается движение и чувство, и тем находит себя ничто в вечной воле, основания которой мы не знаем, да и не должны исследовать, ибо это ввергает нас в смятение. И это лишь эссенциальная жизнь без разума, подобная земле и смерти или умиранию, где,

правда, есть одна мука в себе, но во тьме, без разума, ибо терпкий страх втягивает в себя, а втянутое создает тьму, и жизнь страха пребывает во тьме. Ибо каждая сущность в себе самой темна, разве что имеет тинктуру света в себе. Так тинктура есть свобода от тьмы, и не охвачена (ergriffen) мукой страха, ибо пребывает в мире света, и хотя она одновременно содержится в существенности, в темном теле, всё же она из сущности мира света, где невозможен охват (Begriff[2]).

10. Выше было сообщено, во-первых, о зеркале мудрости чудес всякой сущности, и далее о тройственности сущности всех сущностей, как она происходит из единой вечной Воли, зовущейся Отцом всех существ; и как Он обретает в себе вторую волю — открыться в себе или найти [себя], или, как можно было бы сказать, ощутить, что Он и каков Он есть. И затем, как та самая вторая вновь обретенная магическая воля ощутить себя есть Его сердце и собственная обитель и как первая безосновная Воля воображением беременит себя саму из зеркала чудес, которое в мире света зовется мудростью. И далее мы изложили, почему та самая первая безосновная Воля вместе с зачатием и зеркалом чудес или мудростью по этому качеству до

---

[2] Меняя префиксы (*er — be*), Бёме трансформирует смысл «охвата» ближе к значению «понятия». Во внутренней форме глагола *begreiffen* и в его производных (*Begriff*) еще более явно, чем в его русском эквиваленте — *понимать* — и его производных (*понятие*), сохранился для слуха смысл внешнего действия: обнимания, схватывания.

принципа огня правильно не называется божественной сущностью, но гораздо более Мистериумом чудес всех сущностей, каковой Мистериум разделяется в огне на бесконечные части или сущности, и остается все-таки только Одной сущностью.

11. Так дадим теперь вам далее понятие о второй воле, которую первая Воля обретает в своем воображении или обеременении, которая является Великим Мистериумом, в котором первая Воля, что зовется Отцом, ищет себя, находит и ощущает как жизнь в сердце, как [получается] что та самая вторая воля есть матка родильницы, во втянутом или в воображении запечатленном зачатии. Это именно она обуславливает семь образов природы; и это она же обуславливает колесо страха, то есть умирание. И это она же, кто в страхе через смерть исходит в свободу и разбивает смерть и дает жизнь; кто зажигает огонь и в огне принимает в себя блеск величия, и в свете величия живет в огне, недоступная огню, как некто, кто ничего не чувствует, кто умер для муки, и несет в себе другую муку, которая не чувствует первую, для которой он умер.

12. А чтобы мы коротко, к тому же основательно и по существу разъяснили вам первичное состояние огня, мы в открывшейся нам милостью Божьей глубине познаём, что огонь в своем происхождении стоит на двух основаниях, как то: Одно основание — это дух Воли сердца, понимай, Отца второй Воли, то есть Сына; второе основание — это материя Воли, то есть чуда колеса эссенциальной жизни и камеры стра-

ха. Страх тоскует по Воле свободы, а Воля тоскует по откровению, ибо Воля в тихой свободе не может открыться сама без эссенциальной жизни, которая в страхе, как умирании, приходит к откровению, как к великой жизни.

13. Так что воля пребывает в темном страхе, а страх сам есть тьма. И так как страх остро тоскует по Воле к свободе, то принимает его в себя Воля к свободе, как молнию, как великий испуг, как будто в огонь вылили воду; здесь происходит действительное умирание, ибо совсем яростный темный страх пугается вспышки, как тьма боится света, ибо тьму убивают и преодолевают, а испуг является испугом великой радости. Тогда яростный терпкий яд погружается в смерть и становится бессилен, ибо он теряет шип, и всё-таки это не смерть, а, напротив, зажигается истинная жизнь чувствования и стремления, ибо это точно, как если ударяют сталь и камень друг о друга, ибо это два великих голода: Воли по существенности, а существенности по жизни. Воля дает жизнь, а существенность дает откровение жизни. Подобно тому, как огонь горит из свечи: так горит Воля из эссенциальной существенности. Воля не есть сам свет, но дух света или огня; свет происходит из эссенции, а эссенция опять-таки из Воли. Боязливый эссенциальный огонь есть материя для светящего огня, и Воля разжигает себя в эссенциальном огне и дает белый ласковый огонь, который живет в жарком огне, не чувствуя. Воля принимает свое чувствование от ярости эссенциального огня в четвертом

образе, так что она становится явна себе, и остается всё же свободна от ярости, ибо мука в возгорании превращается в кроткий поток любви.

14. И здесь вторая воля принимает свое имя — Дух, ибо из эссенциального огня он получает свойства всех чудес и также истинную жизнь силы и власть над эссенциальной жизнью огня, ибо он вбирает в себя от природы силу и несет также в себе свободу: так свобода есть тишина без сущности. Так вот, тихая свобода входит в сущность страха, а страх обретает эту самую свободу без муки, что дает ему столько радости, что страх превращается в любовь (пятый образ природы), ибо воля, которая вошла в страх, избавляется от смерти страха: потому обретает она себя в свободе и выходит из страха-ярости. Ибо здесь смерть разрушается и все же остается смертью в себе самой, но дух воли, как истинно священная жизнь, выходит с этим взрывом из страха, и она тоже огонь, но огонь в свободе, и горит в муке любви; как это видно в огне и свете, как эссенциальный огонь это жгучая боль, а свет — радостная благодать, без ощутимой муки; имеет в себе, однако, всю муку и качество огня, но в другой эссенции, как радостную благодатную эссенцию, истинный вид царства радости, а огонь — вид ужаса и страха, а живут всё же один в другом, и один без другого также не находятся муке эссенции.

15. Итак, два мира пребывают друг в друге, где ни один не охватывает (begreift[3]) другого, и ничто не

[3] С равным правом — «не *постигает*».

может войти в мир света, как только через умирание, а умиранию должно предшествовать воображение. Боязливая воля должна жаждать свободы силы света и вожделеющим воображением принимать силу свободы. Тогда сильная воля пройдет через смерть тьмы, через эссенциальный огонь, и разорвет тьму и впадет в мир света, и заживет в огне без муки, в царстве радости. И это врата в Ternarium Sanctum[4] и вера в Св. Дух, дорогие дети человеческие!

16. Здесь вы понимаете падение дьявола, который направил свой дух воли лишь в эссенциальный огонь, и с тем хотел властвовать над светом. И поймите здесь также падение человека, который направил свое воображение в материальную эссенциальную существенность и вышел из света, чего ради воля любви из мира света вновь вошла в материальную существенность в человечестве и вновь обручилась и предалась эссенциальному духу огня в человеке, то есть душе, и провела её через смерть и огонь в мир света, в Ternarium Sanctum, как в Волю Святой Троицы.

17. Пусть это будет вам обретением и знанием! Не пренебрегайте этим из-за большой глубины, которая не каждому будет понятна. Причина [тому] — тьма, в которую вверг себя человек. Иначе, пожалуй, каждый это отыскал бы, когда земной путь был бы разрушен, и злая Адамова плоть не была бы так дорог*а*, что и есть препятствие.

---

[4] Святая Троица — *лат.*

ГЛАВА V

О ПРИНЦИПЕ В СЕБЕ САМОМ, ЧТО ОН ЕСТЬ?

1.

Нам надо далее рассмотреть первые четыре образа природы, так мы найдем, что есть принцип. Ибо собственно принцип это есть то, где становится вещь, которая этим никогда не была, где из Ничто образуется мука, а из муки — истинная жизнь с разумом и чувствами. И познаем, опять-таки, истинный принцип в первостати огня, в огненной муке, которая разбивает существенность и тьму. Так мы познаем эссенцию и качество огня как принцип, ибо он создает и дает начало жизни и всему движению, а также сильную власть ярости.

2. А Вторым мы познаем также как еще один принцип то, что способно жить в огне недосягаемо для огня, что может отобрать у огня его власть и обратить муку огня в кроткую любовь, что всесильно сверх всего, что имеет разум разбить огню его корень и сделать из огня тьму и тощий голод и жажду без ощущения малейшего утоления, какова мука ада: это бездна, где томится сущность, где смерть вонзает свой шип, как изнуряющий яд, где, хотя и есть втуне эссенциальная жизнь, но она враждует сама с собой, где не достига-

ется возгорание настоящего огня, но вспыхивает лишь как бы молния без горения.

3. И даем вам, таким образом, понять, что в вечном имеются не более чем два принципа: 1) горящий огонь, который наполняется светом, дающим ему свое качество, так что из горящей муки получается высокое царство радости, ибо страх достигает свободы, а горящий огонь остается лишь причиной обретения жизни и света величия. Огонь принимает в себя качество света, то есть кротость, а свет принимает в себя качество огня, то есть жизнь и обретение себя. А второй принцип понимается под светом, но эссенциальная существенность, из которой горит огонь, вечно остается тьмой и мукой ярости, в которой живет дьявол, как видно, что огонь это иная вещь, чем то, из чего огонь горит. Так этот принцип стоит в огне, а не в эссенциальной муке существенности; эссенциальная мука есть центр природы, причина принципа, но он (центр природы) темен, а огонь светит: и здесь верно показано, как разрушение ярости, то есть смерти, и затем вечная свобода вне природы, — то и другое вместе являются причиной света. Ибо этого жаждет дух чудес бездны, именно обрести свет; и ради этого он вводит себя в муку, чтобы обрести и ощутить себя, чтобы раскрыть свои чудеса в муке, ибо без муки нет и откровения.

4. Итак, поймите нас теперь дальше. Мука как ярость не имеет истинной существенности, напротив, терпкая ярость это существенность шипа, в которой

он колет, и страх вместе с огнем не являются и не образуют истинной существенности, напротив, это лишь подобие духа, тем не менее, один должен быть плотнее, чем другой, иначе невозможно обретение, ведь терпкость делает плотным и темным. Так что горький шип находит страх в терпком, темном качестве, как в своего рода материи; ибо не будь материи, не было бы и духа или обретения. Бездна находит себя в терпкой тьме, но она разрывает тьму и выходит из терпкой тьмы как дух, который нашел себя в муке страха, он оставляет эту терпкую материю тьмы, в которой себя нашел, и входит сам в себя, снова в свободу как бездну, и живет в себе самом. Так что мука должна быть его остротой и обретением и служит ему также воспламенением его свободы, то есть света, в котором он видит, ***что*** он есть.

5. Так что он теперь не жаждет больше муки для себя, ибо сам он есть мука, а формирует себя он сам и видит себя самого во всех образах, и каждый образ жаждет себя найти и проявиться, и находит себя теперь так же каждый образ в себе самом, но своим вожделением выходит из себя самого, и предстает как фигура или дух — это вечная мудрость в красках, чудесах и добродетелях, но не по отдельности, а Всё в целости, но в бесконечном образе. Эти образы с движением первой Воли, которая зовется Отцом, воплотились в духов, то есть в ангелов: так, чтобы сокрытая сущность увидела, ощутила и обрела себя в тварях и чтобы была вечная игра в чудесах мудрости Божьей.

6. Дальше мы поймем существенность мира света, что она действительно является истинной существенностью, ибо в огне не может сохраниться никакая истинная сущность, но только дух сущности. Но огонь обусловливает сущность, ибо он есть голод, суровое вожделение: он должен иметь сущность, или он погаснет. Вот что поймите попутно: кротость дает, а огонь берет. Кротость исходит из себя и дает сообразную сущность, каждый образ из себя самой, а огонь это же поглощает, но из этого же порождает свет. Он отдает нечто более благородное, чем то, что он поглотил, отдает дух вместо сущности, ибо он поглощает кроткую благодать, которая есть вода вечной жизни, и, однако, дает дух вечной жизни; как вы видите, как ветер идет из огня, так же и воздух, как истинный дух из жизни.

7. Итак, поймите нашу мысль правильно! Бог Отец есть в себе свобода вне природы, но являет себя в Природе через огонь, огненная природа это Его свойство, но Он в себе самом есть бездна, в которой нет чувства какой бы то ни было муки, но направляет свою вожделеющую волю в муку и черпает в муке вторую волю — выйти из муки снова в свободу вне муки. Эта же вторая воля есть Его Сын, которого Он от вечности рождает из своей вечной единой Воли, которого Он выводит через разрушение муки смерти, как из своей яростной суровости, через огонь. Эта же вторая воля, то есть Сын Бога Отца, Он есть Тот, Кто сокрушает смерть, то есть суровую темную муку, Кто зажигает огонь и исходит через огонь как свет или си-

яние огня и наполняет первую волю, которая зовется Отцом, ибо сияние так же тонко, как Ничто или как воля, которая зовется Отцом. Потому Он может жить в свободе, то есть в Воле Отца, и делает Отца светлым, ясным, ласковым и дружелюбным, ибо Он есть сердце и милосердие Отца: Он есть существенность Отца, Он наполняет Отца повсеместно, хотя в Нем нет ни места, ни начала, ни конца.

8. Так, теперь поймите дальше — огонь Отца поглощает кроткую сущность, как поток воды вечной жизни, в себя, в собственную эссенцию огня, и тем смягчается, тогда существенность, как подобает в огне, должна умереть, ибо огонь поглощает ее в себя и сжирает ее, но из этой прожорливости порождает живой радостный дух, это Святой Дух, который исходит, таким образом, от Отца и Сына в великие чудеса св. существенности, и открывает их вечно и всегда.

9. Итак, Божество — это вечная связь, которая не может распуститься. Так рождает Оно само себя из вечности в вечность и есть первое и всегда последнее, а это снова первое. И понимайте Отца как огненный мир, Сына как мир света и силы, а Св. Дух как жизнь Божества, то есть как исходящую ведущую силу; Всё, однако, есть лишь один Бог, как огонь и свет с воздухом лишь единая сущность, но Оно само делит себя на три части, и ни одно не может существовать без другого. Ибо огонь не есть свет, и не ветер, который идет из огня, каждое имеет свое предназначение, и каждое есть сущность в себе, каждое всё же есть жизнь дру-

гого и причина жизни другого. Ибо ветер раздувает огонь, иначе он задохнулся бы в своей ярости, так что пал бы в темную смерть, как ведь удушье является действительной смертью, ибо огонь природы угасает и больше не втягивает в себя сущности.

10. Всему этому вы имеете хорошее подобие во внешнем мире, во всех тварях, как всякая жизнь, как эссенциальная жизнь огня, втягивает в себя сущность, которая является ее пищей; и огонь ее жизни съедает сущность и из съеденного дает дух силы, такова жизнь твари. И вы видите, конечно, совершенно правильно, как жизнь берет начало из смерти. Не возникнет жизнь иначе, чем разбив то, из чего жизнь должна выйти. Всё должно войти в камеру страха, в центр, и должно достичь огненной молнии в страхе, иначе не будет поджога, хотя огонь многообразен, так же и жизнь: но из великого страха берет начало и жизнь великая, как из истинного огня.

11. Итак, дорогие дети Божьи во Христе, мы даем вам обдумать наше познание и намерение. Вначале мы сказали, что мы хотим вам показать смерть Христа, почему Христос должен был умереть и почему мы тоже должны умереть и воскреснуть во Христе. Теперь-то уж в этом описании вы видите это ясно и понимаете нашу [столь] великую ничтожность, что нам потребовалось, чтобы Слово, или жизнь св. мира света, вновь стало человеком и заново родило нас в Себе. Кто в этом ничего не понимает, тот родился не от Бога. Смотрите же, в какое пристанище привел нас Адам! Он был вытяж-

кой всех трех Принципов, полным подобием всех трех миров, и имел в своей душе (Gemüthe) и духе ангельское качество; он был введен в св. силу и существенность, в рай, то есть в Божественную существенность. Он должен был вкушать от Божественной существенности и пить воду вечной жизни, подобно ангелам, как в полной мере изложено в книге тройственной жизни, но он покинул божественную существенность и ангельское качество и вообразился во внешнее рождение, то есть в царство земной муки, которое поджег в своем падении дьявол. Он отвратил свои глаза от Бога в Spiritum Mundi или земного бога, из божественного света в свет этого мира: так он был пленен и остался в земной муке. Итак, он пал в земную бренную муку, которая господствует в нем и наполняет его. Она надевает ему плоть и снова разрушает ее, и поглощает ее в свою эссенцию, в свой эссенциальный огонь.

12. Но, поскольку душа была вдохнута в человека из духа Божьего, то есть из вечного, так что душа является ангелом, потому Бог вновь пожалел её, и вошла сила св. мира света, то есть сердца Божьего, в человеческую эссенцию, которая пребывала заключенной в смерти, в камеру страха нашей ничтожности, привлекла к себе нашу душу из нашей эссенции, взяла себе нашу смертную жизнь, провела душу через смерть, через жестокий огонь Бога Отца в мир света, разбила смерть, которая держала нас в плену, и открыла [нам] жизнь.

13. Что ж, не может и не должно быть иначе: кто хочет обрести мир света, тот должен пройти тем же пу-

тем, который проложил Он. Он должен войти в смерть Христа, и в Христовом воскресении он войдет в мир света. Равно как мы познаём, что вечное Слово Отца, которое есть сердце Отца, из вечности в вечность, через огонь Отца рождается из ярости смерти тьмы и в себе самом является истинным центром Св. Троицы, а из себя самого с исходящим Св. Духом являет светозарное величие или мир света: так вот, подобным же образом и в том же качестве и мы с нашим сердцем, умом и духом должны выйти из терпкой суровой и злой земности, из нас самих, из испорченного адамового человека, разбить и убить его нашей серьезной волей и делом. Мы должны взять на себя крест старого Адама, который тяготит нас, потому что мы живем, и должны взойти на и в крест, в центр природы, в треугольник, повторно из колеса страха родиться заново, если хотим вновь стать ангелами и жить в вечно в Боге.

14. Но поскольку такое было нам не по силам, Христос вошел в этот же центр ярости, разбил ярость и погасил его своей любовью, ибо Он принес небесную, божественную существенность в ту самую ярость, в центр камеры страха и погасил душе огонь страха, то есть ярость Отца огненного мира в душе, так что мы отныне больше не подлежим ярости, напротив, если мы предаём себя смерти Христа и выходим из старого Адама, то мы впадаем в смерть Христа, на тот путь, который Он проложил для нас; мы впадаем в лоно Авраамово, то есть в руки Христа, который принимает нас в себя. Ибо лоно Авраамово есть отворённый мир света

в смерти Христовой, это Рай, в который нас сотворил Бог; и теперь дело за тем, чтобы мы не были христианами на словах, — рисовали себе смерть Христа, а в сердце, духе и душе оставались плутами, — но чтобы мы серьезно, умом и духом (Gemüth), волей и делами вышли из злой склонности и против нее боролись. Пусть даже она нам довлеет, мы должны все же ежедневно и ежечасно этому старому Адаму убивать его волю. Мы должны делать то, чего нам делать не хочется, мы сами должны отречься от своей земной злой жизни и втянуть в себя жизнь Христа; лишь тогда Царство Небесное терпит насилие, и кто применяет силу, стяжают (ziehen[1]) его себе, как говорит Христос[2].

15. Так мы беременеем Царством Небесным и входим в смерть Христа при живом теле, и обретаем тело Христово как божественную существенность; мы носим Царство Небесное в себе. Значит, мы Христовы дети, члены [тела Его] и наследники в Царстве Божьем, и подобие св. божественного мира, который есть Бог Отец, Сын, Св. Дух и их Св. Троица, существенность. Все, что рождается и открывается из мудрости, это наш Рай, и в нас не умирает ничего, как только мертвый Адам, земной и злой, которому мы здесь и без

---

[1] Бёме продолжает лейтмотив «втягивания — зачатия» (см. сл. пассаж!), потому меняет глагол в этом (одном из излюбленных им) месте Евангелия. У Лютера — reißen — более стремительное, резкое движение.

[2] Ср.: «<...> Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11:12).

того сломали его волю, которому мы стали врагами. Наш враг лишь отступает перед нами, он должен идти в огонь, понимай — в эссенциальный огонь, в четыре элемента, и в мистериум, и должен в конце этого времени быть испытан огнем Божьим, должен снова представить нам наши чудеса и дела. Что поглотил в себя земной мистериум, то должно вновь явиться в огне Божьем, но не такое зло (Uebel); напротив, огонь Божий поглощает зло и дает нам взамен такое, как мы здесь искали в нашем робком искании. Как огонь поглощает существенность, но дает дух за сущность, — так будут представлены нам наши дела в духе и небесных радостях из огня Божьего, как ясное зеркало, подобно чуду мудрости Божьей.

16. Вот что пусть будет открыто вам, дорогие дети, ибо это познано очень дорогой ценой; и не позволяйте себе обольщаться смертью Христа и рисовать ее себе, как дело, которого нам достаточно, если мы о нем знаем и верим, что это случилось для нас. Что пользы мне, если я знаю о зарытом сокровище и не откапываю его? Не имеет смысла утешать, притворяться и красиво болтать языком, но сохранять плута в душе. Христос говорит: «Вы должны родиться заново, или не увидите Царства Божьего». Мы должны обратиться и стать как ребенок в материнской утробе, и родиться из божественной существенности. Мы должны надеть нашим душам новое платье, как костюм Христа, человечность Христа, иначе не поможет притворство, всё это лживо, о чем кричат повсюду, малюя себе Христа,

будто Он сделал это для нас, чтобы мы этим только утешались и при этом обретались в старом Адаме, в жадности, высокомерии и двуличии, в похотях злобы. Это антихристов обман ложного духовенства, от которого нас предостерегает Откровение. Это всё бесполезно, что мы ханжим и щекочем себя страданиями и смертью Христа; мы должны войти в них, стать подобием Его образа, лишь тогда страдания и смерть Христа пойдут нам на пользу. Мы должны принять на себя Его крест, следовать Ему, подавлять и убивать злые страсти и всегда быть доброжелательными — лишь тогда мы увидим воочию, что значат следы Христа, когда мы вступим в борьбу против дьявола, старого Адама и злого мира, против земного разума, который жаждет лишь временных наслаждений. Тогда будет на нас поистине возложен крест Христов, ибо вот дьявол, вот мир и вот наш злой Адам — это все наши враги, здесь должен стоять новый человек как рыцарь и сражаться по следам Христа. О, сколь много бессчетных врагов он тогда пробудит, которые ударят на него. Вот что значит состязаться, как рыцарь, за рыцарский терновый венец Христа и все же всегда быть презираемым, как некто, который недостоин земли; вот что значит стоять в войне и вере: где внешний разум говорит только Нет, там во главу нужно поставить страдания и смерть Христа и противопоставить дьяволу, миру и смерти с земным разумом, и не падать духом, ибо здесь это стоит ангельской короны — быть либо ангелом, либо дьяволом. Мы должны в скорби родить-

ся снова, и многого стоит бороться с Божьим гневом и одолеть дьявола. Если бы Христа не было с нами, даже в нас, мы проиграли бы битву. Бесполезно многое знание, если мы это знаем и льстим себе Божьей милостью, а Бога используем как укрывателя наших грехов, чтобы мы, значит, ловкача и дьявольских ларв спрятали под страсти Христовы и красиво прикрыли. О нет, ловкач должен быть разбит в страданиях и смерти Христа, он не должен быть ловкачом, если хочет быть дитем, он должен стать послушным сыном, трудиться в страданиях Христа и вступить в след истины, справедливости и любви; он должен делать, а не просто знать. Дьявол ведь тоже знает это: что с того? Практика должна последовать, иначе это ложь и обман.

17. Поверхностный разум говорит:«Христос сделал это — мы не можем этого сделать». Да, верно, Он сделал то, чего мы сделать не могли; Он сокрушил смерть и снова принес жизнь. Что это мне дает, если я не вхожу в Него? Он на небе, а я в этом мире; я должен прийти к Нему по пути, проложенному Им для нас, иначе я останусь снаружи. Ибо Он говорит: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас! Возьмите на себя Мое иго и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим»[3]. По Его пути мы должны прийти к Нему; мы должны воздавать добром за зло и любить друг друга, как делал нам Он и предал жизнь свою смерти за нас.

---

[3] Мф 11:28–29.

18. Если мы будем так поступать, то мы погасим Божий гнев и в нашем ближнем. Мы должны подавать хороший пример, не в хитрости и коварстве, но в простодушии, с доброй волей и сердцем, не как лицемерная блудница, которая говорит: Я дева, — и блистает напускным целомудрием, но в сердце всё блудница. Здесь всё слишком серьезно. Лучше не иметь ни денег, ни имущества и потерять временную славу и власть, чем Царство Божье. Кто найдет Бога, тот нашел Всё, а кто Его потеряет, тот потерял Всё. О, как же тяжело это дается — разбить земную волю! Только войди в хоровод, и тебе нельзя уже будет спросить о следах Христа; ты их сможешь видеть. Крест Христа ты, конечно, почувствуешь, и гнев Божий, который обычно в старом Адаме прекрасно покоится и спит, пока ты его вкусно жирно откармливаешь, после чего он даст тебе твое царство небесное, которое ты здесь искал, где тебе придется вечно потеть.

ГЛАВА VI

О НАШЕЙ СМЕРТИ, ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ УМЕРЕТЬ, ТАК КАК ХРИСТОС УМЕР ЗА НАС?

Citatio prima[1]

1.

Сюда, о, дорогой блестящий разум, заходи в гости, сюда мы пригласили вас всех, о вы, знающие и не знающие, всех вас, кто хочет увидеть Бога. Пора снять тяжелую печать и открыть крепкий замок. Об этом подумайте, это касается вас всех!

2. Разум говорит: «Разве Бог был недостаточно всесилен, чтобы простить Адаму его грех, что Бог должен был сначала стать человеком, страдать и дать себя умертвить? Что за удовольствие Богу в смерти? Или, если Он все же хотел нас так спасти, почему же, если Христос спас нас, мы все равно должны тоже умирать?» — Да, танцуй, дорогой разум, гадай, пока не отгадаешь, ты в этом доктор и не знаешь ничего, учён и всё равно нем! Если ты не хочешь, так, верно, будешь должен, — ты всё же придешь в эту школу, понимай — школу Св. Духа. Кто здесь есть, кто

---

[1] Citatio prima (*лат.*) — вызов (приглашение) первый (напр., в суд).

в силах отомкнуть (aufschließen[2])? Не это ли запертая (verschlossene) книга того, кто восседает на престоле в Откровении Иисуса Христа? Вот лицемер скажет: «Мы знаем это хорошо!» Тогда я скажу: «Я никогда не слышал этого от них, не читал этого в их писаниях; они даже запрещали мне этот поиск и навесили на это замок греховности[3], и засчитывали грех тому, кто подобное ищет или жаждет знать»; засим прекрасная дама осталась красиво прикрыта. Ай, как умел поиграть антихрист под этим покрывалом! Но это должно быть открыто, против воли дьявола и ада, ибо это время родилось, наступает день возвращения, чтобы было найдено то, что потерял Адам.

3. Писание говорит: «Мы прах и пепел», Быт 18:27. Это верно, мы прах и земля. Но теперь спрашивается, из земли ли создал Бог человека. Это разум желает сохранить и доказывает это с помощью Моисея, которого он все же не понимает, и это не подтверждается опытом, но гораздо больше подтверждается, что человек это limus[4],

---

[2] Бёме продолжает апеллировать более к духу, чем к букве Писания, и — по собственному усмотрению. В тексте «Откровения» книга — *запечатанная* семью печатями (Откр 5:1). Соответственно, и вопрос поставлен о *достойном раскрыть* «и снять печати ее» (Откр 5:2).

[3] Имеется в виду, очевидно, церковно-административный запрет писать, поводом к которому в 1613 году послужила первая книга Бёме («Утренняя заря в восхождении») и который он старался соблюдать в течение пяти лет.

[4] *Лат.*: тина, ил. Бёме настаивает именно на такой «глине» как

то есть вытяжка из всех трех Принципов. Если ему надлежит быть подобием Божественной сущности, то ведь он должен и происходить из Божественной сущности, ибо что не от вечного, то преходяще. Все, что начинается, относится к тому, из чего оно происходит. Но если мы происходим только из земли, то мы принадлежим земле, кто бы нас тогда винил в том, что мы и поступаем по обыкновению и воле качества земли? Но если уж в нас есть закон, который нас винит, что мы живем по-земному, то он не земной, а из того, куда он нас направляет и влечет (zeucht), то есть из вечного, туда он нас и влечет: и обвиняет нас перед вечным наша собственная совесть, что мы творим и делаем то, что противно вечному. Но если мы предадимся тому, что влечет нас в вечное, тогда другое, что влечет нас в земное, должно разбиться и войти, куда оно хочет, то есть в землю, куда оно влечет нас, а воля, которую мы отдаем вечности, она примет вечное.

4. Если же Бог создал человека в сущность, чтобы быть в ней вечно, как в плоть и кровь, то ведь и воля, которая предает себя вечному, должна быть одета в такую плоть и кровь, каким было оно, потому что Бог творил ее для Рая, в вечное: по чему мы ясно сознаем, что Бог создал нас не в такой плоти и крови, как мы теперь на себе носим; но в той плоти, в какую воля будет

материале для *тела* человека: в ней важнейшим ингредиентом становится вода, которая, по внутренней сущности, — «вода Духа Живого», которая несет в себе таинство крещения, то есть предвечную сущность — *тинктуру* Сына Божьего.

одета в новом, втором рождении, иначе же она (плоть) была бы земной и бренной еще задолго до падения. С чего бы тогда моя совесть обвиняла меня из-за того, в *чем* создал бы меня Бог? Или: чего иного она тогда вожделела бы, чем то, чем она была бы в своей собственной сущности? Так мы, однако, ясно обнаруживаем, что еще иная сущность есть в нашей плоти, которая тоскует о том, чем она сейчас не является, значит, должно же это было быть в начале ее существования, иначе не было бы в ней тоски и страсти по иному в ней, ибо мы знаем, что каждая сущность тоскует по тому, из чего она происходит.

5. Итак, наша воля тоскует по такой плоти, как создал Бог, которая способна пребывать в Боге, не по земной, преходящей, в муке, но по непреходящей без муки: по чему мы ясно понимаем, что мы из вечного вышли в бренное, что мы вовлекли в лимус материю и стали землей, из которой Бог нас вытащил, как массу, и ввел в неё свой дух с вечным. Ибо воображение Адама втянуло в лимус земную муку звезд и четырех элементов, а звезды и элементы притянули земную страсть: так небесная материя небесной плоти стала земной, ибо Дух Божий, который был вдохнут в лимус из Слова Fiat из сердца Божьего, он был облечен в небесную существенность, в небесную плоть и кровь, Он должен был править Адамом по небесному божественному качеству. Но поскольку дьявол, когда он сидел на небе, заразил лимус, то и ему (Адаму) он учинил лукавство и заразил его своим воображением,

так что он (Адам) начал воображаться по испорченной страсти земной муки, отчего он был пленен царством этого испорченного мира, который вошел в лимус, как господин. Теперь образ Божий был испорчен и пал в земную муку.

6. Но поскольку, однако, небесный дух был в испорченном земном сульфуре, то, значит, небесный блеск и божественный огонь не могли сохраняться в горении, ибо свет вечного огня сохраняется в свободе вне муки. Так, однако, вода свободы, которая была пищей вечного огня, стала земной, то есть наполнилась земностью, а кроткая любовь была заражена земной злой похотью, и вечный огонь не мог ни гореть, ни давать света, а сочился в испорченной плоти, как приглушенный огонь, который от сырости не может гореть. Этот же огонь теперь язвит нас и постоянно обвиняет нас, он хотел бы гореть вновь и получать небесную существенность, так он вынужден пожирать в себе земную муку, как земное воображение, куда примешалась дьявольская похоть: так что он тоже становится злым и постоянно влечет (zeucht) нас к бездне, в центр природы, в камеру страха, откуда он изначально вышел.

7. Итак, ты видишь, человек, *что* ты есть и *что* ты дальше из себя сделаешь, тем ты останешься в вечности, и видишь, почему ты должен разрушиться и умереть, ибо царство этого мира проходит: так ты в твоей внешней сущности все же не властен продлить это царство, вплоть до его эфира, напротив, ты бессилен в нем и просто лежишь в нем в констелляции, которую

имели созвездия, пока ты в плоти и крови земной сущности созревал в утробе матери. По внешней жизни ты настолько немощен, что не можешь сопротивляться твоей констелляции; ты должен войти в разрушение твоего тела, когда констелляция покинет тебя. Теперь ты уж видишь, что ты есть, именно — земной прах, земля, полная зловония, потому что ты еще живешь, мертвая падаль, ты живешь звездам и элементам, они правят тобой и гонят тебя по своему качеству, они дают тебе манеры и умения, и когда их век проходит, так что их констелляция, под которой ты был зачат и рожден в этот мир, завершается, они бросают тебя пропадать. Тогда твое тело отходит четырем элементам, а твой дух, который тебя вел, — в Мистериум, из которого были порождены звезды, и сохранится до Божьего Суда, когда Бог испытает все огнем своей силы. Так, ты должен сгнить и стать землей и ничем, за исключением духа, который вышел из вечного, который Бог ввел в limus. Так осознай, что ты есть, — горсть земли и дом муки звезд и элементов. Если ты свою душу и вечный дух, который был дан тебе высшим благом, вновь не разожжешь в Божественном свете здесь, в этом времени, чтобы он в свете вновь родился из божественной существенности, то в Мистериуме она (душа) отойдет центру природы, как первой матке, в камеру страха первых четырех образов природы, где она должна быть духом в темной муке страха со всеми бесами и пожирать то, что она в это время ввела в себя; это станет ее пищей и жизнью.

8. Но поскольку Бог не желал такого человеку, Его образу или подобию, то Он сам стал тем, чем сделался бедный человек, после того как он выпал из божественной существенности, из Рая, чтобы вновь помочь ему; чтобы, стало быть, человек в себе самом открыл врата к новому рождению, чтобы он в огне души смог бы вновь родиться в Боге, и чтобы этот огонь души вновь вовлек бы в себя божественную существенность и наполнился мукой божественной любви, из чего вновь родилось бы божественное царство радости, а огонь души вновь рождал бы Святой Дух, как изложено выше, который исходил бы из огня души и вырвал бы безбожную волю у Адамовой плоти, дабы бедная душа не наполнялась вновь земной и дьявольской похотью.

Врата нового человека

9. Это нужно понять. Бог стал человеком и снова ввел нашу человеческую душу в божественную существенность во Христе — она вновь вкушает от божественной существенности, то есть от любви и кротости, и пьет от духа воды вечной жизни, из вечной мудрости, которая есть родник божественной существенности. Эта душа Христа приняла в себя божественную небесную плоть и кровь со Словом, которое является центром мира света, которое вообразилось по [виду] несчастной плененной души: это самое Слово жило в божественной существенности и в деве мудрости,

но явилось в Марии и взяло нашу собственную плоть и кровь в божественную существенность и разбило силу, которая держала нас в плену в гневе смерти и ярости, на кресте, то есть в центре изначальной природы, в вечной воле Отца к природе, откуда была взята наша душа, и вновь разожгло в той же эссенции, то есть в темном огне души пылающий огонь света, и вывела вторую волю души сквозь огонь Божий, то есть из первоначального состояния, в пылающий белый яркий свет. Когда природа ощутила такое в душе, она наполнилась радостью, сломила смерть и расцвела с божьей силой в мире света, и превратила огонь в жажду любви, так что в вечности огонь больше не узнаётся; но лишь великая и сильная воля в любви к своим побегам и веткам, то есть к нашей душе.

10. И вот то, что мы говорим: «Бог жаждал нашей души. Он стал нашим стволом, а мы — Его побеги и ветки. Как ствол непрестанно дает своим веткам свой сок, чтобы они жили и плодоносили к великолепию всего дерева, так же и с нами поступает наш ствол. Дерево Иисуса Христа в мире света, которое явилось в нашей душе, оно хочет иметь наши души как свои ветви: Он пришел вместо Адама, который нас испортил, Он стал Адамом в новом рождении. Адам привел нашу душу в этот мир — в свирепую смерть, а Он вывел нашу душу из смерти через огонь Божий и зажег ее вновь в огне, так что она снова получила сияющий свет; тогда как иначе она должна была бы остаться в темной смерти, в муке страха».

11. И теперь всё зависит только от нашего самостоятельного вхождения, чтобы мы последовали только тем самым путем, который Он проложил. Нам нужно лишь ввести в Него наше воображение и всю волю, которая зовется верой, а старой земной воле сопротивляться, так из нового, второго рождения мы примем дух Христа, который зачинает (zeucht) в наших душах небесную сущность, то есть небесную плоть и кровь Христа. И когда душа распробует это, то разорвет она в себе темную смерть и разожжет в себе огонь вечности, из которого исходит сияющий свет кротости: та же кротость вновь вовлекает (zeucht) душу в себя, как огонь души, и поглощает ее в себя, дает из смерти жизнь и дух Христа. Так как живет этот дух, который исходит из вечного огня, в мире света с Богом и является истинным образом Св. Троицы. Он живет не в этом мире, тело не постигает его, но благородный характер (Gemüth), в котором душа это огонь, постигает его, однако не осязательно. Блаженно живет благородный образ в огне души характера, но он витает в нем, как свет в огне. Ибо, поскольку земной человек живет, его душа всегда в опасности, ибо дьявол враждебен ей, он постоянно стреляет своими лучами с ложным воображением в дух созвездий и элементов, нападает ими на огонь души, непрестанно хочет заразить его земной дьявольской похотью. Тогда благородный образ должен защищаться от огня души, тогда приходится биться за ангельский венец, тогда доходит [это] в старом Адаме часто до страха, сомнения и неверия,

когда теснит душу дьявол. Ах, крест Христов, как тяжел ты зачастую! Как закрывается небо! Но сеется таки благородное зерно: когда оно взойдет, то принесет много прекрасных плодов в терпении.

12. Так каждая веточка в душе растет из божественной мудрости — всё должно выйти из камеры страха и вырасти, как веточка из корня дерева: все рождается в страхе. Если человек хочет получить божественное познание, то он должен много-много раз [войти] в камеру страха, в центр, ибо каждая искра божественного разумения из мудрости Бога рождается из центра природы, иначе она не постоянна и не вечна, она должна стоять на вечном основании, на вечном корне: так она будет ветвью от дерева Христа в царстве Божьем.

13. Итак, уясним себе умирание, ***что*** оно есть и почему Христос должен был умереть, и мы все должны умереть в смерти Христа, если мы хотим иначе завладеть Его величием. Старый Адам не может этого сделать, он должен вернуться туда, откуда пришел, он должен быть испытан огнем Божьим и вернуть чудеса, которые он поглотил. Они должны снова прийти к человеку и просиять человеку по его воле, коль скоро он сделал их здесь в Воле Божьей, но если к бесчестию Бога, то принадлежат они дьяволу в бездне.

14. Потому пусть каждый следит [за тем], что он здесь делает и творит, с каким нравом (Gemüthe) и совестью он говорит, действует и ходит, всё должно быть испытано огнем, и что сдастся огню, то будет поглоще-

но и отдано бездне в страх; в том человек будет иметь ущерб и недостачу в том мире, в котором мог и должен был радоваться тому, что он был работником в Божьем винограднике. А так он будет застигнут, как ленивый слуга, потому и сила, власть и ясность в чудесах божественной мудрости будут в том мире иными. Кто-то здесь король, а в другом мире в ясности и мудрости ему будет предпочтен свинопас — причина в том, что его чудеса будут отданы бездне, потому что они были злыми.

15. Смотрите, дорогие люди, я покажу вам подобие ангельского мира. Посмотрите на цветущую землю или на звезды, как одна звезда или трава превосходит другую в силе, красоте и грациозности своего образа — таков и ангельский мир, ибо мы будем представлены в духовной плоти и крови, а не в таком образе, как здесь. Духовное тело может проходить сквозь земные камни, столь оно тонко, иначе оно не воспринимало бы Божественности; ибо Бог живет вне осязаемой муки, в тихой свободе, Его собственная сущность это свет и сила величия. Следовательно, мы тоже должны иметь тело силы, но, правда, из плоти и крови, в котором, однако, есть сияние тинктуры. Ибо дух настолько тонок, что он неуловим для тела, но всё же уловим в свободе, иначе он был бы ничем, а тело намного плотнее духа, так что дух может поймать и поглотить его, отчего он получает духовную жизнь в огне, и дает из духа свет, а из света — снова кротость в плоти и крови, так что получается вечное существование.

16. Итак, если мы себя найдем и познаем, то мы увидим и познаем, ***что*** Бог есть и может и ***что*** есть сущность всех сущностей, и обнаружим, как, стало быть, неверно и слепо мы ведомы, когда нам много говорят о Божьей воле и всегда представляют Бога чуждой сущностью, которая якобы далеко от нас, как будто Бог это какая-то чужая вещь и несет только благосклонную к нам волю, прощает грех из милости, как король дарует жизнь тому, кто против нее преступил. Но нет, слушай, речь о том, чтобы не лицемерить и не оставаться обманщиком, речь о том, чтобы родиться из Бога, или быть навсегда Богом потерянным: ибо истинная вера и воля должны сделать это, она должна всерьез войти в Бога, стать с Богом единым духом, она должна достичь небесной сущности, иначе не поможет ни пение, ни трезвон, ни лицемерие, или что бы то ни было. Богу не нужна служба — мы должны служить друг другу и любить друг друга, и благодарить великого Бога, иначе говоря, в Едином чувстве возвышаться в Боге, провозглашать Его чудеса, окликать Его имя и хвалить Его; это радость в Ternario Sancto, когда вечная мудрость порождает из хвалы чудеса, силу и растения. И значит, разрушается дьяволу его царство, и приходит к нам царство Божье, и исполняется Его воля, иначе вся человеческая толчея и труды в глазах Бога бесполезная сущность, притворство, и не дает восыновления (Versöhnung[5]), но лишь уводит человека от Бога.

---

[5] В современном словоупотреблении — *примирение*, со стершимся восприятием внутренней формы слова — *Sohn* (сын). Но

17. Царство Божие должно прийти в нас, и Его воля — исполниться в нас, тогда мы верно служим Ему. Если мы Его любим от всего сердца, души и всех сил, и нашего ближнего — как нас самих, это есть всё богослужение, которое Он от нас принимает, что нам лицемерить? Если мы праведны, то мы сами боги в большом Боге; что мы тогда делаем, то делает Бог в нас и через нас. Если Дух Его пребывает в нас, — что мы бесконечно озабочены служением Богу? Если Он хочет что-то сделать, то мы должны быть слугами и послушны, Он должен быть мастер, если дело должно понравиться Богу. Что вне этого, то построено по-земному, в духе этого мира; это мы строим внешнему небу, звездам и элементам, которые своё времяпровождение и чудеса имеют в нас, и темный дьявол, этому мы служим делами вне духа Божьего.

18. Вот это позвольте вам сказать! Это познано высоко. Ни одно дело не угодно Богу, разве что оно идет из веры в Бога. Притворяйся, как хочешь, — ты работаешь лишь в этом мире, ты сеешь в земное поле. Но если ты хочешь собрать небесный плод, то тебе нужно сеять небесное семя. Если оно не захочет пускать корни в чужое поле, то вернется к тебе твое семя и вырастет на твоем поле, и ты сам насладишься плодом.

для Бёме здесь, как нам кажется, важен именно этот полустершийся смысл.

ГЛАВА VII

О ДУХОВНОМ ЗРЕНИИ, КАК ЧЕЛОВЕК В ЭТОМ МИРЕ МОЖЕТ ИМЕТЬ БОЖЕСТВЕННОЕ И НЕБЕСНОЕ ЗНАНИЕ, ЧТО ОН МОЖЕТ ИСТИННО ГОВОРИТЬ О БОГЕ, И КАКОВО ЕГО ЗРЕНИЕ

Второй вызов или приглашение внешнему разуму этого мира в плоти и крови

1.

Внешний разум говорит: «Как может человек в этом мире смотреть в Бога, как в другой мир, и говорить, *что* есть Бог. Этого не может быть, это, конечно, выдумка, которой человек тешит себя и себя обманывает».

2. Ответ: Таков предел внешнего разума, дальше он не может исследовать, где бы он успокоился, и если бы я до сих пор обретался в этом искусстве, то я тоже говорил бы точно так же, ибо кто ничего не видит, тот говорит: здесь ничего нет; что он видит, то он признает, больше он не знает ни о чем, как о том, что перед глазами. Но я хочу спросить насмешника и целиком земного человека, слепо ли небо, как и ад и сам Бог? Есть ли в божественном мире зрение? Видит ли и Дух Божий в обоих мирах: в мире любви и света, и в мире [Его] ярости и гнева, в центре? Если он скажет: «Там есть зрение», как это действительно так, то ему

следует хорошенько следить, чтобы в своей преднамеренной злобе он пореже смотрел глазами дьявола, поскольку тот ему в воображении давно уж расписал, как в ложной злобе устраивать делишки, и наблюдает с тех пор, как он может и хочет проделать своё плутовство. А если он заранее способен увидеть зло, то почему он не видит заранее и свое воздаяние? О, нет, его глазами смотрит дьявол и скрывает наказание, чтобы он осуществил зло. Если бы он изгнал дьявола, он увидел бы свою великую глупость, которую ему предписал дьявол: он дает ему видеть зло и одалживает ему свои глаза, чтобы он увидел далекое, что еще должно произойти, и так он ослеплен и не знает, что смотрит глазами дьявола.

3. Так же и святой подобным образом видит глазами Бога: что замышляет Бог, то видит Дух Божий в новом рождении через истинные человеческие глаза, через образ Божий. Он мудрецу зрение и также деяние: не для старого Адама, этот должен быть в этом слугой, он должен претворять на деле то, что новый человек видит в Боге. Ведь сказал Христос: «Сын человеческий не делает ничего, кроме того, что видит Он делающим Отца, то же делает и Он»[1]. Так, однако, стал Сын человеческий нашим домом, в который мы вошли, Он стал нашим телом, а Его дух — наш дух. Разве можем мы во Христе быть слепы в Боге? Дух Христов

[1] Ср.: «Сын ничего не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего: ибо что творит Он, то и Сын творит так же» (Ин 5:19).

видит через и в нас, что Он хочет, и, что Он хочет, то видим и знаем в Нем мы, а вне Его мы ничего не знаем о Боге. Он творит божественные дела, и видит, что и когда Он хочет, а не тогда, когда хочет Адам. Тогда как Адам охотно хотел бы (с высокомерием показать себя) излить свою злобу: о, нет, тут он скрывается и не смотрит в нас в свет радости в Боге, но — на крест, в скорбь, в страдания и смерть Христа, в гонения и позор, в великую печаль, в это он смотрит и понуждает старого осла дергаться и тащить крест Христов, это его служба. Но на пути через смерть Христа новый человек видит ангельский мир: ему проще и яснее его понять, чем земной мир, это происходит естественно, не в вымысле, напротив, — видящими глазами, теми глазами, которые должны завладеть ангельским миром, глазами образа души, духом, исходящим из огня души: этот дух смотрит в небо, созерцает Бога и вечность, и никто другой, он и есть благородный образ по Божьему подобию.

4. Из такого видения писало это перо, не из других мастеров или гаданий, истинно ли это. Пусть тварь — это только часть, а не целое, так что мы видим лишь часть, но это все же фундаментально. Но мудрость Божья не дает себя описать, она бесконечна, без числа и понятия, мы познаем ее лишь в части. Даже если мы сейчас узнаем много больше, то земной язык не может того осилить и сказать, он говорит лишь словами этого мира, смысл он сохраняет в сокрытом человеке, потому один всегда понимает иначе, чем другой, когда по-

том каждый одаривается мудростью, тогда схватывает он это и истолковывает.

5. Мои сочинения не каждый поймет по моему смыслу, даже, возможно, ни один, но каждый воспримет по своему дару, для своего совершенствования, один больше чем другой, смотря по тому, как дух имеет в нем свое качество. Ибо Дух Божий зачастую также подчиняется духам людей, если они хотят добра, и видит то, что хочет [видеть] человек, чтобы его добру не чинили препятствий; но чтобы Божья воля исполнялась везде и повсюду. Ибо дух, который рождается из огня души из кротости и сущности Бога, Он является также Св. Духом, он живет в божественном качестве и берет свое зрение из божественного качества.

6. Что же это все-таки, что в нас [так] чуждо, что мы не можем видеть Бога? Этот мир и дьявол в гневе Божьем, — вот из-за чего мы не видим глазами Бога; других препятствий нет.

7. Если кто-то говорит: «Я не вижу ничего божественного»; тот пусть подумает, что плоть и кровь с хитростью дьявола являются для него преградой и заслоном: часто [потому], что он хочет видеть Бога в своем высокомерии, для своей собственной славы, а часто, что он исполнен и ослеплен земной злобой. Если бы он смотрел на следы Христа и шел в новую жизнь, предался бы под крест Христов, и желал бы только войти во Христа, через смерть Христову, сошествие в ад к Отцу: чего бы тогда еще, он увидел бы Отца и своего Христа Спасителя со Святым Духом.

8. Должен ли Св. Дух быть слепым, если он живет в человеке? Или я пишу это себе во славу? Нет, конечно, но — как путеводную нить для читателя, чтобы он остановился в своем блуждании, сошел с пути греха в святую божественную сущность, чтобы он тоже видел божественными глазами чудеса Божьи, чтобы исполнилась воля Божья, для чего, в конце концов это перо много написало, и не ради славы и сладострастия этой жизни, как нас постоянно ругает гонитель[2] и остается, однако, в гневе Божьем лишь гонителем, которого мы охотно удостоили бы Царства Небесного, если бы он избавился от дьявола и земной мании высокомерия, которые его ослепляют.

9. Итак, дорогие дети Божьи, те, кто в слезах ищет, отнеситесь к этому совершенно серьезно. Наше зрение и знание в Боге: Он открывает каждому в этом мире столько, сколько Он хочет, как Он знает, что это полезно и хорошо для него. Ибо тот, кто видит глаза-

[2] Скорее всего, имеется в виду Грегор Рихтер, пастор в Гёрлице, инициировавший в 1613 г. административное и церковное преследование Бёме из-за «Утренней зари в восхождении» и добившийся для него запрета писать, но продолжавший поносить его с церковной кафедры многие годы, явно рассчитывая довести это «дело» до более существенного наказания. Когда Бёме пишет эти строки, он еще не знает, что впереди у него еще разбирательство по поводу появления в печати, без его ведома, книги «Путь ко Христу» (1621), чем вновь воспользуется его «гонитель». Но на этот раз магистрат Гёрлица не найдет в книге ничего противного христианству и откажет пастору в возбуждении нового дела.

ми Бога, должен вести Божье дело, он может и должен вести, учить, говорить и делать то, что он видит; иначе зрение у него отнимется. Ибо этот мир недостоин божественного в*и*дения, но ради чудес и откровения Божьего некоторым дано видеть, чтобы Имя Божье открылось миру, которое также станет свидетельством обо всех безбожных существах, которые превращают истину в ложь и презирают Св. Дух, ибо мы не принадлежим себе, но служим Тому в Его свете. Мы ничего не знаем о Боге: Он сам Бог есть наше знание и зрение. Мы ничто, чтобы Он в нас был Всё, мы должны быть слепыми, глухими и немыми, и не знать в себе жизни, ибо Он наша жизнь и душа, а наше дело — Его. Наш язык не должен говорить, если мы сделали что-то доброе: Это мы сделали, но — это Господь сделал в нас, да восславится Имя Его! Но что творит сейчас этот злой мир? Если кто-то скажет: «Это сделал Бог во мне!», то если это как раз хорошо, то мир говорит: «Глупец, это сделал ты, в тебе нет Бога, ты лжешь!» Значит, Дух Божий для них — глупец и лжец. Да что же это, или кто говорит из богохульных уст? Дьявол, который есть враг Бога, чтобы скрыть Божье творение, чтобы Дух Божий не был узнан и чтобы он остался князем этого мира до Суда.

10. Итак, если вы видите, что мир сражается против вас, преследует вас, поносит, хулит из-за познания и Имени Бога, то думайте, что перед вами черный дьявол; так радуйтесь, что Царство Божье приходит к нам и сломает дьяволу его шип, что человек вашим

благословлением и молитвой будет избавлен от дьявола. Так вы воистину работаете в Божьем винограднике и затрудняете дьяволу царствование, и рождаете плоды для стола Божьего, ибо в любви и кротости мы заново рождаемся из гнева Божьего. В любви и кротости мы должны купаться в терниях дьявола, сражаться против него в этом мире, ибо любовь для него — яд, она для него огонь ужаса, который он не может выдержать. Знал бы он в себе искорку любви, он бросил бы ее прочь или разорвался бы, чтобы избавиться от нее. Потому любовь и кротость это наш меч, которым мы можем сражаться с дьяволом и миром за благородный венок под терновым венцом Христа, ибо любовь это огонь второго Принципа, она — огонь Бога, которому враждебны дьявол и мир, любовь имеет глаза Бога и смотрит в Бога, а у злобы глаз ярости в гневе Бога, он смотрит в ад, в муку и смерть.

11. Мир попросту считает, что Бога можно увидеть земными и звездными глазами, он не знает, что Бог живет не во внешнем, но во внутреннем. Когда он не видит в детях Божьих ничего чудесного, он говорит: «О, он глупец, он рожден глупцом, он меланхоличен». Это все, что он знает. О, послушай, мастер Ганс, я отлично знаю, что такое меланхолия, знаю также хорошо, что есть Бог, я знаю их обоих, и так же тебя в твоей слепоте. Но такое знание стоит не меланхолии, а рыцарской борьбы: ибо оно никому не дается без борьбы, даже если он в предназначении избран Богом, ведь он борется за венец. Кто-то бывает избран

для этого в утробе матери, как Иоанн Креститель, Лук 1:15, и многие другие, кто охвачен обетованием Божьего Завета, который во все времена является целью века, кто рождается вместе с временем великого года и избирается Богом, чтобы открыть чудеса замысла Бога, но не все из предназначения, но многие из них из усердного искания, ибо Христос сказал: «Ищите, и найдете; стучите и отворят вам», Мф 7:7. Еще: «И приходящего ко Мне не изгоню вон», Ин 6:37. Еще: «Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною», Ин 17:24, то есть, с новым человеком, рожденным из Христа в Боге Его Отце; еще: «Отче, Я хочу, чтобы они увидели славу Мою, которую Я имел прежде основания мира»[3]. Здесь пребывает зрение из Духа Христа, из Царства Божьего, в силе Слова, сущности Божества, глазами Бога, а не глазами этого мира и внешней плоти.

12. Итак, ты, слепой мир, знай, чем мы видим, когда говорим и пишем о Боге, и оставь твое ложное судейство. Смотри ты своими глазами и оставь детям Божиим смотреть своими. Виждь ты согласно своему дару и дай детям Божьим или другим видеть согласно их дару. Каждый, как он призван, так пусть он видит и так живет, ибо все мы живем не одинаковой жизнью, но каждый согласно своему дарованию и призванию во славу Бога и чудес. Дух Божий, стало быть, не дает себя связать, как то мнит внешний разум со своими

[3] Ср.: «<...> да видят славу Мою, которую Ты дал Мне, потому что возлюбил Меня прежде основания мира» (Ин 17:24).

законами и договоренностями, посредством чего вечно замыкается цепь Антихриста, так что люди хотят судить о Духе Божьем и принимать свое самомнение и умозаключение за Божий Завет, как будто Бог не дома в этом мире или будто они боги на земле, еще подкрепляют клятвой, во что они хотят верить. Не глупость ли это: Святой Дух с Его чудесными дарами связывать клятвой? Он должен верить в то, чего они хотят, а они Его даже не знают, и не из Него рождены, но пишут Ему законы, *что* Он должен делать.

13. Я говорю, что все такие заветы — это Антихрист и неверие, как бы они ни блистали. Так Дух Божий не связан, он не ходит в завете, но свободно является ищущей душе (Gemüthe) по ее дарованию, как она натурализована; и он даже подчиняется ей, если та жаждет его со всей строгостью. Что значит, однако, завет в человеческом разумении этого мира, если это касается славы Божьей? Все же заветы родились из собственной спеси. Дружеское обсуждение, конечно, хорошо и необходимо, чтобы один другому предъявил свой дар, но заветы это ложная цепь против Бога. Бог Единожды заключил Завет (Bund) с нами во Христе, и этого достаточно для вечности — другого Он не заключит. Он Единожды принял человеческий род в Завет (Bund), и создал прочный Завет (Testament) на смерти и крови. Этого достаточно, мы справедливо ограничиваемся этим и привержены этому завету — не должно нам так смело танцевать вокруг Чаши Христовой, как сейчас происходит, или ее отберут, как случилось с турками.

14. Сейчас всё очень серьезно, как не было от начала мира; позвольте это сказать вам, это познано, Антихрист должен быть разоблачен. Но следите за тем, чтобы вы при этом не обозлились, ибо топор уже приставлен к дереву — злое дерево должно быть срублено и брошено в огонь. Близится время, пусть никто не прячется в удовольствия плоти, ибо ничего не дает, что кто-то якобы знает, как он мог бы заново родиться, но остается в старой коже, в похоти прежнего человека, в алчности, высокомерии и несправедливости, в блуде и распутной жизни, он при жизни мертв, и торчит в пасти гнева Божьего; его самого обвинит его знание и приговорит его к суду. Если он получает Слово познания, которое дает ему познать Бог, что Он есть истинный путь к жизни, то он должен тотчас стать деятелем Слова и выйти из зла, или над ним тяготеет суровый приговор. Чем тогда он лучше дьявола? Он тоже знает Божью Волю, но исполняет свою злую волю; один такой же, как другой, ни один не добр, пока не станет деятелем Слова; лишь тогда он пойдет по Божьему пути, и станет в винограднике Божьим работником.

15. Лицемерный Вавилон ныне учит: наши дела не стоят ничего, Христос избавил нас от смерти и ада, нам нужно лишь верить, так мы будем праведны. Слушай, Вавилон: слуга, который знает волю господина и не исполняет ее, должен быть бит много[4]. Знание без дела точно как огонь, который тлеет, но от сырости не

[4] Ср.: «Раб же тот, который знал волю господина своего, и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много» (Лук 12:47).

может гореть. Если ты хочешь, чтобы твой божественный огонь веры горел, тогда ты должен раздуть его и вытащить его из сырости дьявола и мира, ты должен войти в жизнь Христа. Если ты хочешь стать чадом его, ты должен войти в Его дом и творить Его дело, или ты снаружи и лицемер, который всуе поминает имя Бога. Ты учишь одному, а делаешь другое, и свидетельствуешь этим, что Божий приговор над тобой справедлив. Иначе говоря, какой прок Богу в твоем знании, если ты остаешься обманщиком? Ты думаешь, он примет твое лицемерие, когда ты взываешь к Нему: «Господи, дай мне сильную веру в заслугу Сына Твоего Христа, чтобы я от всего сердца верил, что Он достаточно возместил мой грех!» Ты думаешь, этого достаточно? О, слушай, нет! Ты должен войти в страдания и в смерть Христа и из Его смерти родиться вновь, ты должен стать телесно един с Ним и в Нем, ты должен постоянно распинать старого Адама и всегда быть распятым на кресте Христовом, и должен стать послушным чадом, которое всегда слушает, что говорит Отец, и всегда хотеть исполнить это. В деяние ты должен войти, иначе ты — личина без жизни, ты должен с Богом творить добрые дела любви по отношению к твоим ближним, постоянно упражняться в вере, и всегда быть готовым услышать голос Господа, когда позовет Он тебя из старой шкуры вернуться в чистое платье. Смотри, даже если сейчас ты ступишь на этот путь, ты всё же почувствуешь слабость и очень много чего еще в себе, ты все еще будешь делать слишком много зла, ибо злого го-

стя приютили мы в себе. Надо не только утешаться, но бороться против него, сражаться, постоянно умерщвлять и преодолевать — без этого он всегда слишком силен и хочет верховной власти. Христос, правда, разбил смерть ради нас и в нас и проложил путь к Богу, но что мне пользы в том, что я этим утешаюсь и учусь это знать, но остаюсь на цепи дьявола пойманным и запертым узником темного гнева? Я должен вступить на этот самый путь и идти по этой дороге, как паломник, который странствует из смерти в жизнь.

ГЛАВА VIII

ДОРОГА ПАЛОМНИКА ИЗ СМЕРТИ В ЖИЗНЬ

1.

Дорогие дети, давайте всё же сердечно поговорим о главном! Наша праведная жизнь, в которой мы должны созерцать Бога, подобна приглушенному огню, в некоторых даже закрыта, как огонь в камне, мы должны разжечь его праведным серьезным обращением к Богу. Посмотрите на заботу Бога: Он родил нас вторично во Христе из огня вечной жизни и оставил нам её напоследок в завете крещения в качестве ключа, чтобы мы им открыли и окропили огонь нашей души, чтобы он стал восприимчив к божественному огню, и дал нам свою плоть в пищу и свою кровь для питья, чтобы мы их принимали, вступили в Его завет и питали этим нашу душу, чтобы она была утешена и пробудилась от смерти, чтобы она зажгла божественный огонь. Дорогие дети, он должен гореть, а не оставаться запертым в камне или, как плесень и трут, который охотно занялся бы и не может из-за сырости дьявола. Историческая вера — это плесень, которая тлеет, как искорка — она должна быть зажжена, мы должны дать ей материю, в которой искорка загорится, душа должна

выйти из разума этого мира в жизнь Христа, в плоть и кровь Христа, так она получит материю для своего возгорания. Это должно быть трудно, ибо история не достигает плоти и крови Христовой, смерть должна быть разорвана, как разорвал ее Христос. На то должна последовать искренняя жажда охотно делать и всегда для этого работать, как паломник или вестник, который хочет пройти долгий опасный путь, он постоянно стремится к цели, он не унывает: случается ли у него горе, — он все равно надеется прийти к цели, и подходит всё ближе и ближе, уже предвкушая в надежде свою награду и упоение, и радуется, что его трудное странствие закончится.

2. То есть, человек, который хочет идти к Богу, должен отправиться по дороге паломника, он должен постоянно выходить из земного разума, из воли плоти, дьявола и мира. Зачастую ему больно, когда ему приходится покинуть то, что он, наверное, мог бы иметь и с чем мог бы воспарить в преходящей славе. Но если он хочет идти по узкому истинному пути, то он должен только надеть сюртук праведности, а сюртук алчности и гламурной жизни снять. Он должен делить свой хлеб с голодными, и отдать нагим свое платье, не быть притеснителем убогих, желая наполнить только свой мешок, выжимая пот из горемыки и простака и давая ему законы только ради своего высокомерия и сладострастия. Тот не христианин, кто чинит такое, напротив, он идет дорогой этого мира, как его гонят созвездия и элементы с дьявольской заразой и жажда удоволь-

ствий, и пусть он даже знает веру по милосердию Божьему, по искуплению Христову, это ему все же не поможет. Ибо не все, кто говорит: Господи, Господи, войдут в Царство Небесное, но те, кто исполняет волю моего Отца на небе. А воля такова: Возлюби ближнего своего как самого себя; чего ты хочешь, чтобы делали тебе, то делай и другим.

3. Не говори в сердце своем: «Я сижу при этой службе и власти по праву, я этого добился и унаследовал, то, что мне делают мои подданные, они должны мне». Смотри и примечай, откуда проистекает это право, установлено ли от Бога или оно происходит из обмана и собственного честолюбия и из алчности? Если ты находишь, что это Божий порядок, то смотри и ходи там по велению любви и справедливости, считай, что ты там слуга, а не господин над детьми Христовыми и сидишь не для того только, чтобы выжимать для себя их пот, но что ты их судья и пастырь, что ты обязан давать отчет о своей службе: тебе дано пять фунтов, ты должен вернуть их своему господину с прибылью. Ты должен вести своего подчиненного на верный путь, подавать ему хорошие примеры в обучении и наказании озлобленного, ибо с тебя спросится, как ты не наказывал безбожника и защищал угнетенного. Ты не потому правитель, что ты их господин! Не ты, а Бог их господин, ты должен быть их судьей и судить их. Не ради твоей алчности ты их судья, но ради их совести. И чтобы наивного ты учил, вёл и направлял не только выжимая из него пот, но и кротостью:

на тебе тяжкое бремя, поэтому ты должен давать серьезный отчет. Если бедняк стонет от тебя в своей нужде, то он обвиняет тебя пред своим и твоим господином, ты должен и обязан тогда вместе с ним стоять перед судом, и поскольку приговор выносится душе, лицемерие тебе не поможет.

4. Всё, что посеяно слезами, в полной искренности, становится субстанцией и подлежит суду Божьему, разве что человек обратится и примирится с благодеянием к притесненному, чтобы тот благословил его: тогда субстанция разрушается. Потому вы, высшие, несете тяжкое бремя: вам следует хорошенько рассмотреть свое сословие, откуда оно происходит, корень будет скоро востребован, каждый должен будет дать отчет о своем сословии. Но смотрите, чтобы не скакать вам с этим в адском огне, как делает сам яростный дьявол, и вы не оказались его слугами, как показывает нам дух чудес, вы стали исполнением вечного гнева и ярости. Не говори в сердце своем: «Так же ходили и мои родители и предки, я унаследовал это». Ты не знаешь, в какой приют они вошли. Если ты хочешь быть христианином и дитем Божьим, то ты не должен смотреть на путь идущих впереди, как они попали в соблазн, но — на Слово Божье, оно должно быть лампадой твоим стопам. Ибо многие, кто плохо кончил, они закончили в бездне, за ними последуешь и ты, если пойдешь по их стопам. Только не позволяй дьяволу рисовать тебе блестящий путь, его цвет блещет снаружи, а в эссенции это яд.

5. Ах, сколь опасным путем мы всё же должны пройти через этот мир, и хотелось бы, чтобы в безбожном не было вечного, тогда не надо ему было бы терпеть вечную муку и быть вечным посмешищем. Как здесь, в этой жизни, они враги детей Божьих, так они и останутся вечными врагами Бога и Его детей. Потому должны дети Бога взять на себя крест и потеть в бане из волчцов и терний, и в страхе родиться вновь, они должны шествовать узкой тропой, ибо разум всегда говорит: ты глупец, ты мог бы жить в радости и при этом стать блаженным. О, как бьет внешний разум по благородному образу, который вырастает из терновой бани, из скорби! Как не одна ветвь обрывается с жемчужного древа сомнением и неверием, которое заводит человека на неправильный путь! Бедный вздыхает по временному пропитанию и проклинает притеснителя, который вгоняет его в пот, и думает, что поступает при этом верно; но он лишь сам губит себя этим, он действует так же безбожно, как его гонитель. Если бы он набрался терпения и думал о том, что он идет дорогой паломника, и вложил свою надежду в свою цель, и думал, что он так с крестом и в бедности, в мучениях работает на винограднике Христа, о, как блаженно он ходил бы, у него была бы причина искать другой и лучшей жизни, потому что здесь он должен дрожать в страхе и убогости, если бы он понял это верно, как Бог желает ему добра, что Он его этим привлекает и ищет, что он не должен строить на земной жизни. Ведь видит он, что это лишь долина скорби и бедствие, и должен

проедать свои дни в суровом принуждении, в ничтожестве и тщетных усилиях, должен же он думать, что Бог всё же не напрасно попускает всё так идти; но что Он дает ему повод искать истинного покоя, который не в этом мире: для этого он должен всякий час ждать смерти и оставлять свое дело другим. Что же в том, что человек строит свою надежду в этом мире, где он лишь гость и странник, который должен пройти дорогами своей констелляции? Прими он внутреннюю констелляцию, о, как радостно трудился бы он в Божьем деле, и позволил бы внешнему идти своим чередом.

6. Человек этого мира, намеревающийся завладеть Царством Божьим, не имеет лучшего пути, и ему ничего лучшего нельзя посоветовать, чем чтобы он непрестанно помнил и представлял себе, что он всеми своими делами и существом своим на винограднике Божьем и делает это Богу. Его дух (Gemüth) должен быть направлен к Богу в непрестанной надежде, что он получит за свою работу свою плату от Бога и что он трудиться в Божьем чудотворстве. Поэтому в работе, которую он делает, он должен быть прилежным, даже если своему гонителю он часто должен служить тяжело и без награды, пусть думает только, [что] он работает лишь для Бога, и будет терпелив в надежде; Бог уж даст ему его плату в свое время. Ибо не днем выплачивает хозяин виноградника своим работникам, но вечером, когда дневная работа сделана. Когда мы идем домой к нашему Господу из долины этих хижин, тогда каждый получает свою плату. Тот, кто работал много

и долгое время, тот может ждать большой платы, но кто был лишь слабым ворчуном, лентяем и нетерпеливым злым работником, тот заслужил мало и ему следует ожидать еще и наказания от своего хозяина, ибо он лишь прельщал других работников, а сам был никчемным работником, самонадеянно вершил лживые дела, чтобы обмануть своего хозяина на оплате, за это получит он лишь справедливое наказание вместо награды.

Врата в центре Природы
Третий вызов

7. Разум говорит так: «Почему же Бог так это допускает, что повсюду тщетное изнурение, к тому же только принуждение и натиск, так что один мучит и теснит другого?» И хотя кто-то имеет много, и ему не дано, и он не имеет покоя. Он желает лишь понуждать и беспокоить, и нет в его сердце смирения.

8. Смотри [же], закрытое познание, таково основание мира, происхождение жизни тоже такое: в этом мире не может быть иначе, разве что человек родится заново, в новом человеке он другой, и всё же этот позыв в старом человеке всегда присущ ему — это борьба духа и плоти, где плоть возбуждается против духа, а дух против плоти. Теперь разум спрашивает: «Откуда же это берет начало?»

9. Ответ: Смотри, в центре Природы есть такая сущность, только осмысли; вечная Воля, которая зовется Богом, она свободна, ибо она не имеет в себе

ничего кроме света величия, и живет в вечном Ничто, и потому ничто не может Его коснуться. Но Его вожделение, которое создает центр Природы, оно имеет лишь одно такое качество: ибо в нем есть терпкость, как первый образ (Gestalt) природы, она постоянно втягивает (zeucht) и вбирает себя, поскольку ничего нет, поскольку она ничего не создала, то она берет и сгребает это воедино и всё же не может это есть, да и бесполезно ей это, она сама себе, следовательно, причиняет страх, [а] с тем мучение и непокой, какова и алчность в человеке. Второй образ это ее втягивание или шип, это ее слуга, который сгребает вместе то, чего хочет вожделение; он работник, означает нижнего человека, он злой, гневный, яростный, колет и неистовствует в терпкости: этого терпкость не может терпеть от слуги, втягивает (zeucht) его грубее, так слуга становится только злее и безумнее и нападает на дом господина, так что господин хочет связать и остановить слугу, а слуга лютует в злобе чрезвычайно. И поскольку тогда его господин, то есть терпкость, не может осилить его, они вместе попадают в великий страх, вражду и взаимное отвращение, начинают делать вращающееся колесо, чтобы удушить, убить и умертвить друг друга — и это третий образ Природы, откуда происходят война, раздор, разрушение земель и городов, зависть и боязливая злоба, потому что один другого хочет видеть мертвым, хочет всё поразить и втянуть в себя, он хочет один владеть этим, ему, однако в этом никакой пользы, но вред, он действует

как ярость природы, она тоже, следовательно, вгрызается в самоё себя, пожирает и разрушает себя, и всё же так и рождает себя: отсюда приходит всё злое, дьявол со всеми злобными сущностями приходит оттуда — таково его первичное состояние.

10. Как действует природа в центре, понимайте — вне света, так действует и дьявол, который не имеет света; также злой человек и зверь, также растения, трава и всё, что враждебно, ибо это — колесо яда, из которого происходит жизнь, которое так вращается в великом страхе, колотье, лютости и разрушении, покуда не обретет себе другую волю — выйти из страха, — и погрузится в смерть и добровольно предаст себя свободе. Так в смерти разрушается колотье и разрушение, и впадает в свободу первой Воли, которая зажигает страх смерти тихой свободой, отчего страх приходит в ужас, разбивает смерть и возносится из страха как жизнь радости.

11. Так же происходит и с человеком: когда он в страхе враждебности, так что шип смерти и гнева лютует в нем, так что он труслив, алчен, завистлив, гневлив и враждебен, то он не должен оставаться в злой сущности; иначе он в образах смерти, гнева, ярости и адского огня. Если бы не было в нем с плотью и кровью водного источника, то был бы он распаленным дьяволом, и никак иначе; напротив, он должен опомниться и обрести в своем злом страхе вторую волю — выйти из алчной злобы в свободу Божью, где всегда в достатке покой и мир. Он должен лишь погрузиться в смерть

и терпение и добровольно предаться колесу страха и возжажадать Божьего утоления, которое есть свобода, так прозябнет он через смерть в страхе и падет в свободу. Когда же его страх изведает свободу, что она есть такая тихая нежная мука, тогда мука страха придет в ужас и в ужасе разрушится враждебная терпкая смерть, ибо это испуг великой радости и возгорание жизни Божьей. Так и рождается жемчужная ветвь, которая стоит теперь в дрожащей радости, но в большой опасности; ибо смерть и мука страха это ее корень, и она ими окружена, как прекрасная зеленая ветвь, прорастающая из смердящего навоза, из муки зловония, и получает иную эссенцию, запах, сущность и муку, чем у ее матери, из которой она рождена, как ведь и мука в природе имеет такое свойство, что из злого, как то из страха, рождается великая жизнь.

12. И как мы далее познаём, в испуге природа разделяется на два царства: 1) на царство радости и 2) на погружение смерти во тьму: таков и человек, когда ветка лилии рождается для жизни в царстве радости, ее природа разделяется на две воли. Первая восходит в лилии, и растет в царство Божье, вторая опускается в темную смерть, тоскует по земле, по своей матери, она всегда борется против лилии, а лилия бежит от суровости. Как ветка прорастает из земли, а эссенция бежит от земли, и вытягивается солнцем, пока не станет стеблем или деревом: так же вытягивает (zeucht... aus) божественное солнце лилию человека, как нового человека в его силе из злой эссенции и, наконец, зачи-

нает (zeucht) из этого дерево в Царстве Божьем. Вслед за тем он роняет старое злое дерево или оболочку, под которой росло новое, в землю, в его мать, по которой оно тоскует с самого начала, а из земли — снова в центр природы, в конце судного дня, когда Всё должно снова вернуться в свой эфир: и лилия тоже вернется в свой эфир, то есть в свободную волю, в свет величия.

13. Итак, поймите это дальше! Когда в испуге природы разделяются так два царства, то испуг сам по себе есть молния и причина огня, как зажигание жизни. Так делится Prima Materia, как первая материя, которая произвела своим стяжением терпкость, в которой возникла враждебность, — на две части. Как то: одно под собой к смерти, это эссенциальная жизнь с существенностью этого мира, таковы земля и камни, и потом вторая часть выделяется из испуга огня в свет свободы, ибо огненный испуг зажигает свободу, так что она тоже начинает вожделеть, она втягивает (zeucht) в себя теперь в вожделении своем царство радости, как кроткую благодать, и делает ее тоже материей. Это теперь небесная божественная существенность, которая снова втягивает в себя огонь, и поглощает его в его испуге, который есть мука огня. Тогда мука съедает кроткую существенность и устремляется в высокое царство радости, так что страх превращается в любовь, а огонь — в горение любви; и дает из горения радостный дух вечной жизни, который зовется Духом Божьим, который первородствует в первой Воле, зовущейся Отцом. Ибо Он есть вожделение Природы и в огне — мука огня,

и в страхе смерти — шип смерти, ярости и вражды, в сущности Природы как в центре. А в свете Он божественное царство радости, и открывает в божественной существенности как в мудрости (это цвета добродетели) благородную тинктуру, которая есть блеск небесной существенности, и обусловливает в существенности элемент ангельского мира, чьим порождением является этот мир, но подожжен в гневе дьяволом, который стал причиной того, что возгорелась ярость природы, отчего в существенности образовались земля и камни, как очевидно, могучая мука выделила их в Слове Fiat в отдельный Принцип, как выведено в книге о тройственной жизни.

14. Итак, понимайте огненную молнию, как четвертый образ природы, а рождение любви, как пятый образ, а поглощение существенности из кротости в муку огня, поскольку огонь тоже достигает царства радости, как звук или откровение цветов, чудес и добродетели, откуда происходят пять чувств, как то зрение, слух, обоняние, вкус и осязание, — как шестой образ природы, а существенность света, в которой схвачен божественный элемент, из которого происходит цветение или Рай, — как седьмой образ, как опять-таки мать всех образов, которая всем образам дает сущность, силу и кротость, что есть вечная жизнь и блаженство жизни. Ибо седьмой образ держит в себе ангельский мир, как Рай или истинное Царство Небесное, в котором открывается сущность Божественности и Всё, что заключает в себе мир света, как мы это изложили в других местах.

ГЛАВА IX

ДАЛЬНЕЙШИЕ И МНОГИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЭТОГО ТРЕТЬЕГО ВЫЗОВА, ДЛЯ ВЫСОКОГО СОЗЕРЦАНИЯ

1.

Итак, вы, человеческие дети, будьте здесь зрячими, а не слепыми! Заметьте же, что вам [теперь] открыто, это происходит не напрасно — за этим кое-что есть! Не спите, время пришло! Узрите же, *что* есть сущность всех сущностей. Этот мир порожден из вечного: центр природы существовал от вечности, но он был не явен. С этим миром и с яростью дьявола он пришел в сущность. Поймите, однако, только, *что* есть дьявол! Он дух своих легионов из центра природы, когда он был создан в божественную существенность, но должен был быть испытан огнем и вложить свое воображение в любовь: то он вложил его обратно в центр ярости, в четвертый образ страха, и хотел господствовать в огне над кротостью Бога, как враг царства радости, и презирает любовь, потому что он видел, что огонь давал силу и власть: и поэтому он был из огня Божьего сброшен в страх тьмы, в центр четырех образов. Он ничего больше не имеет от огня, кроме ужасающей молнии, это его истинная жизнь; но Воля Божья, которая обычно в ангелах и людях влечется к жизни, которая приходит жиз-

ни на помощь со свободой, то есть кротостью, покинула его, так что в вечности он не может достичь света, он не может обрести и воображения о нем, ибо Дух воли Божьей мучает его в камере страха, в первых четырех образах природы, пятого он достичь не может. И хотя он, правда, имеет все образы природы, все это, однако враждебно и извращено, ибо Св. Дух покинул его, и ныне в нем лишь гнев и яростная мука. Бог, который есть Всё, открыл в нем свою ярость или центр первозданности, так что он (центр) тоже является тварным, ибо он тоже жаждал открыться, и когда Бог однажды подвигся к созданию ангелов, то стало явно Всё, что от вечности в чудесах мудрости было сокрыто в центре, то и другое — в любви и гневе.

2. Коль скоро мы уже это знаем, *что* мы есть и что Бог дает нам это знать, то нам следует только присмотреться и порождать из нас нечто лучшее; ибо мы имеем центр природы в себе. Если мы сделаем из себя ангела, то мы будем им; сделаем мы из себя дьявола, то мы будем также им: мы здесь в деянии, в творении, мы стоим на пашне. Божья Воля в любви стоит в центре жизни перед нами: Бог стал человеком и хочет нами владеть — так и гнев Божий хочет заполучить нас в царство ярости, дьявол тоже хочет видеть нас в своем обществе, и ангелы Божьи — в своем — куда мы теперь наймемся, туда мы и пойдем. Если мы вложим свое воображение в свет Бога и искренне пойдем в него, то мы придем в него, и будем еще всерьез втянуты в него; когда же мы вложим нашу волю в вели-

колепие этого мира, а вечное предоставим себе, то и надеяться нам тоже следует [на то], что с яростью этого мира мы будем должны войти в первую мистерию. Если в нас не будет тогда божественного воображения, то есть веры, то Божья любовь покинет нас и не допустит нас пред свои двери. Воистину, Бог не взорвет, нам конец придет[1]! Если ты не принесешь Духа Божьего с собой, ты не достигнешь Его уже никогда, потому хорошо как следует вырасти в этой жизни. Христос стал нашим полем, мы можем достичь Его без особо страшной нужды: дело лишь в том, чтобы мы разрушили [свою[2]] волю — это причиняет боль, ибо Адам не хочет [этого], как не хотят этого так же гнев и дьявол.

3. Смотри, человек, ты — твой собственный враг, что ты принимаешь за друга, то есть твой враг. И если ты хочешь стать блаженным и созерцать Бога, то ты должен стать заклятым врагом твоего лучшего друга, то есть внешней жизни; не то что бы ты ее разрушил, но — ее волю. Ты должен делать, чего ты не хочешь, ты должен стать врагом себе или не сможешь видеть

---

[1] В оригинале пословичное образование: «<...> zersprenget nicht Gott, wir kommen in Not» («Бог не взорвет, мы придем в нужду»). Ср. с русскими: «Не сохранит господь града, не сохранит ни стража, ни ограда», «<...> Без бога ни до порога» (Пословицы русского народа // Сб. В. Даля. — М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 36) и т. п.

[2] Один из центральных и повторяемых постулатов Бёме: следует отказаться от ***своей*** воли, чтобы освободить пространство действию Воли Божьей.

Бога, ибо тот, кого ты принимаешь за своего друга, вышел из камеры страха и все еще несет в себе жизнь страха, он несет в себе похоть гнева и дьявола. Ты должен обрести волю в Боге, из твоей души должен ты почерпнуть волю и с нею из злобности войти в Бога, так ты будешь введен в огонь Божий, понимай, Дух Воли, он зажжет твою душу. Тогда хватайся за жизнь и Дух Христа, так ты приимешь Его, Он родит тебя новым, с новой волей, которая останется в тебе. Она же — цветок твоей души, в котором пребывает новое дитя в образе Божьем, ему же даст Бог насладиться плотью и кровью Христа, а не ослу Адаму, как про то диковинно трубит Вавилон, как будто безбожник может причаститься телу Христову. О, нет, он принимает четыре элемента, и, среди них, гнев Бога, потому что он не различает тела Господа, который сейчас на небе и насладит душу, которая достигнет неба. Не в качестве знака, как твердит иная фантазия, не дух без сущности; но сущность духа, объятая мудростью Божьей, тело Христово, которое заполняет мир света до всех пределов, которое Слово, ставшее человеком, привнесло с собой в Марию. Та же существенность, хотя она и была тогда явленна в Марии, в ее плоти и крови, и приняла в себя человеческую эссенцию, была также в то же самое время, когда Христос лежал в теле Марии, на небе, в элементе, везде и повсюду. Она не пришла в Марию из одного места за много миль, нет, но закрытый центр, который Адам в гневе Божьем заключил в смерть, — его открыло Слово Божье и ввело бо-

жественную существенность в девственный закрытый в смерти центр. В теле Марии произошло это, в Цели Завета, не отсутствуя и не входя, но открывая, зачиная и рождая в этот мир Бога и человека, Одну Личность, небесную и заключенную в смерти эссенцию и девственность, Одну существенность, Одного человека на небе и в этом мире. И такими должны быть и мы, ибо Слово, ставшее человеком, пробудилось в душе, и пребывает в звуке жизни во всех душах, а гнев также притягивает (zeucht) все души. Теперь иди, куда ты хочешь, отныне центр божества звучит в тебе, пробужденный, и центр ярости тоже: в какой ты пойдешь, какой пробудишь, в том и будет твоя жизнь. Делай, что тебе по сердцу, ты свободен, и Господь дает тебе знать об этом. Он призовет тебя, если ты придешь, то станешь его дитя, если же уйдешь в гнев, все равно ты будешь принят.

ГЛАВА X

О БОЖЬЕМ ОБРАЗЕ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБ ОДИНАКОВОСТИ (GLEICHHEIT[1]) БОГА И ЧЕЛОВЕКА

1.

Нашу существенность, или новое тело, в этом мире мы видеть не можем, пока мы находимся в земной жизни, внешний человек его не знает, только дух, который рождается и исходит из нового человека, знает свое тело.

2. Но если мы все-таки хотим познать его и знать, находимся ли мы в новом рождении, то нет лучшей проверки, чем на сравнение с Богом, которое мы понимаем как вожделение (Begehren), ум (Sinn) и нрав (Gemüth[2]):

---

[1] Слово в заголовке можно понять и как «равенство» и как «похожесть», «общность», и даже как «подобие» (почти то же, что Gleichnis, кстати, — «уравнение» и «сравнение»). Но в точном математическом смысле оно еще означает «тождество». Чувство стиля препятствует употреблению уже здесь понятия, на которое направлена мысль Бёме в этой главе, — ***идентичность*** Бога и Его образа, явленного в человеческом воплощении. Ниже ради этой точности мысли нам придется прибегнуть к этому слову.

[2] Выстраиваемая здесь антропология Бёме оперирует понятиями, которые по их смысловому объему не имеют точных лексических эквивалентов в современном русском языке и потому не могут быть адекватно представлены одним словом во всех слу-

эти три предмета держат в себе центр духа, из которого порождается сильная воля, в котором находится настоящее истинное подобие и образ Божий с плотью и кровью, которых внешний человек не знает, ибо этот образ не в этом мире, он имеет второй Принцип, то есть

чаях словоупотребления. Поэтому каждый «термин» следует понимать комплексно расширительно: *Begehren* — от желания и стремления к Высшему до похоти, *Sinn* может обозначать всю совокупность интеллектуально-чувственных проявлений сознания от «ощущения» до «смысла» и «мнения», а во мн.ч. (*Sinne*) — пять чувств и органы чувств. Ближе всего к этому понятию подходит определение ума, данное В. И. Далем как «общее названье познавательной и заключительной способности человека, способность мыслить» и противопоставленное нраву как «одной половине духа его» (см.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. — М.: .Рус. яз., 1991. С. 494). Именно в этом антропологическом смысле «одного из двух основных свойств духа человека» (там же, т. 2, с. 558) нас должно устроить в данном случае понятие «нрав» в качестве перевода слова *Gemüt*. Оно не имеет в русском языке адекватного эквивалента (как возможные в словарях указываются: *нрав*, *характер*, *душа*, переносн. *сердце*, мн. ч. *умы* и т.п.) и обозначает совокупность душевных и интеллектуальных кондиций личности как в общехарактерологическом смысле, так и в контексте описания её сиюмоментного состояния. В отличие от предыдущих случаев, где допустимо и удобнее было понимать его в смысле «души» или «духа», здесь это *нрав* — «общее выраженье свойств человека, постоянных стремлений воли его; характер» (там же) и т.п. Это теперь должно помочь нам отграничить этот смысл от «души» (*Seele*) и «духа» (*Geist*) в их собственном терминологическом смысле.

в ангельском мире: и это время этой жизни проводит в Мистериуме, в сокровенности, подобно золоту в камне, поскольку золото имеет другую тинктуру, другую эссенцию, другой блеск и сияние; и грубость камня не в силах внять его, золото тоже не может пронять грубость, а грубость — как центр страха — это, тем не менее, одна из причин золота, ибо она — мать, а солнце — отец. Так что и наш старый Адам это одна из причин нового тела, ибо он есть мать: из старой существенности возникает новое тело, а Дух Божий во Христе есть Отец, как солнце — [отец] золота, так и сердце Бога — [отец] нового человека.

3. Но вот знаем мы нового человека лучше всего в центре, именно в вожделении, уме и нраве. Если мы находим, что наше вожделение обращено целиком и только к Богу, наши помыслы постоянно движутся в Воле Божьей, и нрав целиком предается в послушание Воле Божьей, что воображение питается от силы Бога, то мы можем уверенно знать, что благородная ветвь лилии рождена, что есть образ Божий в сущности, что Бог в идентичности стал человеком, теперь нужно очень беречь благородный образ, а старому Адаму с его сластолюбием не давать воли, но всегда умерщвлять, чтобы новый человек рос большим и украшенным чудесами мудрости.

4. Теперь, однако, разум спрашивает: «Какова же идентичность Божья?» Смотри, Бог есть Дух, и нрав с чувствами и желаниями — тоже дух. Нрав есть колесо природы, вожделение есть центр, то есть первая

сущность к природе, а чувства суть эссенции, ибо из эссенций выходят чувства, они берут начало из шипа похотливости, то есть из терпкости, ибо они горечь и всегда бегут во нрав, как в колесо страха, и ищут покоя, желая достичь Божьей свободы. Это именно они разжигают огонь в колесе страха, то есть в нраве, и в возгорании добровольно во вспышке предаются смерти, и так тонут сквозь муку огня в свободу, значит, в руки Бога, они выходят в свободе, словно жизнь из смерти: они — корни нового вкуса, проникающие в мудрость и чудеса Божьи, приносят вожделение из страха смерти, они наполняют свою мать, нрав, и дают ей силу Божьей эссенции.

5. Так что нрав — это колесо, или истинная камера жизни, как дом души, которого частью она сама является, куда причитается существенность (понимай, существенность тинктуры), как жизнь огня, ибо из жизни огня возникает нрав, и огненная жизнь пребывает во нраве, но нрав благороднее огня, ибо он есть подвижность огненной жизни, он творит разум. Чувства — слуги нрава и тончайшие вестники, они входят в Бога и снова из Бога в нужду, и где они возгорятся — в Боге или в нужде, как в ложности, то принесут они домой нраву. Так благородный нрав зачастую должен преодолевать злобность и удушать её в её страхе, если чувства допустили или загрузили в желание ложное воображение.

6. Итак, поймите, наконец, попутно это! Бог Сам есть Всё и во Всём, но Он выходит из ярости и обретает мир света и силы в Самом Себе; Он Сам создает его, так

что ярость со всеми образами это лишь причина жизни (и [причина] найти себя в великих чудесах). Он основание и бездна, свобода и природа в свете и тьме, и человек — это тоже всё, если только он ищет и находит себя, как Бог.

7. Всё наше писание и учение нацелено лишь на то, как мы сами себя должны искать, создавать и, наконец, обретать, как мы должны рождаться, чтобы мы были с Богом единым духом, чтобы Бог был в нас, а мы — в Боге, чтобы Божиий дух любви в нас был хотением и также деянием и чтобы убежали мы муки страха, чтобы мы ввели себя в истинную идентичность в трех мирах, каждый из которых стоит в своем порядке, и чтобы мир света был в нас господином, то есть управлял, чтобы, значит, мир страха в мире света оставался бы сокрыт, так же как в Боге, и был лишь причиной жизни и чудес духа. Иначе, если мы не достигнем мира света, то мир страха будет в нас верховной властью, то мы вечно будем жить во враждебной муке. Эта борьба длится столько, сколько длится земная жизнь, потом она входит в вечный эфир, в свет или тьму, откуда больше нет спасения и о чем предостерегает нас Дух Божий и учит нас верному пути. Аминь.

Заключение

8. Итак, боголюбивый читатель, знай, что человек есть истинное подобие Божье, которое Бог очень любит и открывается в этом подобии как в Своей собственной сущности. Бог — сердцевина в человеке, но

живет Он лишь в Себе Самом, разве что дух человека станет с Ним Единым Духом, тогда Он открывается в существенности, как то в нраве, уме и вожделении, так что нрав чувствует Его, а то Он для нас в этом мире слишком тонок, чтобы видеть. Только помыслы прозревают Его в духе, понимай — в духе воли, ибо воля посылает свои помыслы в Бога, и Бог поддается помыслам и становится единой сущностью с ними, затем приносят помыслы воле Божью силу, и воля принимает их с радостью, но и с трепетом, ибо она сознает себя недостойной, поскольку она происходит из суровой обители шаткого нрава, потому она принимает силу в низком поклоне перед Богом. Так что ее триумф становится кротким смирением, это истинная сущность Бога; и эта же постигнутая сущность есть небесное тело в воле и зовется подлинной и истинной верой, которую воля обрела в силе Бога; она (вера) погружается в нрав, и живет в огне души.

9. Таков завершенный образ Божий, и Бог видит или находит Себя в таком подобии. И совсем не следует думать о Боге, что Он — чуждая сущность. Безбожникам Он чуждая сущность, ибо безбожник не постигает Его. Бог хотя и в нем, но по свету любви Его не явен в воле и нраве безбожника — в нем явлена лишь его ярость, света он не может достичь, он (свет) есть в нем, но не приносит ему пользы, его эссенция не вбирает свет, он (безбожник) избегает его, он (свет) — только пытка его и мука, он лишь враждует со светом, как дьявол враждует с солнцем и со светом Божьим.

Он был бы более доволен, если бы он мог вечно быть во тьме и знал бы, что Бог далеко от него, тогда он не ощущал бы в себе стыда и насмешки. Но поскольку он знает, что Бог так близок к нему, а он всё же не может постичь Его, то это его великое мучение, что он враждует сам с собой и доставляет ему вечное недовольство, страх и отчаяние, что он знает, что он не может стяжать милость и лик Божий, его мучает его собственная фальшивость, но он не может утешиться [тем], что он мог бы прийти к милости. Ибо он не соприкасается с Богом, но только с центром в страхе, в ярости, он остается в смерти, в муке умирания, он не в силах вырваться, ибо ничто не приходит ему на помощь, чего он мог бы держаться, чтобы он мог обосноваться в Царстве Божьем. Если бы даже он тысячу лет в бездне падал в глубину, то он всё же во тьме вне Бога, а Бог, тем не менее, в нем, но ему это никак не помогает, Он его тоже не знает, хотя он знает Его и чувствует только Его ярость.

10. Это поймите наконец! Как огонь пребывает в камне, а камень его не знает, он не чувствует его, только яростную причину огня, который держит терпкий камень заключенным в теле. Так и дьявол чувствует причину света, эта же причина является яростным центром и держит его в плену, и поэтому он скорбит, но и впрочем не имеет ничего, что было бы лучше. Стало быть, он ничто, как ядовитая яростная злоба, смертная мука, и все же не умирание, но изнуряющий яд, голод и жажда, но без утоления. Все, что есть злого, завист-

ливого, терпкого и горького, что бежит смирения, как сделал он, это его сила и его враждебная алчба. Что Богу враждебно и бежит Его или проклинает, то служит ему, что обращает правду в ложь, то его воля, которую он оседлал и в которой он охотно обитает. Таков и человек без Бога: когда он теряет Бога, он в муке страха и имеет волю дьявола. Но это знайте:

11. Бог разбил в человеческой душе терпкость смерти и вошел в предел, где разрывается смерть. Он разорвал границу в центре души и утвердил Свой свет против света жизни человека, ему даруется свет, пока он живет в силе солнца. Если он захочет обратиться и войти в свет Бога, он будет принят: над ним нет предопределения, но если он утратит жизнь солнца и ничего не будет иметь также от жизни Божьей, то с ним покончено, он есть и пребудет дьявол. Но Бог знает своих, Он знает, которые обратятся к Нему; над ними свершается предопределение, о чем говорит в писание; а на тех, которые не хотят, нисходит затхлость или лишение света. Ведь человек имеет в себе оба центра: коль скоро он, стало быть, хочет быть только дьяволом, разве должен Бог бросать жемчуг на пути дьявола[3]? Должен ли Он Свой Дух вливать в безбожную волю? Да, из воли человека должен родиться Дух Божий, он должен сам стать Богом в Духе воли, иначе он не обретет божественной существенности, то есть мудрости.

---

[3] Ср.: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями» (Мф 7:6).

12. Потому опомнитесь, дорогие дети, и входите правильной дверью! Это сулит не только отпущение, но и рождение, едва дается отпущение, то есть грех становится тогда оболочкой — новый человек вырастет из нее и отбрасывает оболочку прочь, это называется Божьим прощением. Бог отпускает зло от нового человека прочь. Он отводит его (зло) прочь от него, оно не выводится из тела, но грех отдается в центр, как дрова для огня, и должен, значит, послужить причиной Принципа огня, из которого сияет свет; это должно служить святому человеку к лучшему, как говорит Св. Павел: «Тем, кто любит Бога, все вещи должны служить к лучшему, и грех». Рим 8:28[4].

13. Что же мы скажем: Должны ли мы грешить, чтобы было рождено наше спасение? Не дай Бог. Как могло бы мне захотеться снова войти в то, чему я умер? Мне надо было бы опять идти из света во тьму?

14. Значит, должно быть [так], что Божьи святые ничего не теряют, так всё должно служить им. Что для грешников шип к смерти, то для святых сила к жизни.

15. Так говорит внешний разум: «Значит, я должен грешить, чтобы мое спасение возросло». Но мы знаем: кто выходит из света, тот уходит во тьму, тот пусть как раз следит, чтобы не остаться ему во тьме,

---

[4] Ср.: «<...> любящим Бога, призванным по Его изволению, всё содействует ко благу» (Рим 8:28). Разночтение отчасти объясняется знакомой вольностью обращения с текстом Писания, отчасти же цитированием перевода Лютера («<...> все вещи служат к лучшему»). Но «и грех» — это консеквенция автора.

ибо он намеренно грешит против Святого Духа. Не заблуждайтесь, Бог не попускает насмехаться над Собой! Из Его любви мы после нашего падения вновь стали праведны через Его вхождение в нашу плоть; но кто намеренно входит в грех, тот презирает и хулит вочеловечение Христа и принимает в себя тяжкое бремя, пусть он как следует поймет: ему будет тяжелее вновь выйти из умышленного греха, чем тому, кому путь Бога еще не был открыт.

16. Поэтому полезно сторониться и бежать от зла, отвращать свои глаза от ложного, чтобы чувства не вошли в ложное и не привнесли его затем в сердце, отчего возникает страсть, так что вожделение воображает и вводит это в нрав, отчего благородный образ разрушается и превращается перед Богом в мерзость.

17. Хочется нам честно из нашего дара и глубокого познания предостеречь боголюбивого читателя и слушателя: вам совершенно серьезно и честно представили путь истины и света, и призываем вас всех по-христиански подумать над этим и читать прилежно, в этом содержится свой плод. Аллилуйя, аминь!

III ЧАСТЬ

вочеловечения Иисуса Христа.

Дерево христианской веры;
истинное наставление [в том],
как человек может быть один дух
с Богом, и что он должен делать,
чтобы творить дела Божьи.
Где всё христианское учение
и вера вкратце изложены.
Далее, что есть вера и учение?
Открытые врата великого таинства
Божьего, из божественной магии
через три Принципа
божественной сущности

ГЛАВА I

ЧТО ЕСТЬ ВЕРА, И КАК ОНА ЯВЛЯЕТСЯ ОДНИМ ДУХОМ С БОГОМ?

1.

Христос говорит: Ищите сначала Царство Божье и Его правду, тогда вам приложится всё остальное; Мф 6:33[1]. Далее: Мой Отец даст Духа Святого [тем], которые Его об этом просят; Лк 11:13. И, когда придет тот, который наставит вас на всякую истину, он напомнит вам всё то, что я сказал вам: ибо от Моего он это возьмет и возвестит вам; Ин 16:13–15. Далее: Я дам вам уста и премудрость, что вам следует говорить; Лк 21:15. И Св. Павел говорит: Мы не знаем, что нам следует просить и говорить, но Дух Божий ходатайствует о нас властно, по тому, как то угодно Богу; Рим 8:26.

2. Так вот вера не есть историческая наука, чтобы человек дал ей (вере) устав и только его держался и принуждал свой нрав к делам своего разума, напротив, она есть Один Дух с Богом, ибо Святой Дух правит в духе веры.

3. Истинная вера есть власть Божья, Один дух с Богом. Она действует в Боге и с Богом, она свобод-

[1] Здесь и далее Бёме не столько цитирует Новый Завет, сколько выстраивает, опираясь на указываемые места, логику собственного высказывания. Поэтому все «цитаты» неточны.

на и не связана никаким уставом, как только истинной любовью, откуда она берет силу и крепость своей жизни и никак не зависит от человеческих мечтаний.

4. Ибо как Бог свободен от всякой склонности, так что Он делает что хочет и не должен давать в том отчета: так же свободна и истинная праведная вера в Духе Божьем. У нее не более, чем одна склонность, то есть к любви и милосердию Божьему, так что она ввергает свою волю в Божью волю и выходит из звездного и элементарного разума, она ищет себя не в разуме плоти, но в Божьей любви. И если она себя находит, то находит она себя в Боге и творит с Богом, не по разуму, чего тот хочет, но в Боге, чего хочет Дух Божий, ибо она не ценит земную жизнь ни во что, чтобы жить ей в Боге и Божий Дух был бы в ней желанием и деянием. Она предается в смирении в волю Божью и сквозь разум погружается в смерть; но прорастает с Духом Божьим в Божьей жизни. Она словно бы ничто, а всё же в Боге — всё, она — украшение и корона Божества, чудо в божественной магии. Она создает [там], где ничего нет, и берет [там], где ничего не создано. Она творит, и никто не видит ее сущности; она возвышается, и всё же не должна возноситься. Она могущественна, и все же являет нижайшее смирение. Она имеет всё, и всё же обладает лишь кротостью. Таким образом, она свободна от всякой злобы, и нет ей закона, ибо ярость природы не касается её. Она пребывает в вечности, ибо она не имеет основания, она заключена в Ничто, так же как свободна бездна веч-

ности, и покоится в Ничто, как только в себе самой, где пребывает вечная кротость.

5. Так же и праведная истинная вера в бездне. Она сама в себе есть сущность, она живет, но ищет не своей жизни, а ищет жизни вечного тихого покоя. Она выходит из духа своей жизни и сама владеет собой, следовательно она свободна от муки подобно тому, как Бог свободен от муки, и значит, живет в вечной свободе в Боге. С вечной свободой в Боге она как Ничто, и всё-таки во Всем: всё ей подстать, что Бог и вечность могут и [что они] суть. Она ничем не захвачена, и, тем не менее, прекрасное прибежище в великой власти Божьей. Она есть сущность, но, однако, не охвачена ни одной сущностью; она — сообщница (Gespielin) и подруга божественной Девы, мудрости Божьей, в ней заключены великие чудеса Бога, и всё же [она] свободна от всего, так же. как свет свободен от огня, и ведь рождается он всегда от огня, и мука огня, тем не менее, не может охватить или коснуться его.

6. Итак, равным образом мы даем вам понять, что вера рождается из духа жизни, как из непрерывно горящего огня, и светит в том же огне, она наполняет огонь жизни, но никогда не [бывает] охвачена им. Но если она охвачена [огнем], то она сама входит в разум, как в темницу, и не пребывает больше в Боге, в Его свободе, напортив, она входит в муку, она мучает сама себя, ведь она всё же хочет быть свободна. В разуме она творит чудеса в огне природы, а в свободе она творит чудеса Божьи в любви.

ГЛАВА II

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВЕРЫ, И ПОЧЕМУ ВЕРА И СОМНЕНИЕ ЖИВУТ ВМЕСТЕ

1.

Поскольку, однако, вера, стало быть, есть Один Дух с Богом, нам следует рассмотреть ее происхождение, ибо мы не можем сказать, что она есть фигура или образ разума, она — образ Божий, Божье подобие, вечная фигура, и может всё же во время тела разрушиться или обратиться в муку страха. Ибо в своей собственной сущности в изначальном состоянии она есть чистая воля, эта же воля — семя: его должен дух огня, то есть душа, посеять в Божьей свободе, тогда вырастет из того семени дерево, от которого душа будет вкушать и смягчать свою огненную жизнь, чтобы становиться сильной и давать свою силу корням дерева, отчего дерево возрастает в Духе Божьем до чудес Божьего величия и цветет в Божьем Раю.

2. И хотя, возможно, что мы с этим описанием могли показаться немы и непонятны, ибо разум хочет всё потрогать и увидеть, мы намерены со всей ясностью вывести на свет, почему вера и сомнение идут рука об руку и как будто связаны одной цепью, так что в человеке идет ожесточенный спор всё то время, пока он гость в этой обители земной жизни, разве что он очень точ-

но (trefflich sehr) погрузится в себя, так что он сможет ввести огонь жизни в Божью свободу, тогда он в жизни разума как бы мертв. И хотя он и живет, но живет он Богу, что есть, наверное, самая драгоценная жизнь человека и редко в ком находится, ибо она схожа с первым образом, созданным Богом. Хотя смертное всё же присуще ему, но оно как бы мертво, как будто его облекает мертвый образ, предназначенный к разрушению, так как истинный человек живет не в нем, ибо истинная жизнь обращена противоположно и идет в другом мире, в другом Принципе, и живет в другой муке.

3. Так вот, поймите нас попутно! Вы видите и познаете исток человеческой жизни, как она возникает в материнской утробе, и видите потом, в чем она качествует (qualifizieret[1]) и движется, то есть именно в четырех образах: в огне, воздухе, воде и плоти, и пусть она даже в них так пребывает, она в этом всё же не более чем животная жизнь, ибо ее разум приходит ей от звезд и проявляется, потому что солнце и звезды создают в четырех элементах тинктуру, от которой происходит разум и качествование, так же как желание и отвращение. Но это еще долго не истинная человеческая жизнь, ибо этот разум не ищет ничего высшего, как только себя самое в своих чудесах. Но

[1] Еще один повод вспомнить о своеобразной этимологии Бёме, связывающей понятия качества, муки, источника, потока. Напрашивается описательная конструкция «в какое качество она отливается», которая проясняет эту связь, но не совсем точна в передаче смысла конкретного места текста.

в человеке, однако, есть еще желание и великая тоска по высшей, лучшей и вечной жизни, в которой нет такой муки. И хотя разум этого желания не улавливает и не видит, все же в нем заложен Мистериум, который вкушает и познает то, из чего возникает влечение, почему мы узнаём, что этот самый Мистериум был насажден еще в первом творении и является свойством человека. И так находим, что он проявляется в вожделении или стремлении, то есть именно в магическом влечении. Далее мы находим, что мы с этим самым Мистериумом живем, как дома, в чужой обители, и что этот Мистериум сто*и*т не в духе этого мира, ибо он (дух) не постигает и не обретает его, на чём мы познаём тяжкое падение Адама, ибо мы находим этот Мистериум в воле нрава (Gemüth) и что это — потаенный источник, который открывается в неком ином Принципе. Мы также понимаем, что этот Мистериум сокрыто сто*и*т в огне, в муке страха, и открывается через страх воли. И затем, в-третьих, мы находим, как этот Мистериум удерживается в плену духом этого мира и как внешний разум жизни имеет власть входить туда, портить его, чтобы этот Мистериум не мог прийти к свету, причем он (разум) скрывает то, что родильница не может больше рожать и, значит, остается сокрытой в Мистериуме. И так, когда разрушится тело, у воли не будет больше никого, кто смог бы открыть Мистериум, с тем, следовательно, останется огонь или дух души во тьме, и Мистериум будет навечно сокрыт в ней, подобно тому, как в не своем Принципе.

4. Так мы познаем Мистериум, как Царство Божье, которое скрыто стоит в душе, которое дает душе желание и стремление, так что она воображается в этот Мистериум, где она затем в этом Мистериуме магически беременеет, отчего у нее появляется воля выйти из жизни огня в Божий Мистериум. И коль скоро она поднимает волю и бросает ее от себя в Мистериум, то воля в Мистериуме становится беременна, ибо она алчет и получает тело Мистериума, как его сущность, которая есть сущность Бога, непостижимая для природы; так зачинает воля в себе Божье подобие или образ.

5. Поскольку же воля порождается из огня души, то своим корнем она стоит в душе, и между волей и душой нет промежутка, напротив, воля в Боге становится духом и облачением души, так что душа становится в воле сокрытой в Боге, так что, хотя она даже живёт еще в теле, тем не менее она охвачена свой волей и укрыта в Боге. И является, значит, в воле (которая есть истинная строгая вера) дитём Божьим и живет в другом мире.

6. Это теперь надо понимать не так, как подобие исторической воли, когда разум знает, что в нем есть тяга к Богу и держит эту тягу во злобе, так что воля не может выйти из души и войти в жизнь или Мистериум Бога; напротив, придумывает оправдания и вводит волю в заблуждение, что она потом не может достичь Божьего Мистериума и остается, следовательно, в заблуждении или вовсе скрытой в душе, при этом она обращена на что-то будущее, поскольку разум держит волю заключенной в плотской похоти, в звезд-

ной магии и всегда говорит: «Завтра ты должна выйти и искать Мистериум Божий». На самом деле никакой собственной возможности найти нет — это просто самообман. Так и ни в каком заблуждении нет свободы, куда воля могла бы войти и видеть Бога, что бы себе ни выдумывал разум: что-то делать или как-то поступать и, значит, тем быть угодным Богу.

7. Ибо нет иного пути, который был бы более правильным, как только выйти волей из разума и искать не себя, — напротив, бросить себя целиком в любовь Божью и в Божью волю и всё, что по пути подбрасывает разум, оставлять без внимания. И сколь бы ни были велики пороки и совершённые грехи, которым предавалось тело, нужно лишь переступать через них с волей и ценить любовь Божью больше, чем грязь греха, ибо Бог не принимает грехи, но принимает послушание и свободную волю. Он не впускает в Себя грех, но смиренную волю, которая исходит из грешника и которая не хочет больше грешить, но погружается вне разума в Его любовь, как послушное смиренное дитя, — его Он принимает, ибо оно чисто. Но если оно еще сидит в заблуждении, то оно и охвачено заблуждением и не свободно. Поскольку же Бог в себе свободен от злобы, то и воля должна быть свободна, ибо она тоже есть Божье подобие, образ и достояние, ибо, что придет к Нему в Его свободу, того Он не вытолкнет прочь — как учит нас Христос; Ин 6:37[2].

---

[2] Ср.: «Всё, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон», Ин 6:37.

ГЛАВА III

О СВОЙСТВЕ ВЕРЫ, КАК ОНА ИСХОДИТ ИЗ ВОЛИ ПРИРОДНОГО ВЛЕЧЕНИЯ В СВОБОДНУЮ БОЖЬЮ ВОЛЮ

1.

Так поймите нас теперь дальше на этом пути. Мы знаем и видим это также в Святом Писании, как и в свете Природы, и во всем сущем достаточно познаваемо, что все происходит от вечной сущности: добро и зло, любовь и гнев, жизнь и смерть, радость и страдание. Однако мы не можем так сказать, что поэтому зло и смерть приходят от Бога, ибо в Боге нет зла, также и смерти, и никакое зло в вечность не входит в Него, только ярость истекает из огня природы, поскольку жизнь стоит как бы в магии, где один образ влечения вожделеет и будит другой, отчего возникают эссенции множественности, из которых рождаются чудеса, в которых вечность открывается в подобиях. И хотя мы все же должны сказать, что в Воле Божьей есть вожделение, которое обуславливает магию, из которой происходит множественность; но, тем не менее, множественность не есть сама Божья Воля, которая свободна от всякой сущности, но во влечении Воли рождается природа со всеми образами: поскольку ведь всё происходит из вожделения, из вечной магии.

2. И нам предстоит дальше узнать, что все то, что получает жизнь (что воображается во влечение и полагает свою волю в природу), есть дитя природы, и одной с природой жизни. Но что со своей волей исходит от влечения природы в свободную Божью Волю, то принимается и познается свободной Волей и является духом в Боге. И пусть это даже пребывает в природе, так же как [сама] природа постоянно от вечности рождается в Божьей Воле, то всё же его духовная жизнь течет вне природы в свободной Воле, и, значит, чудеса природы открываются в Боге и всё же не являются собственно Богом: и так как дух воли души исходит из разума Природы в свободную Волю Божью, то дух воли есть дитя Божье, а дух природы — Божье чудо, и тварь, обращенная в себя самоё, сто*и*т как сам Бог, ибо звездный дух, или дух разума, ищет в своей магии, в своем центре разума, чудеса вечности, для чего Бог сотворил душу в тело внешней природы, хоть она уловима лишь внутри, а дух воли исходит в свободу Божью, поскольку Святой Дух ведет его потом в свободном божественном Мистериуме, так что Божественность стоит открыто в духе воли, а в духе разума стоит открыто магия Природы с ее чудесами.

3. Так как душа это центр, где истинный дух воли против Божьей свободы исходит в свободу Божью как в божественный Мистериум, то она связана и со звездным духом, и если она его обуздывает, чтобы он не причинял зла, то она может ввести звездные чудеса, которые в зеркале элементов превращены в субстанцию,

в свободную Волю Божью пред Божье Величие, чтобы, значит, чудеса предстали в свободе Божьего Величия как подобие Воли Божьей. Не надо так понимать, что свобода Божья смешивается с чудесами природы и с подобием, что это одно [целое] — нет, Бог остается вечно свободен, Он живет в чудесах, как душа в теле. Сколь мало тело постигает душу или огонь — свет, так же мало и природа — Божество, и всё же это единая сущность и разделилась в вечности на две сущности так же, как огонь и свет, где мы в огне понимаем муку природы, а в свете Мистериум жизни духа без муки, хотя огонь сам тоже Мистериум.

4. Итак, поймите нас, это имеет один образ (Gestalt) также с человеком. Душа есть огонь истинной человеческой жизни, который Бог из вечной Природы вдохнул в Адама вместе с его духом, как из центра Бога, и дух, который был рожден из огня души, который Дух Божий формировал как Свой образ, — он имеет божественный Мистериум, откуда рождается воля к любви Божьей, откуда возникает божественная магия или влечение, так что дух воли хочет Бога. И так он теперь восходит, то есть из потаенного Мистериума исходит в свободу Бога, так он является ветвью или ростком в Царстве Божьем, выросшим из Божьего Мистериума, и творит в Божьей Воле и постоянно открывает чудеса в Божьей мудрости: не так чтобы в Боге рождалось нечто новое, чего от вечности не было в Божьей мудрости, которая не имеет ни основания, ни числа, но лишь в духе души, в себе самом, открывается вечный беско-

нечный Мистериум, к славе и чудотворству Бога и себя самого, понимай: к вечной радости твари.

5. Однако если земное испорченное влечение смешивается со звездной мукой, но и душа в тяжком падении Адама воображается своей волей в звезды, а также — в земную похоть, и вводит в себя чуждую магию, то воля сломлена и божественный образ разрушен; и небесный божественный образ человека стал земным, так что истинная воля уже как бы обращена, как в духе этого мира, а именно в разум, который порождается созвездиями. Теперь уж истинному образу Божьему, который так разрушен и стал земным, приходит нужда быть рожденным вторично и заново. И не нашлось бы способа помочь этому образу, если бы Слово из центра Бога, именно Божья собственная жизнь, не стало человеком и не возродило бы в Себе вновь несчастную душу, чей образ был испорчен — так опять пришла помощь истинному образу, иначе у него были бы навечно украдены свобода и величие Божье.

6. Поскольку все души произошли от одной, то все они рождены от испорченного корня. Но поскольку новая рожденная вторично жизнь во Христе пришла вновь в одной душе, то всем нам пришла нужда устремить свою волю в Христово второе рождение; ибо во Христе мы со своей душой вновь были рождены в Боге и во Христе снова обрели образ. Ибо наш Мистериум в душе после падения Адама стоял только в магии природы, которая в своем центре есть огонь; и образ из свободы Божьей был обращен во внешнюю магию, как

во внешний Принцип. Если же он разрушится в сущности, то останется бедный испорченный образ души нагим, как потерянное дитя, и не сможет пробудить в своем центре ничего, как только яростную муку огня. Ибо она из Слова Божьего, то есть из Божьего Мистериума, вышла в хрупкое зеркало, именно в дух этого мира, который имеет начало и конец, потому ведь и тело души стало полностью земным и отошло бренности и смерти.

7. Итак, поскольку Бог из милости обратил Свою Любовь к нам и нашу душу во Христе снова повернул в Себя в свободу и оживил божественный Мистериум в образе, чтобы образ вновь мог жить в Боге, в чудесах рая, — мы нуждаемся [в том], чтобы мы сломили свою волю от внешнего центра, то есть от преходящей жизни, и ввели [её] в свободную Волю Бога. К этому относятся не только история или наука[1], что кто-то скажет: «Я верю» — что означает, я знаю это, или я желаю этого, и все-таки остается волей во внешнем Принципе, как во внешнем влечении. Нет, это значит: «Вы должны быть рождены заново от воды и Святого Духа, иначе не увидите Царства Божьего»; Ин 3:5. Это должно быть всерьез; воля разума должна быть разрушена, это должно быть живое движение воли, которая прорывается сквозь разум и которая борется про-

[1] Под «историей» Бёме часто подразумевает события и поведение людей в частной жизни, «наукой» же, — порой не без пренебрежения, — называет знания, которыми оперирует земной разум.

тив разума. И если душе это оказывается не по силам, так как она слишком испорчена, то, что ж, нет другого и лучшего совета для нее, как чтобы она со всем разумом и чувствами сделалась мертвой и просто положилась только на милосердие Божье и предалась ему, чтобы для разума не осталось места, напротив, он должен быть подчинен, а если воля побивает разум, он подобен мертвому, поскольку он все же еще жив. Но он становится слугой истинной воли, потому что вне её он все-таки хочет быть господином, ибо Божья Воля должна стать господином над разумом, если разум хочет сделать что-то достойное, чтобы устоять перед Богом. Ибо ничто не может устоять перед Богом, если оно не было рождено в Божьей воле. Но когда воля обращается к Богу, то дух воли становится дитём Божьим, и тогда перед Богом устоят и чудеса, которые сделаны с духом разума, ибо они делаются в воле Божьей и переводятся из временного в вечное.

8. И хотя мы, конечно, не можем сказать, что наши дела и творения останутся вечно, то все же, однако, останется та их тень или образ, насколько они остаются истинны в сущности, но в Мистериуме, то есть в божественной магии мудрости Божьей, в них разрушается лишь внешний Принцип, как в образе человека разрушается лишь внешнее правление в четырех элементах, и все четыре вновь соединяются в Один. Поскольку же и все краски и формы четырех элементов со всем тем, что в них рождается, распознаются, потому и был определен Богом последний судный день,

когда всё должно быть испытано огнем, было ли оно рождено в Божьей воле, тогда каждый Принцип должен пожать свои чудеса; и тогда многие дела человеческие сгорят в огне, потому что были рождены не в Божьей воле, ибо не войдет в Бога ничто нечистое. А что порождено от иной магии, то нечисто.

9. Примером нам служит земля, которая испорчена. Ты говоришь: «Почему?» Ответ: дьявол с его легионами пребывал при сотворении его (поскольку он ведь был создан ангелом) в сульфуре, или в центре природы, из которого затем была создана земля, он самый пробудил ярость в природе, так чтобы земля имела злое нечистое влечение, хотя она заключена в смерти и предназначена к путрефакции[2], поскольку она должна быть испытана вечным огнем и вновь прийти в то, чем она была до Творения, именно — в вечную магию вечной природы.

---

[2] Термин алхимии, означающий «гниение». См., напр.: «Путрефакция была обязательной стадией Великого Делания, ибо гниение считалось непременной предпосылкой жизни», — http://www.hp-theory.ru/theories_63.html. Ср. с евангельской притчей о зерне, которое должно умереть, чтобы принести плоды, и — со всей логикой «второго рождения» у Бёме и Гихтеля. (Прим. пер. — К.К., С.Ш.)

ГЛАВА IV

ЧТО ЕСТЬ ДЕЛО ВЕРЫ, И КАК В НЕЙ ПРЕВРАЩАЕТСЯ ВОЛЯ, И О ВОЖДЕ ВЕРЫ

1.

Поскольку, однако, Всё, что рождается из Природы, заключено в Божьей воле, и мы, таким образом, понимаем, что ничто не может войти в Божью волю, если оно рождено или сделано не в Божьей воле, то мы ясно понимаем, что нам нужно всем своим разумом и чувствами предаться в волю Божью и, значит, трудиться в миру руками, искать пищи животу, но и нашу волю вкладывать совсем не в это, и не желать обладания земным как своим сокровищем, ибо, где наша воля и сердце, там и наше сокровище. Если наша воля в Божьей воле, то мы обладаем великим Божьим Мистериумом, из которого как его же подобие был порожден этот мир и, следовательно, обладаем тем и другим, вечным и преходящим, и даже бо́льшим. Мы вводим в вечный Мистериум чудеса наших дел, ибо они держатся духом воли. Но если мы обращаем нашу волю от вечного к земному Мистериуму и почитаем деньги своим сокровищем и красоту тела — своим великолепием, а почести и власть — нашей лучшей драгоценностью, то наша воля пленена этим самым, и, значит, [мы] привязаны

лишь к зеркалу и не достигаем Божьей свободы, ибо зеркало как внешнее царство будет испытано огнем и ярость будет отделена от чистого, поскольку ярость будет вечным горением.

2. Поскольку же разум вводит душевный нрав и дух воли души, в которой стоит образ Божий и истинный человек, во внешнее зеркало как в обманчивое хотение: то образ и истинный человек пленяются им и заражаются внешней магией того же хотения, поскольку тогда образ зачинает внешнюю существенность, не только как облачение, но это заражение и полное смешение. Хотя, возможно, огонь души не смешивается с внешним царством, то смешивается всё же дух воли души, который является магическим, и образ Божий разрушается и превращается в земной, поскольку жизнь огня души тогда остается грубой и имеет в духе воли земной образ.

3. Если тело, стало быть, разрушается и умирает, то душа сохраняет свой образ как свой дух воли: теперь она расстается с образом тела, ибо смерть это разделение; вслед за тем образ является с теми вещами и в тех вещах, которые она [душа] вобрала в себя здесь, которыми она была заражена, ибо ту же муку она имеет в себе. Что она любила, и [что] было ее сокровищем, и в это вошел дух воли, по тому себя фигурирует и душевный образ. Если кто-то при жизни обратил свое сердце и нрав в высокомерие, то этот поток (Quaal[1])

[1] Одно из, как нам представляется, словообразований (муж. р.) Бёме, соединяющее смыслы двух слов: Quall (м.р., поток) и Qual (ж.р., мука), которое он иногда также пишет с удвоенным «а».

постоянно прибывает (quillet ... auf) в огне души в образе и переступает через любовь и кротость, как через Божью свободу, и не может ни обрести свободу, ни обладать ею; а только набухает в себе в такой муке страха и непрерывно фигурирует (figurieret[2]) дух воли по земным вещам, в которые вошла его воля; блестит, значит, ими в огне души и беспрестанно возносится в гордыне, и хочет в огне возвыситься над кротостью Божьей, ибо не может обрести никакой иной воли. Ибо он [дух воли] не может войти в Божью свободу, в святой Мистериум, в котором он мог бы обрести другую волю, просто он живет только в себе самом, он ничего не имеет и не может ничего достичь, как только то, что он в своей внешней жизни уже заключил в себе. И так же происходит с жадным, тот несет в своей воле и образе магическую алчность, он всегда хочет иметь много и фигурирует себе в дух своей воли то, в чем он был обойден в жизни тела. Но поскольку она его покинула и его сущность больше не является земной, то он, тем не менее, ведет земную волю, терзает и мучает себя ею, ибо не может достичь ничего иного.

4. Еще намного хуже дело обстоит с лицемерием, о котором вопиял убогий и проклинал его из-за своего принуждения. Ибо всё то, что сделано в злобе, чему

И оба, так же, как и неологизм и употребленный глагол (aufquellen: набухать, прибывать — *о воде*), сохраняют актуальную для автора смысловую связь с «качеством» (Qualität).

[2] В данном случае — переходный глагол: придает фигуру, офигуривает.

он (лицемер) был причиной, — это следует за ним, ибо оно было сотворено в Мистериуме гнева. Так падает испорченная душа после отмирания тела в то же самое: теперь она должна купаться в тех же мерзостях. И даже если бы было возможно восуществиться в любовь Божью, то тянут, однако, назад те же мерзости и злобства, ибо они производят вечное отчаяние, когда душа, наконец, самоотвергается, отрекается от Бога и вожделеет лишь в тех же мерзостях возвыситься и жить. И ее радостью становится порочить Бога и Его святых, самой же в мерзостях возвышаться над Богом и Царством небесным и всё же ни того, ни другого не касаться и не видеть.

5. Итак, мы даем вам рассмотреть, что есть воля и уверенность, как то именно, что она есть мастер и вождь, который вводит человеку его образ в двух [ипостасях] — в Божьей любви и также в Божьем гневе. Ибо в воле порождается праведная истинная вера, в которой стоит благородный образ Божий, ибо в вере мы через Христа вновь рождаемся в Боге и опять обретаем благородный образ, который Адам потерял, а Христос с Божьей жизнью вновь ввел человечество.

6. И лицемерная воля разрушает образ, ибо воля — это корень образа, ибо она зачинает в себе Мистериум Бога, а дух этого Мистериума раскрывает прекрасный образ и прививает ему божественный Мистериум как Божью существенность, понимай: небесное тело Христа, которое было рождено из Бога в драгоценной и прекрасной Деве Его мудрости, кото-

рое заполняет небо. Если уж наш нрав и воля вкладываются в это и воля жаждет этого, то воля становится магической и входит внутрь, и когда она голодна, то она может есть хлеб Бога — теперь у нее появляется новое тело, которое есть очаровательное древо христианской веры, ибо каждое тело любит самоё себя: если уж душа получает Божье тело, которое ведь сладко и очаровательно, как она могла бы не любить его, которое ведь дается ей в собственность, в котором она живет и любит и от силы которого она вкушает и укрепляется.

7. Так вот никто не должен себя обманывать и оставаться сидеть в своем лицемерии и неправедности, и утешаться исторической верой, когда он думает: Бог ведь добр, уж Он мне простит, я скоплю сокровища и попользуюсь ими всласть, и моим детям оставлю много богатства и почета, а после уж покаюсь. Но это тщетный обман, ты копишь им лицемерие и зачинаешь в себе неправедность; пусть даже еще из лучших побуждений, но всё это земное, и ты окунул твое сердце и волю в земной сосуд, и этим воздействовал на твой благородный образ и одел [его], и этим заразил целиком. К тому же ты оставляешь твоим детям в наследство лишь гордыню, чтобы и они вложили дух своей воли только в нее. Ты думаешь, что делаешь добро себе и твоим детям, но причиняешь себе и им худшее.

8. Хотя внешнему телу нужна пища, и глупо поступает тот, кто добровольно отдает свое имущество безбожнику, но много глупее поступает тот, кто самого себя своим имуществом делает безбожным челове-

ком, привязывая к нему свое сердце и ценя временное, преходящее удовольствие больше, чем вечное постоянное имущество, которому нет конца. Благословляется же тот, кто приходит на помощь страждущему, ибо тот желает ему всяческого добра и молится Богу, чтобы Он благословил его тело и душу. Так вступает его пожелание и благословление в Мистериум и окружает его, и следует за ним, как доброе дело, рожденное в Боге, ибо это вот сокровище он возьмет с собой, а не земное. Ибо, когда тело умрет, то образ вступает в Мистериум, то есть, он открывается в Мистериуме Бога, ибо во время земной жизни внешний принцип был его покрывалом: оно отпадает прочь со смертью тела, затем является в образе божественный Мистериум, а в нем все добрые дела и творения, что были порождены в любви в воле Божьей.

9. Пожелание и молитва всех кротких детей Божьих пребывают в Мистериуме и присуществляются к образу, ибо дети страждущих, которым он приходил на помощь в их нуждах и горестях, посылали свою волю в своих молитвах в Мистериум Божий и тем обращались к спасителю и утешителю своему, одаривая его тем же в божественном Мистериуме. И когда же этот благодетель приходит в Мистериум, когда его земная жизнь отпадет, то все дела станут очевидны, и каждое присуществлено к Его (далам), куда судила воля.

10. Это всё будет сохраняться до Суда Бога Св. Духа в Мистериуме, когда каждый пожнет то, что посеял здесь на своей пашне; тогда всё это будет зе-

ленеть, расти и цвести на новой небесной земле, на которой человек облачит свой божественный образ в тело совершенного Мистериума Бога, и перед ним (понимай — перед телесным образом) увидит свою праведность, благодаря которой он так прекрасен. Он познает причину этого и в том вовеки возрадуется и в том воспоет хвалу Божьей славе и чудотворству. Напротив, безбожная толпа получит лишь насмешки, жадность, гордыню, злобу и проклятие страждущего в своем Мистериуме, накопленные в гневе, что тоже будет следовать за нею и она будет вечно сознавать причину своей муки, и потому будет вечным врагом Бога и Его детей.

ГЛАВА V

ПОЧЕМУ БЕЗБОЖНИКИ НЕ ОБРАЩАЮТСЯ; ЧТО САМОЕ БОЛЕЗНЕННОЕ В ОБРАЩЕНИИ; О ЛОЖНЫХ ПАСТЫРЯХ; КАК ВОЙТИ В ЦАРСТВО БОЖЬЕ; О РАЗРУШЕНИИ ЦАРСТВА ДЬЯВОЛА; О ТРЕХ ОБРАЗАХ И [О ТОМ], ЧТО МЫ УНАСЛЕДОВАЛИ ОТ АДАМА И ХРИСТА

1.

того всего безбожная толпа не может теперь ни охватить, ни понять. Причина в том, что в них нет воли, жаждущей это постичь, ибо земная сущность пленила их, так что они не могут почерпнуть воли в Божьем Мистериуме. Они перед Богом словно мертвы, в них нет дыхания божественной жизни, они этого и не хотят, они заперты в божественном Мистериуме гнева, так что не познают себя. Не Бог сделал им это, но они пришли к этому своим духом воли и, значит, сами себя унизили, потому они бегут, как безумцы, все же благородное сокровище стоит в их центре сокрытым, в божественном Принципе, и могли бы даже, пожалуй, своей волей выйти из земной сущности и злобы в Божья волю. Они нарочно позволяют ярости удерживать себя, ибо спесивая и самохвальная жизнь слишком нравится им, и это тоже держит их.

2. Но после этого времени уже ничего не попишешь; если огонь души наг и груб, то его можно погасить лишь Божьей кротостью, а именно — водой вечной жизни в Божьем Мистериуме, но его они не достигают,

ибо между ними огромная пропасть, а именно целый Принцип. Но при этой жизни, покуда еще душа плавает в крови и горит, это еще, наверное, возможно, ибо Дух Божий ходит на крыльях ветра. Бог стал человеком, Дух Божий входит с волей в душу, Он вожделеет души, Он ставит Свою магию перед душой, ей стоит лишь открыть дверь, так Он по своей воле войдет и откроет благородное семя Дерева христианской веры. Но это наиболее болезненное, что человеку дается горше всего, когда в нем должно быть рождено Дерево веры, чтобы он вывел дух своей воли из своего земного сокровища, как то: из высокомерия, алчности, зависти, гнева и лицемерия к Духу Божьему. Его уста не должны притворяться, а его сердце и воля — оставаться в земном Мистериуме: это должно быть искренне, от основания сердца и души, воля должна обратиться в Божий Мистериум как в Божью любовь, чтобы Дух Божий имел в нем пространство и место, чтобы раздуть божественную искру — иначе выхода нет, и лицемерие не поможет.

3. Если бы кто-то заучил все писания наизусть и просидел всю свою жизнь в церкви, но по образу души остался земным и животным человеком, который в сердце стремится лишь к лицемерию, то его притворство не поможет ему. Проповедник, который внешне трактует Божий Мистериум, но не имеет образа Бога внутри, а добивается лишь почести и стяжания, — он так близок к дьяволу, как наималейший, ибо он только жонглер Божьим Мистериумом и ханжа без силы. У него самого нет Мистериума Божьего, как же он

может дать его другим? Он — ложный пастырь и волк среди овец. Ибо каждый человек, который несет в себе Божий Мистериум, который пробудил его и предался ему, чтобы Божий Дух вел его, тот — Божий священник, ибо он учит от Бога. Никто не может учить истинно, если не учит из Мистериума Божьего. Как же может учить тот, кто вне его? Не станет ли он учить от искусства и земного разума? Какое отношение имеет это к Божьему Мистериуму? Хоть разум и благородная сущность, но без Божьего Духа он слеп. Ибо Христос говорит: «Без Меня вы ничего не можете делать», Ин 15:5. «Кого ведет Дух Божий, те Божьи», Рим 8:14. «Кто во двор овчий перелазит инуде, а не через Дух Христов, тот вор и разбойник и приходит только, чтобы грабить и красть», Ин 10:1, и ищет своей выгоды. Тот не пастырь овец, но пожиратель, как поступает волк.

4. Итак, нам предстоит понять дерево христианской веры. Оно должно быть живым, а не мертвой историей или наукой. Слово Жизни должно родиться в образе человека, чтобы душа несла образ Бога, вне которого она не Божье дитя. Не поможет притворство и надежда на отложенное покаяние; ибо покуда кто-то еще носит земной образ в душе, он находится вне Божьего Мистериума. Ты не должен думать: «Я еще успею обратиться, но я хочу прежде достаточно накопить, чтобы не испытывать нужду, чтобы потом у меня на пути не стояли земные дела». Нет, это уловка дьявола; напротив, мы должны войти в Царство Божье через гонения, крест, скорбь, насмешки, презрение, ибо

дьявол правит в земном образе, он высмеивает в своей высокомерной позе детей Божиих, когда они хотят избежать его — так безбожная толпа служит дьяволу и помогает ему в его делах.

5. На это всё человек, стремящийся к Богу, не должен обращать внимания, он должен думать, что он пребывает в чужой стране среди убийц и является паломником, который бредет на свою истинную родину. Он попадает к убийцам, которые его мучат и грабят; и всё, что он только выносит из этого, что он сохраняет свой благородный образ, этого ему довольно, ибо он обретает за то небесный Мистериум, где все лежит втуне, из чего этот мир есть только зеркало тому. Потому столь глуп тот, кто принимает блики зеркала за субстанциональную сущность; ибо зеркало разрушается и его любитель оказывается ограблен. Он подобен тому, кто строит свой дом на песке у большой воды, где вода смывает его дом — так же обстоит дело и с земной надеждой.

6. О, дитя человеческое, ты, благородное создание, не подавайся ей, это стоит твоего вечного царства! Ищи себя и найди себя, но не в земном царстве. Как же хорошо тому, кто находит себя в Царстве Божьем, кто облачается (anzeucht) небесным и божественным Мистериумом и в него входит! Всё украшение этого мира грязь в сравнении с небесным (украшением) и не стоит того, чтобы человек вкладывал в него свою любовь, хотя, верно, что его надо довести до чуда, для чего, наконец, Бог его и создал.

7. Поймите: внешний человек должен открывать чудеса внешней Природы, то есть во внешнем Мистериуме, двойственно: из земли и над землей. Всё, чем располагают звезды и содержит в себе земля, человек должен в чуде, форме и сущности привести к вечной фигуре, которая до времен мира была увидена в Божьей мудрости; но свою волю он не должен в это вкладывать, ни же почитать это своим сокровищем, но только для своего украшения и радости он может этим пользоваться, но внутренним человеком он должен трудиться в Божьем Мистериуме, тогда и Дух Божий поможет ему искать и находить внешнее.

8. Поскольку после тяжкого падения мы стали так испорчены, что наш нрав из небесного Мистериума обратился в земной, то есть в зеркало, так что мы сразу тотчас оказываемся полумертвыми, то наша совершенно крайняя нужда [в том], чтобы мы своим нравом и волей вышли из земного блеска и в первую очередь искали себя прежде земного украшения, чтобы мы сначала узнали, где мы дома, и не делали свой нрав земным.

9. Ибо человек, пусть он даже и в Божьем образе, живет тройственной жизнью. Но если он образ Божий теряет, то он только в двойственной жизни, ибо первая жизнь — это жизнь души, которая начинается в огне вечной природы, и состоит преимущественно в семи образах, всё по духу природы, как это выведено в других местах[1]. Вторая жизнь стоит в образе, кото-

[1] См. «вторую и третью» книги, к которым Бёме уже не раз отсылал читателя: О трех Принципах; О тройственной жизни человека.

рый порождается из родника вечной природы, то есть из огня души, который образ стоит в свете, во второй муке, и имеет свой живой дух, как вы познаете это в огне и свете, ибо мука света не такова, как мука огня, пусть свет и происходит все же из огня, потому что в муке света понимают кроткий, чистый и ласковый дух, а в муке огня — его причину. Как вы затем видите, что из огня происходит воздух, что есть дух, и воздух тоже понимается в четырех образах, как то сухой, по ярости огня, и влажный, как вода терпкого влечения, в-третьих, нежный от света, а в-четвертых, восходящий, от огненного взрыва ярости. Поскольку же мы понимаем, что свет во всех своих образах есть творец, ибо он кроток и есть жизнь, которая порождена через яростную смерть, как через муку страха в поникании, как второй Принцип, который неощутимо состоит в огне, но всё же несет свое чувство в себе как прелестный вкус; потому что мы затем понимаем, что вода порождается посредством смерти, посредством поникания сквозь страх огня. И дальше надо понять, как он (огонь) всё-таки не есть смерть, хотя всё же смерть, но свет оживляет его, так что в нем есть жизнь, которая жизнь стоит в силе света, так как жизнь прорастает из смерти, именно существенность, как осязаемость, как вода, которая сама в себе мертва, но жизнь огня и сила света — это ее жизнь. Так что существенность как бы мертва, ибо жизнь в ней собственная и сама собой в себе владеет и себя рождает, потому что для нее (жизни) смерть должна дать существенности тело, как

можно прочесть в нашей третьей книге, что мы в жизни света и в воде смерти также понимаем два образа, а по страху в огне — третий: 1) в страхе умерщвления в ярости огня мы распознаём яростную воду — вследствие первых четырех образов к природе, то есть, терпкости, горечи, страха и огня; [она] уподобляется яду, и есть яд, адская существенность в ярости, по первостати первого Принципа, в котором клокочет гнев Божий.

10. Во-вторых, мы распознаем вторую воду в молнии света, в которой мука вследствие умерщвления снижается и в смерти становится подобна Ничто, ибо в Ничто достигается вечная свобода, как вечная бездна вечности. Так как неуловимый свет в этом погружении заглядывает в вечность и постоянно заполняет глубину: то в свете нарастает сила света, это жизнь, [рождающаяся] из погружения в смерть, ибо ярость огня остается в яростной муке яростной воды и не идет в смерть вместе. Этого и не может быть, ибо яростность это суровая жизнь-всесила, которая не может умереть и которая не может достичь вечной свободы, ибо она зовется и остается в вечности жизнью природы: тогда как в световой жизни тоже обнаруживается природа, но не мучительная и враждебная, какова она в первоосновe природы, по которой Бог зовется гневным ревнующим Богом. Ибо в световой муке вода, которая сквозь смерть проникла в свободу, становится мукой и водой вечной жизни в радости, в которой вечно прибывает (aufquellet) любовь и кротость, потому что тогда нет больше погружения: напротив, — цветение, ко-

торое зовется Раем. А движение из муки воды зовется элементом — это чистый элемент в ангельском мире, а причина огня в свете[2] это вечный небосвод, в котором вечное знание Бога открывается в мудрости, каково есть его подобие во внешнем небосводе и звездах.

11. Вот так мы понимаем два мира друг в друге, где ни тот, ни другой друг друга не постигают, именно, как один в ярости огненной природы, в воде яда и муке страха, где втуне обитают бесы, и затем один в свете, где вода света из страха проникла в вечную свободу, которой вода яда не может достичь или постигнуть, и все же [они] не разделены, разве только смертью, которой разводятся на два Принципа и, значит, делятся на две жизни; как то: одна — в гневе, а другая — в любви, которая жизнь познается как истинная жизнь Божья. И здесь-то лежит причина того, что, раз мы с Адамом вышли из этой жизни света во внешнюю жизнь мира, Бог поэтому стал человеком — так Он должен был провести нас сквозь эту смерть и вывести через муку ярости и из нее, из огненной жизни страха сквозь смерть — в жизнь света и любви, хотя врата смерти были в ярости заперты в человеческой душе, так что душа в муке страха, во внутренней природе, стояла в огне яда, то есть в воде страха: тогда князь Христос разбил замок смерти и вновь возродился из смерти со своей человеческой душой в свете Божьем, и тем самым в своей жизни света держит те-

[2] Т.е. огонь, присутствующий в свете как его причина, говоря языком позднейшей философии, — в «снятом» виде.

перь смерть в плену, так что она стала смешна. Ибо с этим замком Люцифер рассчитывал стать господином и всесильным князем в ярости; но когда оковы были сломлены, то разрушила ему сила божества в свете его царство. Тогда-то он стал плененным слугою, ибо свет Бога и вода кротости — это его смерть, гнев этим умерщвляется.

12. Так свет и любовь вступили в гнев с райским элементом и водой вечной жизни, и тем был погашен Божий гнев. Потому Люцифер теперь остается в себе самом лишь устрашающей яростной мукой огня, ибо тело его есть яд и мука воды яда, и был, стало быть, изгнан из Божьего огня в матку вечной природы, как именно в суровую терпкость, которая рождает вечную тьму. Там он сурово правит в страшном Меркурии, как посрамленный и отторгнутый, который изначально был князем, но теперь значит не больше, чем палач и бесчестный слуга, который должен быть в Божьей ярости как палач, наказывающий зло, когда это приказано его господином — на большее у него нет силы, хотя он всё же обманщик, чтобы только больше нахапать и его царство стало большим, чтобы обладать большим, а не быть посмешищем с малым. Так же думает и блудница, если только блудниц много: «Я же не одна блудница, я как другие». Так и он жаждет иметь больший род, чтобы тем насмехаться над Богом. Дьявол всегда винит Бога в том, что он пал и что его, значит, привлекла Божья ярость и ввергла в такую волю высокомерия, что он не устоял, полагая, [что] если только он

притянет к себе многих, то его царство станет большим и он тем завладеет большим [числом] тех, кто поступает подобно ему и проклинает Бога, а себя оправдывает: в этом его сила и его удовольствие в его темном терпком страхе, так что он постоянно возбуждает в себе огонь и развеивает его на престолы. Так он еще считает себя князем и королем, и хотя он зол, он все же является князем своих легионов в гневе своей тварности, но с гневом вне его тварности он не в силах справиться, в нем он вынужден оставаться в плену бессилия.

13. Итак, понимайте человеческую жизнь в двух формах (Gestalten): одна — по огню природы, а другая — по огню света, который огонь горит в любви, в нем сияет благородный образ Божий, и с тем [мы] понимаем, что воля человека должна войти в волю Божью, так он войдет в смерть Христа с душой Христа, через смерть в вечную свободу Божью, в жизнь света, здесь он во Христе с Богом. Третья форма жизни — это внешняя жизнь, сотворенная из этого мира, как то из солнца, звезд и элементов, которую Дух Божий вдохнул в ноздри Адама вместе с духом maioris mundi[3]; отчего он тогда стал также внешней душой, которая плавает в крови и воде и горит во внешнем зажженном огне как в тепле.

14. Эта внешняя жизнь не должна была посягать на образ, то есть на внутреннюю жизнь; образ также не должен был впускать её (внешнюю жизнь) во внутренний свет, который светит сквозь смерть и цветет

[3] Большого мира (*лат.*)

в своей силе в вечной свободе, ибо внешняя жизнь — это только подобие внутренней жизни. Внутренний дух должен был лишь открывать во внешнем зеркале вечные чудеса, которые были в бездне увидены в Божьей мудрости в божественной магии, и приводить их в фигурное[4] зеркало, а именно — в зеркало чудес, во славу Божью и на радость внутреннему человеку, рожденному из Бога, но его воля не должна была входить в него (зеркало) [для того], чтобы вовлекать (einzuziehen) внешние чудеса в образ, как мы теперь с горестью видим, что человек втягивает (einzeucht[5]) и образует земное сокровище в своем нраве и тем самым разрушает в себе чистый образ Божий по второму Принципу.

15. Дух воли человека теперь устремлен в земную сущность, как в земное сокровище и в земной сосуд, через это образ в таком воображении тоже становится земным и снова идет в смерть, и теряет Бога и Царство Небесное, ибо дух его воли с любовью застряли во внешней жизни. Теперь внешняя жизнь должна умереть и разрушиться, чтобы сотворенный образ проявился по внутреннему царству, и вот дух воли со своей любовью погряз во внешних чудесах, и ведет их с собой в умирании внешней жизни пред Суд Божий, тут дух воли должен пройти через огонь, и образ должен

---

[4] Речь идет о *фигуративности* внешней жизни, т.е. о ее знаковой природе, вследствие которой она и есть «подобие» и «зеркало» внутренней, но лишь как *фигура*, *эмблема*, *знак* потаенного истинного смысла.

[5] Вновь — со смыслом «зачатия».

оказать себя в огне, все земное должно выгореть в образе, ибо он должен быть совершенно чистым, без изъяна. Как свет состоит в огне, так же и дух воли должен сохраняться в Божьем огне, и если только он не может свободно пройти сквозь огонь Божий, сквозь смерть, то будет этот образ души извергнут в вечную тьму.

16. Это как раз и есть тяжкое падение Адама, что он свой дух воли вложил во внешнюю жизнь, то есть во внешний Принцип, в ложное хотение, и вообразился по земной жизни и, значит, ушел из Рая, — который процветает сквозь смерть во втором Принципе, — во внешнее, и вошел, стало быть, в смерть — так он должен был умереть, и так был разрушен его образ. Это мы унаследовали от Адама, но и от другого Адама — Христа — [мы унаследовали] возрождение, так как нам надо войти в вочеловечение Христа и с Ним в Его смерть, а из смерти с Ним процвести мире Рая в вечной существенности Божьей свободы.

ГЛАВА VI

ЧТО МОЖЕТ ВОЖДЕЛЕНИЕ; КАК МЫ ПАЛИ В АДАМЕ И СНОВА РОЖДЕНЫ ВО ХРИСТЕ; И КАК НЕЛЕГКО СТАТЬ ИСТИННЫМ ХРИСТИАНИНОМ

1.

А так, мы понимаем, что всё зависит от вожделения и что порча пришла и всё еще приходит из вожделения, ибо вожделение — это воображение, воображение же вплетается во все образы природы, так что они зачинаются тем, из чего возникает вожделение, когда же мы понимаем внешний дух человека, который является подобием внутреннего: этому восхотелось прекрасного образа, и того ради его воображение было вложено во внутреннего (человека), отчего внутренний был заражён. И поскольку в этот момент он не чувствовал смерти, то он уступил внешнему дух своей воли — так внешний расположился во внутреннем на постой, а в конце концов стал хозяином в доме, и затмил внутреннего, так что прекрасный образ и поблек. С тем очутился прекрасный образ среди убийц, именно среди жестоких духов Природы и истока жизни, они пленили образ и сорвали с него райские одежды, изуродовали и оставили лежать полумертвым[1].

---

[1] Ср. с притчей Иисуса о добром самарянине: «<...> некоторый человек <...> попался разбойникам, которые сняли с него

2. Теперь нужен был самарянин Христос, и в этом причина, что Бог стал человеком. Если бы порча могла быть исцелена Словом изреченным или Словом прощения, Бог не стал бы человеком, но Бог и Рай были потеряны, к тому же благородный образ был разрушен и опустошен, и должен был быть вновь рожден из Бога. И потому Бог пришел со Своим Словом, которое есть центр в жизни света, и стал плотью, чтобы душа получила божественное райское жилище: понимай, что так же, как душа Адама отворила двери огненных эссенций и впустила земные эссенции, поток которых вмешался в райский образ и сделал образ земным, так же Божье сердце открыло двери эссенций света и объяло душу небесной плотью, и, стало быть, эссенции священной плоти вообразились по образу, по эссенциям души. Так душа теперь вновь стала беременна, так что она с ее духом воли сквозь смерть вошла в райскую жизнь. И отсюда произошло искушение Христа, что Он был искушаем, хочет ли душа вкушать от Verbo Domini[2], и может ли она через смерть вновь войти в Божью жизнь, что было, наконец, исполнено на кресте, когда душа Христа прошла через огонь ярости, через суровый поток, через смерть и проросла вновь в св. мире Рая, в который был создан Адам, в том и была нам людям новая помощь.

3. Потому наша нужда теперь в том, чтобы нам свою волю, ум и нрав из всех земных вещей извести

одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым» и т.д. — Лк 10:30. (Прим. пер. — К.К.)

[2] Слово Божье (*лат.*).

и обратить в страсти Христовы, Его умирание, смерть и воскресение, чтобы мы старого Адама вседневно распинали смертью Христовой и постоянно с грехом умирали в смерти и умирании Христа, и с Ним из страха смерти вновь и вновь восставали в новом человеке, и цвели в жизни Бога: другого пути нет. Мы должны в своей воле умереть земному миру и непрестанно вновь рождаться новому миру в вере, в плоти и крови Христовой, мы должны родиться из плоти Христа, если хотим вновь видеть Царство Божье.

4. Это не такое легкое дело быть истинным христианином, напротив, это наитяжелейшее дело. Воля должна стать рыцарем и сражаться против испорченной воли, она должна из земного разума погрузиться в смерть Христа в гневе Божьем и как драгоценный рыцарь разбить земной воле ее силу, и, значит, твердо отважиться положить на то земную жизнь и не отступать, пока он не разобьет земную волю, что для меня весьма суровая война, когда два Принципа сражаются друг с другом на уничтожение. Это не шутка, это должно быть всерьез, чтобы завоевать рыцарский венец, ибо никто не получит его, пока не победит. Он должен разбить власть земной воли, для чего он собственной властью в себе все же не найдет достаточно сил, но если он от земного разума своей внутренней волей проникнет в смерть Христа, то через смерть Христа сквозь гнев Божий против всех препон дьявола он опустится в райский мир, в жизнь Христа. Он должен сделать свою волю словно мертвой, тогда он будет

жить Богу и окунется в Божью любовь, пусть он даже и живет во внешнем царстве.

5. Но я говорю о рыцарском венце, который он получит в райском мире, если он однажды пробьется туда, ибо там сеется благородное семя, и [он] получит драгоценный залог Святого Духа, который после этого направит и поведет его. И хотя в этом мире он принужден ходить темной долиной, где дьявол и злоба мира непрестанно рокочут над ним и часто ввергают внешнего человека в ужас, и тем затеняют благородное горчичное семечко, то оно все же не позволяет себя сдержать, но прорастает, и из него вырастает древо в Царство Божье вопреки всей свирепости и неистовству дьявола и его свиты. И чем больше подавляется жемчужное древо, тем упорнее и сильнее оно растет, оно не дает себя подавить, даже если это стоит внешней жизни.

6. Итак, мой милый нрав, исследуй хорошенько дерево христианской веры; оно стоит не в этом мире, скорее оно должно быть в тебе, но ты должен с этим деревом быть с Христом в Боге, так чтобы этот мир был лишь довеском к тебе, как он был лишь довеском к Христу. Но не нужно так понимать, что этот мир перед Богом ни к чему не годен или бесполезен: он — великий Мистериум, и человек был сотворен в этот мир как его мудрый правитель, ради того, чтобы открыть все чудеса (которые от вечности в сульфуре, из которого был сотворен этот мир со звездами и элементами) и Всё по своей воле привести в формы, фигуры и образы к свой радости и великолепию.

7. Человек был создан совершенно свободным, без единого закона, у него не было закона, разве только закон природы, что он не должен был вмешивать один Принцип в другой (ein... in das andere[3]): внутренний человек не должен был допускать в себя ничего земного, но должен был полновластно господствовать над внешним Принципом — тогда ни смерть, ни умирание в него не вошли бы, и внешние элементы не могли бы его коснуться, ни жара, ни мороз не касались бы его. Ибо, как благородный образ должен сохраняться в огне, так должен был этот же самый благородный образ господствовать во всем человеке, во всех трех Принципах, всем управлять и наполнять всё райской мукой.

8. Но поскольку, однако, это не смогло случиться и даже плоть стала земной, то теперь мы должны рождаться в вере, потому что ведь земная жизнь скрывает истинную жизнь, поэтому мы должны надеть подходящее платье, которое зовется надеждой, и нашу волю вложить в надежду и постоянно работать над деревом веры, чтобы оно приносило свои плоды как благословенная любовь к Богу и ближнему своему. Оно (er[4])

---

[3] Внутренняя форма неопределенного артикля — ein (один) — и обиходное употребление прилагательного «другой» как числительного («второй») придают фразе смысл недопущения именно первого Принципа во второй.

[4] Местоимение с очевидностью относится к предшествующему существительному — «дерево», которое в нем. яз. несет мужской род (der Baum — er), что совпадает с грамматическим ро-

должно творить добро, не только ради самого себя, но и чтобы своего ближнего сделать лучше своим примером и жизнью. Оно должно думать, что оно — дерево в Царстве Божьем, что оно носит Божий плод и растет на Божьем поле, что его плод предназначен для Божьего стола и что оно должно свои творения и чудеса вкладывать в истинную любовь и ходить в любви, чтобы их возможно было ввести в Царство Божье. Ибо Бог есть Дух, и вера — это тоже дух в Боге, а Бог стал во Христе человеком, дух веры во Христе тоже рождается как человек. Значит, дух воли движется истинно в Боге, ибо он Один Дух с Богом и с Богом творит божественные дела: и пусть земная жизнь его скрывает, так что он не знает своих дел, которые он породил в вере. Это все же станет явным в разрушении земной жизни, ибо надежда это его сундук, — и Мистериум, куда дела веры сеются и где сохраняются.

дом слова «человек» (der Mensch — er), что делает возможным в дальнейшем пассаже метонимическое отождествление (дерева) веры и человека, в котором *дела (плоды) веры* предстают и как *работа человека над деревом веры*.

ГЛАВА VII

С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ БЫЛ СОЗДАН ЭТОТ МИР СО ВСЕМ СУЩИМ И О ДВУХ ВЕЧНЫХ МИСТЕРИУМАХ; О ЖЕСТОКОЙ БИТВЕ В ЧЕЛОВЕКЕ ЗА ОБРАЗ; И В ЧЕМ СТОИТ, РАСТЕТ И ПЛОДОНОСИТ ДЕРЕВО ХРИСТИАНСКОЙ ВЕРЫ

1.

А вот поскольку человек стоит в тройственной жизни, то каждая жизнь для другой — Мистериум, и вожделеет другую, с какой целью и был сотворен этот мир со всем сущим, ибо божественная существенность жаждет зеркала или подобия, ибо этот мир есть подобие сущности Бога, и Бог явлен в земном подобии. Ибо чудеса сокровенности не могут быть открыты в ангельском мире в рождении любви, но в этом мире, где смешаны любовь и гнев, где пребывает двойственная родильница, здесь это возможно, ибо все вещи происходят из корня огня, но охватываются водой кротости, так что становятся нежной сущностью. Но так как огонь в ангельском мире не познаётся, ведь центр родильницы стоит в свете и есть Слово Божье, то чудеса природы не могут открыться ни в чем ином, кроме как в духовной магии, то есть они должны быть усмотрены в Божьей мудрости. Поскольку, однако, это почти неощутимо для ангелов и душ человеческих, а Бог всё же хочет быть познан в ангелах и людях, то ангельский мир страстно жаждет познать великие чудеса, которые извечно стояли в Божьей му-

дрости. И они приводятся к сущности в земном подобии, в фигурах и образах, Всё по вечным эссенциям центра Природы, чтобы чудеса длились вечно, но не эссенциально, а в фигурах, образах и подобиях, в формах (Formungen): по воле хотя и магически, но родильница все-таки пребывает в центре чудес, ибо она однажды была пробуждена из огня, но она опять поглощается в Мистериуме и стоит [в нём], как потаенная жизнь. Потому все сущности должны стать очевидными в ангельском мире подобно тени, но лишь те, которые в Божьей воле были введены в Мистериум, — ибо есть два вечных Мистериума, один — в любви, а второй — в гневе: вот, во что обращается дух воли, там и пребывают все его творения и чудеса.

2. Точно так же мы узнаём, что и внешнее остро вожделеет внутреннего, ибо всё стремится к центру, как к истоку, и жаждет свободы, ибо в огне Природы — страх и мука — оттого образование или образ кротости хочет быть свободным в потоке любви и, однако, не может быть свободным в потоке огненных эссенций до тех пор, пока мука не разделится в разрушении, тогда каждое вступит в свой Мистериум. Так же огонь хочет быть свободным от воды, ибо вода для огня — это тоже смерть и для него — тоже Мистериум. И мы видим вместе с этим, как вода держит огонь в плену, и всё же в огне нет смерти, напротив, в огне есть только Мистериум, насколько можно видеть, как он прорывается в огне и открывается, когда он открывается из центра своей собственной родильни-

цы, как это видно в молнии, также можно распознать и в камне, который ведь тоже вода. Но прежде всего видим, как все образы природы жаждут света, ибо в этой жажде рождается елей, в котором узнаётся свет, ибо он происходит из кротости.

3. Так дано нам познать в нашей жизни, что в нас открыт центр огня, ибо жизнь горит огнем, а затем нам надо осмыслить жажду любви, которая берет начало в Слове жизни в ангельском мире, где сердце Бога с Его вожделением стоит перед нами с Его воображением и вовлекает (zeucht) и нас в божественный Мистериум.

4. А в-третьих, нам нужно осознать магическое царство этого мира, которое тоже в нас горит и мощно втягивает (zeucht) нас в свои чудеса, ибо оно хочет быть очевидным, а человек создан в него для того, чтобы открыть этот Мистериум и вывести чудеса на свет и в формах по вечной мудрости. Поскольку он должен это сделать и, значит, горит в тройственном огне, то истинный дух, в котором стоит ангельский образ, пребывает в большом беспокойстве и в великой опасности, ибо он ходит по очень узкой тропе и имеяет двух врагов, которые его постоянно притягивают: каждый из них хочет быть в образе и ввести в него свой поток. То есть именно внутренний и внешний огонь; внутреннее царство ярости и также внешнее земное царство зеркала, а располагается истинный образ, стало быть, посередине в створке (Quetsche[1]). Ибо внутреннее цар-

[1] Употребление этого слова у Бёме, как представляется, метафорично («зажим», «тиски», «давильня» и т.п.), что должно,

ство хочет открыть чудеса через внешнее, но поскольку оно слишком жгуче, то внешнее правление бежит от внутреннего, и хватается за середину, то есть за образ, который стоит в свободе Божьей, и вплетается тем самым в образ. Ибо все прибегает к сердцу Божьему, как к центру царства радости. Теперь образ нуждается в том, чтобы защититься, не впустить земного гостя, тем более огненного; и все-таки рождается из обоих, именно: из огня — жизнь, а из внешнего — чудеса. Потому образу человека очень нужно вести умеренную, трезвую жизнь и не слишком наполняться внешним царством, ибо иначе оно сделает себе жилище в благородном образе.

5. Тут мы понимаем могучую битву в человеке за образ Божий, ибо их трое сражаются за него: во-первых, суровая огненная жизнь, во-вторых, божественная жизнь, и, в-третьих, земная жизнь. Так что благородный образ стоит в середине и притягивается всеми тремя. Теперь он нуждается в том, чтобы в вере укрыться в Мистериум надежды, и в этом самом Мистериуме стоять тихо, так как дьявол из внутренней огненной жизни в высокомерии, фальши и алчности постоянно проносится во внешнюю земную огненную жизнь над благородным образом, хочет ввести его в огонь и жизнь страха и разбить; ибо он мнит до сих

очевидно, соответствовать «очень узкой тропе», ведущей к «истинному образу». Но, вместе с тем, в этом употреблении видится и попытка терминологически определить то, что философы XX века назвали «складкой» (*нем.* Zwiefalt; *фр.* Pli).

пор, что область (Locus[2]) этого мира — это его королевство, он не хочет терпеть в нем никакого иного образа. Теперь благородный образ впадает в крестное страдание, скорбь, страх и нужду: и сюда же относится великая битва, чтобы завоевать благородный рыцарский венец образа Божьего, из этого возникает молитва, чтобы с молитвой образ постоянно выходил из введенной [в него] земной сущности и из высокомерных адских мерзостей и непрестанно входил в Божью жизнь, в Его любовь. И так истинный образ постоянно убивает земного Адама и заодно адского дьявола гордыни и должен всегда стоять как рыцарь; и полезнее всего для него, чтобы он завернулся в терпение, бросился под крест и всегда истекал любовью, ибо это — его меч, которым он побивает дьявола и изгоняет земную сущность. У него нет другого меча, которым он защитился бы, кроме кроткой воды вечной жизни, которая не по вкусу горделивому яростному духу огня, ибо она для него яд, он бежит ее.

6. Если мы теперь хотим правильно приложить дерево христианской веры, то мы скажем: его корень стоит в Мистериуме надежды, его поросль стоит в любви, а тело в обретении веры, то есть, когда образ со своим серьезным вожделением вторгается в Божью любовь и обретает Божью существенность, то есть тело Христово. Вот это корпус, в котором это

[2] Место (*лат.*). См. в «Авроре, или Утренней заре в восхождении» о том, что Locus этого мира и есть, собственно, тело архангела Люцифера.

дерево стоит, растет и цветет, и в терпении приносит плоды, они же потом принадлежат ангельскому миру, и они — пища души, от которой она вкушает и услаждает свою огненную жизнь, так что она превращается в свет кротости.

7. Так дерево растет в Раю Божьем, которого внешний человек не знает и никакой разум не постигает, но благородному образу он очень хорошо знаком, ему (образу) потом, когда внешняя жизнь разрушится, он (Рай) откроется, а за ним (образом) последуют все его творения в Мистериуме надежды, куда он сеял. Потому никто, кто хочет пойти путем Божьего паломника, не должен рассчитывать в этом мире на благие радостные дни с мирскими почестями, но горести, презрение и гонения ждут его ежечасно. Он здесь только в долине скорби и должен постоянно бороться, ибо дьявол ходит вокруг него, словно рычащий лев, он подстрекает против него всех своих детей злобы, его (паломника) почитают за глупца, он незнаком своему брату, дом его матери насмехается над ним и презирает его. Он идет прочь, сеет в печали и страшится, но нет никого, кто это понимает или кому это пришлось бы по сердцу; каждый думает, что его глупость мучает его так. Так что он остается скрыт для мира, ибо он со своим благородным образом рожден не от мира, но из Бога. Он сеет в скорби, а пожинает в радости. Но кто захочет высказать его славу, которая станет ему наградой? Или кто захочет сказать о рыцарском венце, который он стяжает? Кто может высказать корону Девы,

которую возлагает на него Дева мудрости Божьей? Где такая краса, которая превосходит небо? О, благородный образ! Ты ведь образ Св. Троицы, в которой живет сам Бог! Бог возлагает на тебя Своё прекраснейшее украшение, чтобы ты вечно радовался в нем.

8. Что есть всё же сущность этого мира, коль скоро он рушится и вводит человека лишь в заботу, страх и нужду, сверх того в Божий гнев, и разбивает ему прекрасный образ, и надевает ему личину! О, какой великий позор претерпит человек, если в день Божьего суда явится в зверином образе, [даже] без того, что последует затем, в чем ему придется остаться вечно! Тогда подступит ужас, стенания и плач по утраченному залогу, который вовеки не может быть снова обретен, потому что образ должен в вечности предстоять мерзкому дьяволу и делать, что хочет князь мерзости Люцифер.

ГЛАВА VIII

КАКИМ ОБРАЗОМ БОГ ОТПУСКАЕТ ГРЕХ И КАК СТАТЬ ДИТЁМ БОЖЬИМ

1.

Дорогой ищущий вожделеющий нрав, ты, который алчешь и жаждешь Царства Божьего, заметь же основное, что тебе показывают! Это ведь, значит, не такое легкое дело, стать дитем Божьим, как учит Вавилон; когда совесть уводят в историю, вежливо так ее щекочут страданием и смертью Христа; когда об отпущении грехов учат исторически, на манер мирского суда, где кому-то вина его прощается из милости, хотя он в сердце и остается плутом. Здесь же все иначе: Бог не хочет принимать притворщиков — Он, стало быть, не снимает с нас грех, пока мы держимся только за науку и утешаемся страданием Христа, а по совести остаемся в мерзостях. Сказано: вы должны родиться заново или не можете прийти в Царство Божье. Если кто-то хочет льстить себе страданиями и смертью Христа и примерять это к себе, а хочет, однако, своей волей, не рожденным заново, оставаться в адамическом человеке, — тот поступает точно как некто, кто тешится [тем], [что] господин де подарит ему свою землю, хотя он и не сын ему, а он (господин) обещал подарить ее всё же только

сыну; так же и здесь, если ты хочешь владеть землей твоего господина и иметь её в собственности, то ты должен стать его истинным сыном, ибо сын служанки не должен наследовать вместе с [сыном] свободной[1]. Сын из истории — чужак; ты должен родиться из Бога во Христе, чтобы ты стал единокровным сыном, лишь тогда ты дитя Божье и наследник страдания и смерти Христа: смерть Христа — твоя смерть, Его воскресение из гроба — твое воскресение, его вознесение — твое вознесение, и Его вечное царство — твое царство. Коль скоро ты Его истинный сын, рожденный от Его плоти и крови, то ты наследник всех Его благ, иначе ты не можешь быть дитем и наследником Христа.

2. Пока земное царство кроется в твоем образе, ты земной сын испорченного Адама. Не поможет никакое притворство. Говори перед Богом хорошие слова, сколько хочешь, — ты всё чужое дитя, и не тебе предназначены Божьи блага, пока ты с блудным сыном не придешь снова к Отцу с настоящим истинным раскаянием и покаянием о твоем потерянном наследстве. Тогда ты должен духом твоей воли выйти из земной жизни и разбить земную волю, что причиняет боль, — нравом и духом воли бросить прежде дорогое сокровище, в котором дух воли был рожден, — и должен войти в Дух Божьей воли: тогда ты посеешь семя свое в Царство Божье и будешь заново рожден в Боге, как плод, который растет на поле Бога, ибо твоя воля по-

[1] Намёк на Измаила, сына Авраама и служанки Агари, см. Быт 21:10. (Прим. пер. — К.К.)

лучит силу Бога, тело Христа, и у тебя вырастет новое тело в Боге — тогда ты — Божье дитя, и тебе предназначены Христовы блага. Его заслуга — твоя заслугка, Его страдания, смерть и воскресение — всё твое, ты — часть тела Его, а Его дух — твой дух, Он ведет тебя верной дорогой, и все, что ты делаешь, ты делаешь Богу. Ты сеешь в этом мире, а пожинаешь на небе Божьем, ты — Божье чудотворение и открываешь в земной жизни Его чудеса, и вовлекаешь (zeuchst) их духом твоей воли в священный Мистериум.

3. Итак, заметьте это, вы, алчные, вы, высокомерные, вы, завистливые, вы, лжесудьи, вы, озлобленные, которые вводите вашу волю и вожделение в земные блага, в деньги и имущество, и в сладострастие этой жизни, и считаете деньги и имущество вашим сокровищем, и вкладываете в это ваше вожделение и хотите вместе с тем быть Божиими детьми, стоите и лицемерите перед Богом, Он-де должен простить вам грех. Но вы с вашим образом остаетесь в шкуре Адама, в плоти Адама, и уповаете на страдания Христа, и остаетесь всего лишь притворщиками. Вы не Божьи дети, вам надо родиться в Боге, если хотите быть детьми, иначе вы обманываете себя вместе с вашими обманщиками, которые малюют перед вами фальшивыми красками. Они учат, а Богом ни признаны, ни посланы учить, они делают это ради брюха и мирской почести, они большая вавилонская блудница, которые устами обманывают Бога, а сердцем и духом воли служат дракону Вавилона.

4. Дорогой нрав, если ты хочешь стать Божьим дитем, готовься к искушению и печали. Это не легко и просто, войти в детскую жизнь, пока разум в плену земного царства, он должен быть разрушен, и воля должна выйти из разума, она должна в смиренном послушании пасть на ниву в Царстве Божьем, как зерно сеется в пашню, она должна в разуме сделаться как бы мертвой и предаться Богу, так вырастет новый плод в Царстве Божьем.

5. Потому человек пребывает в тройственной жизни, и всё принадлежит Богу. Внутренние огненные эссенции первого Принципа с новым телом воплощаются в Христа, так что в плоти и крови Христовой они истекают из Воли Божьей; их огонь есть Божий огонь, из которого горит любовь, кротость и смирение, откуда исходит Св. Дух и помогает им выстоять в битве против земного разума и против испорченной плоти и воли дьявола. Его ярмо земной жизни становится ему легче, но он должен в этом мире оставаться в борьбе. Ибо земной жизни необходимо питание, его человек должен искать и всё же, однако, не должен вкладывать в это свою волю и сердце, и зависеть от него; он должен доверять Богу, его земной разум постоянно приходит в сомнение, что ему-де не хватит; он (разум) все время хочет видеть Господа и, однако, не может этого: ибо Бог живет не в земном царстве, но в Себе Самом.

6. Значит, разум, поскольку он не может видеть Бога, должен быть втиснут в надежду; тут тогда сомнение восстает против веры и хочет разрушить надежду.

Вот тогда строгая воля вместе с истинным образом должна сражаться против земного разума, это больно и часто печально, пока разум еще смотрит на бег этого мира и, значит, сознает дух своей воли словно бы глупым в противостоянии бегу этого мира, потому говорится: будьте трезвы, бодрствуйте, поститесь и молитесь, чтобы вам оглушить земной разум и сделать его как бы мертвым, чтобы Божий Дух нашел в вас место! Когда Он явится, то вскоре Он победит земной разум и взглянет на волю в страхе с Его любовью и нежностью, где ведь во всякий час на дереве веры родится прекрасная веточка, а все горести и испытания служат детям Божьим к наилучшему. Ибо как часто ни предназначает Бог Своим детям, что они вводятся в страх и горе, так всякий раз они проходят рождение новой веточки дерева веры. Когда Дух Божий является вновь, то Он каждый раз возводит новую поросль, которой благородный образ в высшей степени радуется, и нужен только решительный штурм, чтобы земное древо было побеждено и благородное семя было посеяно на Божьей пашне, чтобы человек научился узнавать земного человека, ибо, когда воля вбирает свет Божий, то зеркало видит себя в себе самом, одна эссенция в свете видит другую: то есть целостный человек находит себя в самом себе и узнаёт, что он есть, чего он в земном разуме не может познать.

7. Итак, никто не должен думать, что дерево христианской веры можно увидеть или познать в царстве этого мира: внешний разум его не знает. И даже когда

прекрасное дерево уже стоит во внутреннем человеке, земной разум все еще сомневается, ибо Дух Божий для него как глупость, он не может Его ухватить. Если даже так случается, что Св. Дух открывает Себя во внешнем зеркале, так что внешняя жизнь в нем ликует и от великой радости приходит в трепет, и думает: теперь-то я заполучила драгоценного гостя, теперь я уверую в это, — то в этом всё же нет совершенного постоянства, ибо Дух Божий не задерживается надолго в земной муке, Он хочет иметь чистый сосуд. И когда Он отступает в Свой Принцип, то есть в истинный образ, то внешняя жизнь становится малодушной и боязливой, потому истинный образ должен быть в непрестанной борьбе против внешней жизни разума; и чем больше он борется, тем больше растет прекрасное дерево, ибо он творит с Богом. Ибо, как земное дерево растет на ветру, под дождем, на холоде и жаре, так же и дерево образа Божьего — под крестом и скорбью, в страхе и муке, в насмешках и презрении; и расцветает в Божьем Царстве, и в терпении приносит плод.

8. Поскольку мы это знаем, то мы должны ради этого работать и не позволять ни боязни, ни ужасу остановить нас, ибо мы будем вечно вкушать и пожинать то, что мы посеяли здесь в страхе и старании, чтобы нам утешаться вечно. Аминь. Аллилуйя!

СОДЕРЖАНИЕ

С.М. Шаулов. ВОЧЕЛОВЕЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА 4

I ЧАСТЬ 40
Как вечное Слово стало человеком и т. д.

Глава I 41
[О том,] Что персона Христа, равно как Его вочеловечение, не может быть познана из естественного разумения или буквы св. Писания без божественного озарения. Равно с этим, о первозданности вечной божественной сущности

Глава II 54
Откровение Божества через сотворение ангелов и людей из божественной эссенции

Глава III 64
Врата сотворения человека

Глава IV 77
О райской сущности и правлении, как это могло бы быть, если бы человек остался в невинности

Глава V 89
О плачевном и жалком падении человека

Глава VI 109
О сне Адама, как создал Бог из него женщину и как он полностью стал земным, и как Бог с проклятием отнял у него Рай

Глава VII 123
О предсказанном семени женщины и змееборце

Содержание

Глава VIII 134
О деве Марии и вочеловечении Иисуса Христа, Сына Божьего

Глава IX 144
О девственности Марии;
чем она была до благословения и чем она стала в благословении

Глава X 158
О вочеловечении Иисуса Христа,Сына Божьего, и [о том], как Он
девять месяцев, как все человеческие дети, лежал запертым
в материнской утробе, и как, собственно, было Его вочеловечение

Глава XI 167
О полезности: что пользы нам, бедным детям Евы,
в вочеловечении и рождестве Иисуса Христа, Сына Божьего

Глава XII 177
О чистом девстве, как мы, бедные дети Евы, из чистой
целомудренной благовоспитанности в вочеловечении Христа
должны быть приняты и заново рождены в Боге, иначе не узрим Бога

Глава XIII 193
О двойственном человеке, как о ветхом и новом Адаме;
о двуразличных людях, как старый злой относится к новому;
какую ведет каждый религию, жизнь и веру, и что каждый понимает

Глава XIV 209
О новом рождении. В какой субстанции, эссенции, сущности
и качестве состоит новое рождение, в качестве дитя девы,
коль оно сидит еще в старом Адаме

II ЧАСТЬ вочеловечения Иисуса Христа. 220
Как нам нужно войти в страдания, кончину и смерть Христа,
и из Его смерти с Ним и через Него воскреснуть
и уподобиться Его образу, и жить в Нём вечно

Содержание

Глава I 221
О происхождении жизни из огня; далее: о вечном духе в вечной Деве мудрости Божьей, и что есть вечное начало и вечный конец

Глава II 228
Истинные драгоценные врата Святой Троицы, глаз света жизни. О Божественности вне природы

Глава III 233
Очень строгие врата [О том,] как Бог неочевиден кроме как в Принципе огня; далее о вечной сущности и о безосновной воле

Глава IV 242
О Принципе и первостати огненного мира, о центре Природы, и как отделяется свет от огня, так что два мира из вечности в вечность пребывают друг в друге

Глава V 254
О Принципе в себе самом, что он есть?

Глава VI 268
О нашей смерти, почему мы должны умереть, так как Христос умер за нас?

Глава VII 282
О духовном зрении, как человек в этом мире может иметь божественное и небесное знание, что он может истинно говорить о Боге, и каково его зрение

Глава VIII 295
Дорога паломника из смерти в жизнь

Глава IX 308
Дальнейшие и многие обстоятельства этого третьего вызова, для высокого созерцания

Глава X 314
О Божьем образе человека как об одинаковости (Gleichheit) Бога и человека

Содержание

III ЧАСТЬ вочеловечения Иисуса Христа. 326
Дерево христианской веры; истинное наставление [в том], как человек может быть один дух с Богом, и что он должен делать, чтобы творить дела Божьи.

Глава I 327
Что есть вера, и как она является одним Духом с Богом?

Глава II 331
О происхождении веры, и почему вера и сомнение живут вместе

Глава III 337
О свойстве веры, как она исходит из воли природного влечения в свободную Божью волю

Глава IV 345
Что есть дело веры, и как в ней превращается воля, и о вожде веры

Глава V 353
Почему безбожники не обращаются; что самое болезненное в обращении; о ложных пастырях; как войти в Царство Божье; о разрушении царства дьявола; о трех образах и [о том], что мы унаследовали от Адама и Христа

Глава VI 366
Что может вожделение; как мы пали в Адаме и снова рождены во Христе; и как нелегко стать истинным христианином

Глава VII 373
С какой целью был создан этот мир со всем сущим и о двух вечных Мистериумах; о жестокой битве в человеке за образ; и в чем стоит, растет и плодоносит дерево христианской веры

Глава VIII 381
Каким образом Бог отпускает грех и как стать дитём Божьим

Научное издание

Якоб Бёме

DE INCARNATIONE VERBI, или О вочеловечении Иисуса Христа

Перевод с немецкого —
Кристина Валериевна Коваленко,
Сергей Михайлович Шаулов

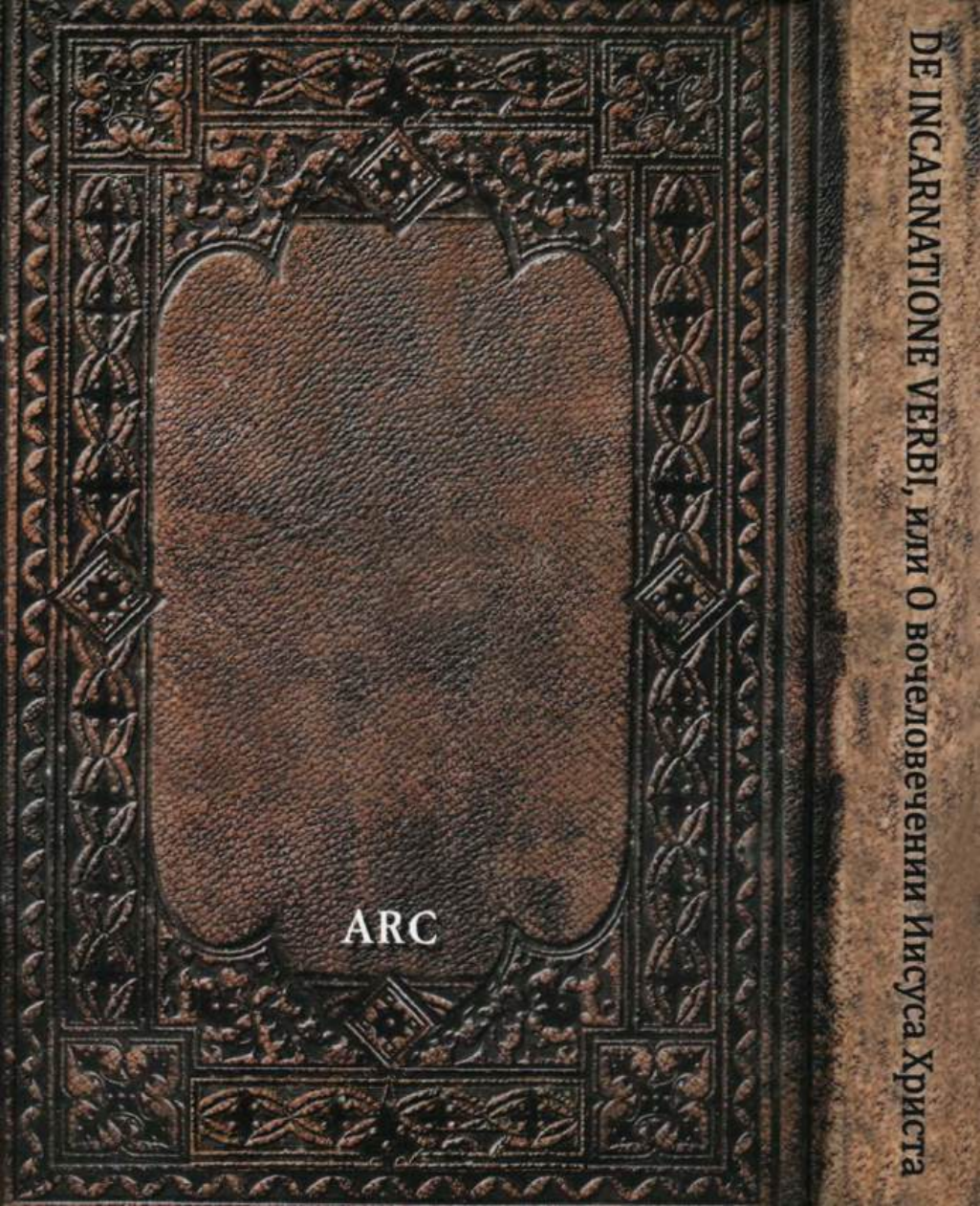
Вступительная статья — Сергей Михайлович Шаулов

Главный редактор: В. В. Постован
Ответственный редактор: О. Ю. Ялалетдинова
Оформление и верстка: И. Х. Гизетдинов
Художественное оформление обложки: З. Ш. Кафиева
Корректор: Д. И. Загитова

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13.

Формат 84x108/32. Тираж 1000 экз. Заказ № К-2194. Печать офсетная. Гарнитура Mysl. Подписано в печать 17.03.2014.

Издательство "ARC"
450083, г. Уфа, ул. Рихарда Зорге, 35
www.arc-press.ru
E-mail: arc-books@mail.ru
тел. 8 (917) 734-67-11


DE INCARNATIONE VERBI, или О вочеловечении Иисуса Христа
ARC